

ПЬЕР
КОРНЕЛЬ

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

ИЗБРАННЫЕ ТРАГЕДИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1956

*Перевод с французского
под редакцией А. А. Смирнова*

*Вступительная статья
и комментарии Н. А. Сигал*

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

(1606—1684)

Имя Пьера Корнеля, создателя французского национального классического театра, прочно вошло в сокровищницу мировой культуры. Корнель выступил в решающий период формирования французского национального государства и национальной литературы, — это определило характер и направление его творчества, идейное содержание его драматургии и ту специфическую художественную форму, которая, начиная со времен Корнеля, на целых два столетия утвердилась во французском театре.

В монументальных, могучих образах своих героев, в их патетическом красноречии, в чеканных, заостренных стихотворных формулах поэт запечатлел сложную и напряженную общественную борьбу своей эпохи, волнующие морально-философские и политические вопросы, выдвинутые этой борьбой. Несмотря на абстрактную, условную, обобщенную форму его трагедий, современники остро ощущали эту связь творчества Корнеля с жизнью. Более поздние поколения раскрыли в них новое, богатое содержание — глубокое проникновение в суть национального характера, в исторические перспективы и судьбы французского народа.

Для других европейских народов Корнель всегда был прежде всего писателем классической школы — этим в значительной мере определялась то положительная, то резко критическая оценка его творчества. Он нес на себе весь груз восторга и предубеждений, тяготевших над понятием «классицизм» и порой заслонявших подлинную историческую сущность и ценность этого литературного стиля.

На самом деле, положение Корнеля во французской литературе эпохи классицизма значительно сложнее. Своим творчеством Корнель по-настоящему открыл эру классицизма во Франции, придал

плоть и кровь отвлеченным правилам классической поэтики. И вместе с тем, на протяжении почти сорока лет своей литературной деятельности, он неустанно сражался с классической догмой, стремясь расширить ее рамки, дать художнику большую творческую свободу. Стихийный протест против педантического соблюдения правил ясно ощущается в самом знаменитом его произведении — в «Сиде». Максимально приблизился Корнель к классической норме в «Горации» и «Цинне», чтобы затем, в пьесах 1640-х годов, выступить со своим, особым истолкованием классической доктрины.

1

Становление классического стиля во французской литературе совпадает с эпохой окончательного укрепления централизованного государства, с эпохой абсолютной монархии. Это наложило свой отпечаток на эстетическую систему классицизма, в косвенной форме отразившую основные направления политической и общественной жизни того времени. Именно Франция эпохи Ришелье и Людовика XIV являлась классической страной абсолютизма, в которой он достиг своей наиболее полной и законченной формы. «Во Франции, — пишет Энгельс, — ...в наиболее резких очертаниях выковываются те меняющиеся политические формы, внутри которых движется эта классовая борьба и в которых находят свое выражение ее результаты».¹

Установление единой самодержавной королевской власти положило конец феодальной анархии периода гражданских и религиозных войн, терзавших Францию во второй половине XVI века. Абсолютизм во Франции выступает в этот период, по словам Маркса, «в качестве цивилизующего центра, в качестве основоположника национального единства».²

Эти исторически-прогрессивные тенденции к национальному и государственному объединению определили и национальный характер искусства классицизма, его идейную направленность. Литература перестала быть частным делом поэтов или дилетантов-аристократов, как это было еще в первые годы XVII века, — она приобрела широкое общественное, государственное значение.

---

¹ Предисловие к третьему изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» — К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1934, стр. 244.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. X, стр. 721.

Классицизм поставил в центре внимания воспитательную миссию поэзии: она должна была возвышать, облагораживать человека, исправлять нравы, звать к доблести и героизму. Подобно тому, как в своей реальной политической практике абсолютизм боролся с проявлениями анархии и своеволия, так и в литературе на первый план выдвигается проблема обуздания индивидуалистических страстей, подчинение личности государству.

Предметом изображения становятся отныне не субъективные переживания, не судьба отдельного человека, а его место в обществе и в государстве. Отсюда вытекает, как необходимое требование, объективный характер классической поэзии: ее содержание определяется не индивидуальной фантазией автора, не его свободным вымыслом, а подражанием природе, объективной действительности.

Особенный расцвет получает в литературе классицизма наиболее «объективный» жанр — драматургия. В период становления национального и государственного единства и национальной культуры театр становится широкой общественной трибуной, где в наиболее яркой и убедительной форме воплощаются большие, жизненно-важные вопросы, волновавшие в ту пору французское общество.

Однако наряду с этими прогрессивными чертами литература и эстетическая теория классицизма несли на себе печать сословной ограниченности, присущей феодально-иерархическому строю Франции эпохи абсолютизма. Несмотря на борьбу с отдельными проявлениями аристократической оппозиции, с крупными феодалами, претендовавшими на политическую самостоятельность, абсолютизм осуществлял господство дворянского класса, сохранял и поддерживал основы феодального строя. Свой авторитет и господство абсолютная монархия утверждала прежде всего путем жестокого угнетения и эксплуатации широких масс простого народа: об этом свидетельствуют многочисленные крестьянские восстания, вспыхивавшие в разных концах Франции. Одно из наиболее крупных — так называемое восстание «босоногих» (1639), разразившееся на родине Корнеля, в Нормандии, приняло такие размеры, что для подавления его правительству пришлось пустить в ход войска.

Классовая природа абсолютизма сказалась как на содержании, так и на форме классической поэзии, ориентировавшейся на вкусы и запросы высших слоев общества. Этим объясняется ее приподнятый, торжественный стиль, избегающий всего «низменного», «простонародного», бытового. Понятие «благопристойности», «приличий» становится существенным правилом и критерием «хорошего вкуса».

Природа предстает в произведениях классицистов преобразенной, «облагороженной», — это существенно ограничивает провозглашенный ими реалистический принцип «подражания природе».

Основным критерием этого подражания, критерием художественной правды выступает у классиков разум. Опираясь на господствующее философское направление своего времени — рационализм, — классическая эстетика усвоила его сильные и слабые стороны.

Она объявляла разум высшим, единственно достоверным источником познания действительности, решительно восставала против всякой фантастики, иррациональной веры в чудеса, противоречащей здравому смыслу и логике. Но вместе с тем она принижала роль чувственного познания, опыта, сознательно изгоняла из поэзии все конкретное, наглядное, частное, почерпнутое из непосредственного наблюдения над жизнью.

Классическая доктрина разделяла общее заблуждение метафизического рационализма, не видевшего развития и исторической изменчивости человеческого общества и сознания. Предметом классического искусства был человек, взятый вне конкретных исторических условий, человек «вообще». Стремясь подчинить поэзию «вечным», «неизменным» законам разума и логики, классицизм неизбежно должен был прийти к утверждению единого для всех времен и народов идеала прекрасного, к диктатуре «хорошего вкуса». Таким идеалом была для классицистов античность, в которой они видели наиболее совершенное художественное воплощение разумного начала, однако античность не конкретно историческая, а преломленная сквозь призму современных общественных и эстетических идей.

В качестве одного из основных требований классицисты выдвигали подражание древним и обязательное использование сюжетов из античной истории и мифологии. В результате и современная жизнь, нравы, проблемы утрачивали свою конкретно-бытовую, исторически-определенную форму, преподносились в самом общем виде, облекались в условные одежды «вечно прекрасного» древнего мира.

Рационалистическая сущность эстетики классицизма была основой для больших художественных обобщений, драматических характеров, конфликтов и ситуаций. В то же время это обобщение лишено было сложности и индивидуальной противоречивости, присущих живой действительности.

Считая разум основой художественного творчества, классицисты придавали большое значение правилам, законам, нормам: духу строгой регламентации, дисциплины, свойственный абсолютизму, проник и в область искусства.

В 1634 году по указанию Ришелье было создано специальное учреждение, призванное направлять литературную жизнь страны, — Французская академия. Именно она и стала цитаделью классицизма. Опираясь на античные поэтики Аристотеля и Горация в современном истолковании, Французская академия подвергла тщательной разработке вопросы художественной формы, в особенности — теории жанров. Здесь ярко сказалась сословно-иерархическая основа классицизма. Жанры строго разграничивались между собой по социальному принципу и одновременно по способу подачи материала. Предметом «высоких» жанров — трагедии и эпопеи — были великие исторические события, судьба знаменитых героев древности, царей и полководцев. Их страдания и бедствия должны были растрогать и потрясти ум зрителя или читателя. «Низкие» жанры — сатира, басня, комедия — бичевали пороки и нравы обыкновенных, средних людей, изображая их в смешном виде.

Классическая поэтика не допускала смешения трагического и комического, высокого и низкого: с ее точки зрения изобразить царя в комическом свете было бы так же неуместно и невозможно, как изобразить простого буржуа в трагической ситуации.

В драматургических жанрах особенно строго требовалось соблюдение правила «трех единств», которое классицисты пытались обосновать «вечными», всеобщими законами разума, логики и правдоподобия: время действия не должно было превышать двадцати четырех часов, которые хотя бы условно приближались к фактической продолжительности спектакля; место должно было оставаться неизменным (в идеале — одна и та же комната), сама фабула — простой, освобожденной от лишних, побочных эпизодов и персонажей, отвлекающих внимание зрителя от основного действия.

Эти правила соответствовали общему духу и направлению классической драматургии, обращенной к изображению не конкретных внешних событий, а внутреннего мира человеческих страстей и переживаний. Отсюда вытекал отвлеченный, статичный характер французской классической трагедии: ее основным выразительным средством было слово, речь, обращавшиеся к «разуму» зрителя, а не жест и пантомима, воздействующие прежде всего на чувственное восприятие.

Разумеется, классическая теория сложилась в таком виде не сразу. Она прошла длинный путь, прежде чем получить свое окончательное, обобщенное выражение в «Поэтическом искусстве» Буало, вышедшем в свет в том самом 1674 году, когда Корнель поставил свою последнюю трагедию.

Основная часть творческого пути Корнеля падает на тот период, когда вопросы классической эстетики стали впервые широко обсуждаться в связи со становлением национальной литературы; его трагедии, нередко вызывавшие полемические выступления, служили тем материалом, на основе которого формулировались правила и нормы классической теории.

Корнеля не могли удовлетворить абстрактность и схематичность, предписываемые классической поэтикой, — его влекла конкретная, живая политическая жизнь, полнокровные, красочные, далеко не всегда «идеально гармоничные» образы его современников. Чутье и темперамент большого художника помогли ему придать этим непосредственным наблюдениям, почерпнутым из жизни, обобщенную, типизованную, классическую форму.

2

Жизнь Корнеля небогата внешними событиями. Основные вехи его биографии совпадают с датами постановок его пьес, с их удачами или провалами. Но насыщенная политической борьбой атмосфера, окружавшая писателя, определяла богатую и напряженную внутреннюю жизнь, которая отразилась в трагических конфликтах и психологических коллизиях его пьес.

Пьер Корнель родился 6 июня 1606 года в городе Руане, в Нормандии. Отец его, зажиточный буржуа, адвокат по профессии, предназначал сына к той же деятельности, но обманулся в своих надеждах. Когда молодой Корнель, закончив образование, приступил к исполнению адвокатских обязанностей, оказалось, что он не только не владеет ораторским искусством, но почти косноязычен: подробность, которую с изумлением отмечают современники — так непостижимо и резко она контрастирует с ораторским, декламационным стилем его трагедий.

Свою литературную деятельность Корнель начал с маленьких галантных стихотворений, за которыми последовали вскоре его первая комедия «Мелита, или Подметные письма» (1629). В это время в Руане гастролировала труппа известного актера Мондори, который согласился поставить комедию Корнеля в Париже. Это было началом его литературной и театральной карьеры: «Мелита» имела большой успех у публики благодаря своей новизне и свежести, изяществу языка и стихотворной формы.

В последующие годы Корнель пишет ряд пьес в том же духе: несмотря на то, что формально все они относятся к жанру комедий,

в них нет собственно комических эффектов, нет грубоватой буффонады, непристойных шуток и острот, характерных для французского комедийного репертуара того времени. Уже в этих ранних пьесах Корнеля обнаруживается интерес к внутренним переживаниям героев, к их психологии, который определит в дальнейшем новизну корнелевской трагедии. Внешняя интрига играет в комедиях Корнеля подчиненную роль — на первый план выдвигается изображение современных нравов. Но в отличие от позднейшей сатирически-обличительной комедии, созданной Мольером, Корнель не ставит перед собой никаких серьезных социальных проблем: действие его комедий сосредоточено вокруг галантных похаживаний и переживаний светской молодежи, и, надо отдать ему справедливость, он отнюдь не склонен идеализировать их. Любовь, изображенная в этих пьесах, — не более как светская игра, кокетство, развлечение. Когда же кто-нибудь из персонажей испытывает действительно глубокое и серьезное чувство, оно остается непонятым и неразделенным, наталкивается на черствый эгоизм и равнодушие. Этим определяется меланхолический, невеселый тон последних комедий Корнеля, замыкающих собой ранний период его творчества.

В 1635 году Корнель впервые обращается к «высокому» жанру трагедии, который в ту пору решал литературную репутацию и престиж драматурга. Его первая трагедия «Медея», написанная по образцу одноименной трагедии Сенеки, уже заключала в себе основные внешние особенности драматургической манеры Корнеля — приподнятый ораторский стиль, преувеличенное изображение «неистовых» страстей, сильных, волевых героев. Однако она была лишена большого внутреннего содержания, непосредственно связанного с актуальными вопросами современной жизни, — этим и объясняется ее неуспех. В творчестве Корнеля она явилась лишь подготовительной ступенью, «пробой пера» в серьезном жанре.

Подлинной вехой в жизни и творчестве драматурга явился его «Сид», поставленный в конце 1636 или в самом начале 1637 года. И не только в жизни Корнеля, но и в истории французского театра и литературы.

Несмотря на то, что поборники классицизма успели к этому времени выработать целый ряд правил, обязательных для «высокого жанра» трагедии, в театральном репертуаре еще продолжали занимать большое место «неправильные» пьесы — трагикомедии с растянутым и замысловатым сюжетом, расплывчатыми и бесцветными характерами. Первая трагедия, написанная по правилам классической поэтики, «Софонисба» Мере (1634), по своему идейному

содержанию была чрезвычайно далека от больших проблем современности.

Именно эта созвучность современной, актуальной проблематике, которой не хватало предшественникам Корнеля, и определила успех «Сида», сделав Корнеля родоначальником французского национального классического театра. «Сид» был восторженно встречен публикой, и Корнель сразу оказался первым драматургом Франции. Однако этот успех имел и свою оборотную сторону: против Корнеля ополчилась клика второстепенных драматургов, негласно поддерживаемых фактическим правителем Франции — кардиналом Ришелье. Многие в замысле «Сида» должно было показаться министру «крамольным», идущим вразрез с его политикой. Впрочем, эти истинные мотивы его недовольства нигде не были высказаны открыто. Французской академии было поручено обсудить новую пьесу и вынести свое официальное суждение о ней. Это суждение трижды просматривалось и исправлялось самим Ришелье, прежде чем оно было обнародовано. Несмотря на то, что многочисленные придирки и замечания, высказанные в этом документе, касались главным образом композиции, языка, стиля и лишь в малой степени затрагивали содержание «Сида», общий смысл и цель его были совершенно ясны: изобразить пьесу Корнеля «неправильной», мало значительной и даже вредной с точки зрения общественной морали.

Если вспомнить, что Французская академия официально представляла общественное мнение в вопросах литературы и языка, то станет ясно, каким жестоким ударом для Корнеля был этот суровый и несправедливый приговор. Пока шла дискуссия о «Сиде» и на него сыпались самые оскорбительные обвинения (зачастую совсем не литературного, а морального порядка), Корнель мужественно защищался и отвечал своим недругам в смелом и независимом тоне. Когда же Французская академия своим решением открыто поддержала его врагов, он отказался от дальнейшей борьбы и вернулся в свой родной город Руан.

Однако это отступление было лишь временным: в 1640 году Корнель привез в Париж две новых трагедии — «Гораций» и «Цинну», которые по содержанию и по форме в гораздо большей степени ориентировались на требования классической поэтики. На этот раз успех у публики не был омрачен для Корнеля злобой и недоброжелательной критикой. Это было уже официальное признание, еще более закрепленное следующей трагедией «Полиевкт».

Эти три трагедии — «Гораций», «Цинна», «Полиевкт» — образуют вершину корнелевского классицизма. Упрочив его личную

репутацию, они вместе с тем знаменуют окончательное торжество классического стиля во французской драматургии. Проникнутые пафосом высоких гражданских и государственных идей, оптимистической верой в героизм и нравственное достоинство человека, они утверждают победу разума и воли над мелкими эгоистическими страстями и влечениями.

После кратковременного возвращения к комедийному жанру (комедии «Лгун» и «Продолжение Лгуна» — 1643) Корнель целиком посвящает себя созданию трагедий.

Но в этот период в его творчестве все отчетливее проступают новые тенденции: высокая героика и стоическое самоотречение сменяются изображением эгоистических страстей, честолюбия, зависти, жестокости. Одновременно с этим изменением содержания наблюдается и некоторый отход от строгой классической формы. Типичным образцом этой так называемой «второй манеры» Корнеля является «Родогуна» (1644).

Несмотря на отклонение от канонов классицизма, репутация Корнеля как первого драматурга Франции оставалась непоколебленной вплоть до 1652 года, когда его двадцать вторая по счету пьеса «Пертарит» потерпела полный провал. Корнель не мог не почувствовать справедливости приговора, вынесенного на этот раз не официальной критикой, а самим зрителем: «Пертарит» был действительно слабой и неудачной трагедией, заставившей врагов говорить об упадке его творческого дарования.

Твердо решив навсегда проститься с театром, Корнель уезжает в Руан, как некогда, пятнадцать лет назад, после дискуссии о «Сиде». Здесь на протяжении семи лет он ведет затворнический образ жизни, занимается переводами из латинской религиозной поэзии и работает над теоретическим трактатом по вопросам драматургии — «Рассуждения о драматической поэзии».

Однако в 1659 году, получив от временщика-миллионера, суперинтенданта финансов Фуке заказ на пьесу для придворного праздника, Корнель вновь соглашается вернуться в Париж. И вот начинается последний, старческий период его деятельности, уже не озаренный ни одной подлинной творческой удачей. Почти каждый год Корнель ставит на сцене новую пьесу, но все они однообразны, бесцветны, по сюжетам и характерам представляют не более как перепевы его прежних трагедий и лишены сколько-нибудь значительного идейного содержания. Основной темой их является борьба за престол, их герои — бессердечные честолюбцы, одержимые только жаждой власти, перед которой отступают все прочие чувства.

Но эта проблематика не вызывает интереса и сочувствия нового придворного зрителя. Молодого короля, провозгласившего свою единоличную, самодержавную власть, уже неспособны волновать династические распри, изображаемые в трагедиях Корнеля. Ему гораздо более по вкусу слащавые любовные пьесы второстепенного драматурга Кино, а также изобилующие постановочными эффектами оперы и балеты, в которых он сам не прочь блеснуть своим танцевальным искусством. А вкус короля задает тон при дворе, — и вот Корнель все более оттесняется на второй план модными галантными драматургами нового поколения. Пытаясь приспособиться к этим вкусам и найти общий язык с новым зрителем, Корнель вводит в свои политические трагедии любовную интригу. Но в отличие от «Сиды», где она составляла основу драматического конфликта, любовь выступает здесь как совершенно чуждый элемент, внешне обязательный, но лишенный внутренней необходимости и не мотивированный всем замыслом пьесы. С середины 1660-х годов Корнель начинает особенно явственно и болезненно ощущать свою «старомодность»: это связано с растущим успехом его младшего соперника (и по существу — продолжателя) Расина. Тщетные попытки стареющего драматурга состязаться с этой новой восходящей звездой французского театра принимают порой весьма острые формы. Так, в 1670 году он ставит одновременно с Расином (но только в другом, конкурирующем, театре) пьесу на тот же сюжет — о любви римского императора Тита к иудейской царице Беренике. Но если Расин смог превратить этот исторический эпизод во взволнованную, полную психологизма лирическую трагедию, то Корнель и здесь не может вырваться из заколдованного круга честолюбивых страстей, политического соперничества и борьбы за власть.

Десять лет отделяют последнюю трагедию Корнеля «Сурена» (1674) от его смерти. Эти годы Корнель провел в Париже, но вдали от литературной и театральной жизни. Если его соперник Расин, испытавший в свою очередь горечь незаслуженного провала лучшей своей трагедии «Федра» (1677), был вознагражден почетной должностью королевского историографа, то литературные заслуги Корнеля оказались к этому времени почти забытыми. Даже королевская пенсия, пожалованная ему в 1663 году, была отнята у него в самый год ухода от театральной деятельности, то есть как раз в то время, когда он в ней более всего мог нуждаться. В эти годы Корнель ничего не пишет, кроме стихов по случаю каких-либо знаменательных событий. Смерть его (1 октября 1684 г.) прошла почти незамеченной. Великий драматург, заложивший основы француз-

ского национального классического театра, написавший более тридцати пьес, был в последние годы своей жизни фактически вытеснен с подмостков — но не гениальным Расином, а бездарными эпигонами последнего, заполонившими французскую сцену в последней четверти XVII века.

3

Мировоззрение Корнеля, складывавшееся в обстановке напряженной политической борьбы, испытало значительное влияние официальной идеологии, пропагандировавшей идею сильного абсолютистского государства. Морально-философские воззрения писателя развивались в духе рационалистической этики, проповедовавшей отречение от страстей во имя разума, отказ от личного счастья во имя долга.

Однако этот круг идей не исчерпывает всего богатого содержания творчества Корнеля, тесно связанного с гуманистическими традициями эпохи Возрождения. Именно эта связь и определила глубокую человечность его трагедий, придала им жизненную силу, которую они донесли сквозь века до нашего времени.

Как всякий рационалист, Корнель признает разум высшим судьей человеческих поступков, направляющим сильную и свободную волю человека. В борьбе между голосом чувства и разума победа принадлежит последнему. Но писателю-гуманисту в корне чуждо суровое аскетическое отрицание естественных влечений, осуждение потребности человека в счастье. Героическое отречение от личного блага в его трагедиях продиктовано не религиозной идеей мученичества и вражды всему земному, чувственному, материальному. Напротив — самоотверженный отказ от собственного блага — это путь к более высокому общему благу.

Корнель принадлежит к поколению, вступившему в жизнь в период обостряющихся социальных противоречий. Он уже не может разделять оптимистических иллюзий эпохи Возрождения, верить в гармоничное примирение общественного и личного блага. Суровая действительность ставит его перед необходимостью выбора — он выбирает благо общества и тем же путем ведет своих героев.

Эта основная проблема не сразу приобретает в творчестве Корнеля четкие политические очертания: в «Сиде» столкновение долга и чувства не выходит первоначально из круга личных интересов и понятий. Долг, повелевающий Родриго сразиться с отцом его возлюбленной, это долг родовой, он продиктован веками складывавшимися представлениями о фамильной чести, которая дороже

самой жизни. Отцу Родриго, дону Диего, этот долг представляется незабываемым и бесспорным:

Честь у мужчин одна, возлюбленных так много!
Любовь забыть легко, но честь нельзя никак.

(Д. III, явл. 6.)

Но в сознании страстно любящего юноши борьба любви и родового долга — это поединок двух противников с равными силами. И долг побеждает не потому, что Родриго верит в его объективную разумность и справедливость, а потому, что, отказавшись от мести, он внушит своей возлюбленной презрение:

Отмстив, я гнев ее стяжаю негасимый;
Ее презрение стяжаю, не отмстив.

Эта внутренняя борьба, с изумительным искусством раскрытая в стансах Родриго (д. I, явл. 6), повторяется затем в душе Химены. Вся пьеса распадается как бы на две симметричные части. В первой активным лицом является Родриго. Его решение, его свободный выбор и воля решают дальнейший ход событий. После убийства графа активность переходит к Химене, требующей от короля наказания убийцы. Эта аналогия в поведении героев сознается, подчеркивается ими самими:

То, что ты выполнил, был только долг прямой;
Но, выполнив его, ты мне открыл и мой, —

говорит Химена своему возлюбленному;

Достойному меня долг повелел отмстить;
Достойная тебя должна тебя убить.

(Д. III, явл. 4.)

И все же принятое решение неспособно победить в Родриго и Химене их чувство. Любовь внутренне торжествует, вопреки фамильной чести, вопреки убийству отца. Гуманистическая основа мировоззрения Корнеля позволила ему раскрыть всю полноту и непосредственность молодого, глубоко человеческого чувства его героев, сделать сторонниками этого чувства не только зрителей, но и других участников этой драмы: такова инфанта, тайно влюбленная в Родриго, но жертвующая своей страстью; таков король, дважды идущий на хитрость, чтобы заставить Химену признаться в своей любви к Родриго и отказаться от мщения; таков соперник Родриго, дон Санчо, который готов радоваться

...утрате вечной,
Дарящей торжество любви столь безупречной.

(Д. V, явл. 6.)

Именно это торжество свободного чувства и было поставлено Корнелю в вину чопорными ханжами из Французской академии: единственный серьезный упрек, относившийся к содержанию «Сиды», была «безнравственность» Химены, продолжающей любить убийцу своего отца!

Между тем Корнель и не думал провозглашать безоговорочное торжество чувства над нравственными принципами и дочерним долгом Химены. Победа любви Родриго добыта высокой ценой: спасением родины.

Логическое развитие пьесы, в которой оба героя поочередно действуют совершенно одинаково, должно было привести к трагической развязке: Химена отомстила бы за отца, так же как это уже сделал ранее Родриго. Но холодную логику рационалиста разрушил горячий темперамент гуманиста и патриота. Корнель выводит своего героя из заколдованного круга борьбы между любовью и родовым долгом, открыв ему широкую перспективу более высокого, разумного, справедливого долга: защиты отечества. Этот подлинно общественный долг не вступает в «Сиде» в трагическое столкновение с личным благом, как это будет в «Горациии». Напротив, он помогает благополучному разрешению трагического конфликта. Спаситель родины оказывается выше обычных нравственных норм и представлений, выше обычного суда. Патриотический подвиг выступает как высшее мерило нравственного величия и доблести — перед ним меркнет и страстная любовь и верность фамильной чести.

Такова была пьеса, вызвавшая высочайшее неудовольствие некоронированного владыки Франции. Несмотря на то что Корнель отнюдь не склонен был идеализировать культ фамильной чести и дворянские поединки, служащие средством ее спасения, Ришелье усмотрел в трагедии «Сид» дерзкую защиту феодальных идеалов и обычаев. Образ графа Гормаса, непокорного и строптивого феодала, осмеливающегося критиковать монарший выбор («Судить ошибочно и короли способны»), слишком живо вызывал в памяти министра тех воображаемых и мнимых заговорщиков, которых он так усердно истреблял мечом и секирой палача. А кастильский король, так ревностно пекущийся о соединении влюбленных, отнюдь не воплощал тех волевых качеств, той решимости и силы, которые подобали, по мнению Ришелье, носителю высшей власти.

Дело усугублялось испанским сюжетом пьесы: как раз в эту пору Франция вела с Испанией тяжелую и изнурительную войну, а при дворе тайно действовала враждебная политике Ришелье партия королевы-испанки Анны Австрийской.

Не такой проблематики и не таких идеалов ждал министр от пьесы, которая оказалась способной покорить сердца парижской публики.

Зато следующая трагедия Корнеля, «Гораций», в значительно более четкой форме ставила идеологические вопросы, связанные с политической жизнью Франции.

Здесь уже непосредственно выступает трагическая несовместимость личного счастья с общественным благом. Любовь, дружба семейные связи противопоставлены интересам государства, которое выступает как воплощение высшего гражданского долга. Но это не значит, что Корнель отрешился полностью от гуманистических идей, нашедших свое выражение в «Сиде». Уже с самого начала трагедии в монологе Сабины звучит глубокая скорбь и сострадание к побежденному, кем бы он ни был:

Равно о них скорблю в борьбе последних дней,
Но буду лишь за тех отныне, кто слабей.
Когда же победят другие в ратном споре,
От славы отвернусь и буду там, где горе.

(Д. I, явл. 1.)

Внутренний разлад между естественными человеческими чувствами и суровым самоотречением еще более заострен во втором действии, в сцене между Горацием и Куриацием. Друзья и родственники, которым суждено сразиться между собой на поле боя, они представляют не только два враждующих города, но и два враждебных друг другу склада мыслей, два мировоззрения.

Для Горация не существует ни колебаний, ни сомнений, когда дело идет о служении государству. Самая гибель в таком бою представляется ему высоким и славным уделом, который может вызвать у окружающих только зависть, а отнюдь не сожаление:

Суровым мужеством я неизменно горд,
И слабости оно не терпит в том, кто тверд.
.....
Кого бы ни сразить за град родной и землю,
Я с радостью слепой такую честь приемлю.
И если дан тебе почетнейший приказ,
Все чувства прочие да сгинут в тот же час.

(Д. II, явл. 3.)

Куриаций, напротив, покоряется приказу с ужасом и скорбью в душе, он внутренне протестует против неумолимой жестокости, которая столкнула в смертельном поединке близких и дорогих друг другу людей:

Всего страшнее честь, оказанная нам.

Ни дружба, ни родство, ни даже голос страсти
Ни в чем меня своей не подчинили власти.
Мне выбор показал, что Альбою ценим
Не меньше я, чем вас надменный ценит Рим.
Я буду ей служить, как ты своей отчизне,
Я тверд, но не могу забыть любви и жизни.

На жестокие слова Горация:

Избранник Альбы, ты — отныне мне чужой, —

Куриаций отвечает:

А мне ты все же свой — тем горше я страдаю,
Но мрачной доблести твоей не принимаю.

Чувство долга руководит поступками Куриация, так же как и его противника, но, в отличие от сурового римлянина, в нем

Все человеческое угасло не вполне.

Решающее столкновение двух противоположных принципов и взглядов происходит в четвертом действии. Трагический исход поединка выдвигает на первый план Камиллу, делает ее активным лицом: если отвлеченный протест ее возлюбленного никак не влиял на принятое им решение, то Камилла открыто восстает против грозной и беспощадной силы, разбившей счастье и жизнь любящих. Но эта же грозная сила, рукой Горация, неумолимо карает всякого осмелившегося поднять голос против нее. Гораций убивает сестру не в слепом порыве гнева, а сознательно, следуя велению разума:

Довольно! Разума не заглушит терпенье!

Дальнейший ход действия подтверждает и закрепляет эту победу разума над личными привязанностями: старый Гораций всецело становится на сторону патриота-сына, он скорбит не о гибели «преступной» дочери, а о том, что это убийство может в глазах окружающих поколебать славу героя.

Он напоминает о том, что Рим обязан его сыну своей победой:

Как может римлянин хулить и гнать того,
Кто всех прославил нас и дал нам торжество?

В заключительных монологах Горация-отца и царя Тулла звучит прославление суровой доблести и преданности Риму. Государственное начало окончательно торжествует над личным.

Четкость поставленной в «Горации» проблемы повлияла и на внешнюю композицию пьесы, которая от начала до конца строится

на борьбе двух противоположных точек зрения: Гораций и Куриаций в начале, Гораций и Камилла в середине, старый Гораций и Валерий в конце трагедии поочередно представляют два борющихся принципа, и во всех случаях государственное начало одерживает верх над личным. Этот глубоко продуманный прием контраста дополняется симметричной расстановкой двух пар — Куриаций и Камилла, Гораций и Сабина, связанных двойными узами брака и кровного родства.

Логически строгая, «правильная» композиция не допускает ни одного лишнего персонажа (кроме чисто служебных), ни одного отступления от основного действия. Поэтому она так свободно согласуется с пресловутым правилом единств: если в «Сиде» придиричьи критики отмечали перегруженность внешними событиями, требовавшими не менее тридцати шести часов, то в «Горациях» сюжет развивается так скупно и лаконично, что не требует лишнего времени. В таком же направлении меняется и стих Корнелия: проблески лирически свободной манеры (в стансах Родриго и инфанты) исчезают. Контраст, противопоставление становятся главным организующим принципом не только в сюжетном построении, но и в построении стиха, который распадается ритмически и логически на два полустишия:

*...В одной из них мой муж, в другой родные
братья...*

...Я не была за Рим, за Альбу не стояла...

*...Среди жестоких бед, о сердце, уготовь
Победе — ненависть, поверженным — любовь.*

*...Ведь были бы тебе равно невыносимы
И победитель ваш и жалкий пленник Рима.*

*...Не мирный день торжеств, а грозный
день войны...*

*...Страсть к одному влечет, с другим
связует кровь...*

Таким образом, торжество гражданской доблести над индивидуальными влечениями, разума над страстями находит свое выражение в более объективной, логически последовательной и строгой, классической форме. С этой точки зрения характерно и самое обращение Корнелия к римской истории, которая в дальнейшем станет основным источником его творчества.

Поворот в сторону политической тематики, существенно отличающий «Горация» от «Сиды», не мог, однако, полностью снять с Корнелия печать «неблагонадежности». Патриотический и гражданский пафос трагедии, носившей на титульном листе посвящение самому кардиналу Ришелье, должен был показаться чрезмерно

демократичным ее высокому адресату. Несмотря на то, что в заключительной речи старого Горация превозносится воля и решение монарха в противовес суду «черни», весь ход пьесы противоречит этому: поведением героев руководит не рабская преданность царю, а сознательная любовь свободных граждан к своей отчизне, своему государству. Монарх, выступающий в заключительном акте, совершенно формальная, безличная фигура, никак не связанная со всем действием трагедии.

Не случайно именно «Гораций» с неизменным успехом шел в революционном Париже, когда третье сословие отстаивало свои права в борьбе с королевской властью. Патриотическая героиня трагедии Корнеля воспринималась сквозь призму боевых лозунгов дня, в ее образах видели республиканский идеал бескорыстной доблести и служения народу. Легендарный сюжет из эпохи «семи царей» связывался в представлении революционеров 1789—1793 годов с «классически строгими» преданиями римской республики, в которых «гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии».¹

Совсем по-другому раскрывается проблема личности и государства в «Цинне». Недавние события, разыгравшиеся на глазах у Корнеля в Нормандии, — восстание «босоногих» и расправа над ними, со всей остротой поставили перед писателем вопрос о взаимоотношениях монарха и подданных. Разумеется, по уровню политического сознания той эпохи и прежде всего своего собственного, Корнель не мог понять социальной, классовой природы этих отношений. Поэтому и путь революционной борьбы против насилия и гнета остался для него чужд и неприемлем. Но выступая как сторонник монархии, признавая ее наиболее «разумной» формой правления, Корнель вкладывает в это понятие все те отвлеченные идеалы справедливости и человечности, которые он унаследовал от гуманистического мировоззрения эпохи Ренессанса.

Если в «Горации» несовместимость государственного и личного блага влекла за собой трагическую развязку, то в «Цинне» Корнель попытался дать оптимистическое разрешение той же проблемы: общее благо, интересы государства, если только они находятся в руках разумного, справедливого, гуманного монарха, совпадают

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1934, стр. 247.

с благом отдельных лиц. Высшая государственная мудрость, воплощенная в идеализированном образе первого римского императора Августа, заключается в милосердии, в заботе о внутреннем мире и спокойствии страны. Разумное совпадает с гуманным, а не противоречит ему, как это было в «Горациях». Если в предыдущей трагедии симпатии Корнелия раздваивались между мягкой человечностью Куриация и суровой, непоколебимой доблестью Горация, то в «Цинне» совершенно недвусмысленно выступает сочувствие Августу и осуждение его врагов.

Монархическая идея пьесы определяет и моральную характеристику героев — заговорщики-республиканцы изображены не как борцы за освобождение Рима, а как рабы своих индивидуалистических страстей и чаяний: Эмилия жаждет отомстить Августу за невинно казненного отца, Цинна готов заслужить любовь Эмилии ценой предательского убийства императора, Максим идет на вероломство, изменяет общему делу, чтобы избавиться от своего соперника Цинны и завладеть Эмилией. Поведением Цинны руководит, в отличие от Августа, не разум, а слепая страсть: отсюда проистекают и его слабость, малодушие, нерешительность. Отсюда же и внезапное «перерождение» всех троих заговорщиков в финале пьесы, их примирение с Августом: разумное и гуманное начало, акт милосердия, продиктованный заботой об общем благе, морально торжествует над эгоистическими страстями.

Но и в душе Августа победа разума и гуманности над низменными чувствами совершается не сразу: он приходит к решению простить заговорщиков после длительного раздумья, после сложной внутренней борьбы. Так же, как и в предыдущих двух пьесах, Корнель ставит своего героя перед необходимостью выбора между «неразумными» страстями и «разумным» долгом. Но, в отличие от «Сида» и «Горация», под страстями Корнель понимает здесь не природные, правомерные влечения человеческого сердца — любовь, дружбу, узы родства, а недостойные монарха чувства, наподобие тех, которые толкают заговорщиков на борьбу с Августом: месть, страх за свою жизнь, честолюбие, жажда неограниченной власти подсказывают Августу как единственный путь — жестокую расправу с врагами. Но разум напоминает ему о бесплодности насильственных мер:

Смерть — главарю, другим — темница! Без боязни
Тогда смогу я жить. Да, но все время — казни?
От крови я устал, а перестать нет сил.
Хотел я страх внушать, но гнев лишь пробудил.
Рим гидрой на меня восстал многоголовой,
Отрубишь голову — родятся сотни снова,

И сколько б крови я ни захотел пролить,
Лишь ненависть внушу.

(Д. IV, явл. 3.)

Отчаявшись найти выход, Август готов совсем отказаться от власти, но его жена Ливия внушает ему единственно разумный, как полагает Корнель, путь: простить заговорщиков, завоевать своим милосердием всеобщую любовь и доверие и сохранить в своих руках твердую и незыблемую власть, которая единственно способна положить конец мучительным гражданским войнам, вот уже сто лет терзающим Рим.

Такое понимание монархии, ее роли и функций в корне противоречило как политическим теориям того времени, так и конкретной практике французского абсолютизма, не останавливавшегося ни перед чем в своей борьбе за исключительное господство. Вопреки массовым репрессиям и казням, вопреки угодливым политическим «теоретикам» того времени, обосновывавшим в своих сочинениях право монарха на жестокость, Корнель выдвигает совершенно иной принцип, на котором должна строиться королевская власть: принцип взаимного доверия и взаимных обязательств между монархом и подданными. Эта мысль, в какой-то мере предвосхищающая идею «просвещенного абсолютизма», является своего рода косвенным советом, пожеланием, адресованным самому Ришелье. Корнель далек от того, чтобы прославлять реального французского короля — слабого и безвольного Людовика XIII — или его жестокого министра. Напротив — он стремится показать в своей трагедии, какой путь надлежит избрать идеальному монарху. Не случайно Корнель использует в качестве источника книгу Сенеки «О милосердии»: его привлекают в ней не исторические факты, а морально-воспитательная задача, пафос которой он переносит в свою трагедию.

В связи с этой основной целью пьесы драматический конфликт в «Цинне» приобретает существенно иной характер, чем в «Горации»: он целиком сосредоточен на внутреннем перерождении героев, на победе разума и воли над слабостями и страстями. Эта победа и определяет благополучную развязку пьесы. Внешние события разворачиваются еще более сжато, чем в «Горации», а монологи, рассуждения и психологический самоанализ занимают в ней значительно большее место. Наряду с этим, в «Цинне» выступает и совершенно новый момент, который в дальнейшем будет особенно углублен в «Никомеде»: это анализ исторической эпохи, ее основных политических проблем и тенденций. В монологах Августа,

Цинны, Максима перед нами проходят события целого столетия римской истории, взятые под совершенно определенным углом зрения. Это по существу — спор о преимуществе республиканской или монархической формы правления, который последовательно обсуждается всеми действующими лицами, иллюстрируется историческими событиями из эпохи гражданских войн в Риме и в конце концов решается всем ходом действия пьесы. При этом, несмотря на ярко выраженную монархическую идею трагедии, тираноборческие монологи Эмилии, Цинны и даже предателя Максима приобретают объективную силу и звучание, независимо от авторской оценки и характеристики этих персонажей. Вопреки своей задаче — скомпрометировать идею республики, изобразить ее сторонников мстительными честолюбцами, Корнель невольно увлекается героической летописью республиканского Рима, черпает в ее мужественных образах свое гневное красноречие и обличительный пафос. Возникает разрыв, противоречие между характером героя-республиканца, изображенным тенденциозно и несочувственно, и убедительным, покоряющим красноречием его слов. Этот разрыв, эта слабость художника — неизбежное следствие слабых сторон его мировоззрения, той наивной веры в утопический идеал справедливого монарха, которая подсказала Корнелю замысел его «Цинны».

4

Политический оптимизм Корнеля, нашедший свое отражение в «Цинне», оказался недолговечным. Это ясно обнаруживается уже в следующей трагедии, «Полиевкт», где политика и государство выступают как воплощение низменного эгоистического расчета. Высокое нравственное начало, подлинное бескорыстие и человечность проявляются на этот раз в сфере личных, семейных отношений и противостоят политическому карьеризму и честолюбию.

История раннехристианского мученика Полиевкта превращена Корнелем в волнующую драму интимных чувств и отношений, где собственно религиозный мотив служит лишь фоном, сюжетной канвой. В центре трагедии стоит не сам Полиевкт, пассивный и статичный, как и подобает герою-мученику, а его жена Полина, воплощающая идеал мужественного самоотречения. Выданная некогда своим отцом — расчетливым и честолюбивым римским наместником Феликсом — за армянского вельможу Полиевкта, Полина вынуждена была пожертвовать своей любовью к простому воину Северу. Но

когда отец ее узнает, что Север стал прославленным полководцем, он стремится избавиться от зятя, чтобы сделать возможным новый, более почетный и выгодный, по его мнению, брак Полины с ее прежним возлюбленным. Воспользовавшись для этой цели гонениями на христиан, Феликс велит казнить Полиевкта за оскорбление языческих богов. При этом он действует отнюдь не из религиозных или политических убеждений, а под влиянием циничного расчета. Но Полина и Север не хотят счастья, купленного ценой несправедливости, ценой чужой жизни. Они до последней минуты борются за спасение Полиевкта, покорно принимающего свою участь, и даже после его смерти отказываются от брачного союза, несмотря на то, что сам Полиевкт перед смертью завещает свою жену Северу.

Хотя в заключительном монологе Полина объявляет о своем решении последовать примеру мужа и принять христианство, моральная сила и чистота этого обаятельного женского образа определяется отнюдь не религиозной идеей: так же, как Север, Полина воплощает глубоко человеческое начало, противостоящее не только эгоистическому расчету и жестокости Феликса, но и суровому фанатическому аскетизму Полиевкта, делающему его недоступным простым и естественным человеческим чувствам. Вместе с тем чрезвычайно показательно, что в этой трагедии, написанной сейчас же вслед за «Цинной», разумный и гуманный политик Север фактически вынужден сложить оружие перед беспринципным карьеристом Феликсом. Это в какой-то мере предвещает идейную направленность следующих трагедий Корнеля.

И действительно, в его дальнейшем творчестве все отчетливее начинают проступать симптомы разочарования и кризиса, вызванные политической обстановкой, которая сложилась во Франции после смерти Ришелье и Людовика XIII (1642 и 1643). Пользуясь малолетством Людовика XIV и непопулярностью регентши Анны Австрийской, крупные феодалы, еще уцелевшие от репрессий Ришелье, пытаются восстановить свою прежнюю независимость, вплоть до полной политической самостоятельности отдельных провинций. В аристократических салонах вынашиваются авантюрные планы захвата власти. Не останавливаясь перед изменой национальным интересам во имя своих личных корыстных намерений, честолюбивые политические интриганы и интриганки ведут тайные переговоры с внешним врагом — Испанией. Демагогически используя недовольство широких масс налоговой политикой правительства, они развертывают агитацию против ненавистного фаворита коро-

левы, кардинала Мазарини, с тем чтобы потом пожать плоды народного гнева.

Движение это, получившее в истории название Фронды, достигло своей вершины в 1648—1649 годах, то есть одновременно с победоносным завершением первого этапа английской буржуазной революции.

Широкие слои городского населения Парижа, возмущенные ростом налогов, подняли восстание. Их поддержал и парижский парламент. В столице были построены баррикады. Напуганный таким размахом движения и еще более, быть может, событиями в Англии, двор бежал из столицы. Но преданный своими главариами — аристократами и трусливыми чиновниками парижского парламента, народ Парижа не смог продолжать борьбу и после трехмесячной осады города королевскими войсками вынужден был сдаться. Аристократическим вождям Фронды удалось выторговать себе отдельные уступки и подачки у королевской власти, которая охотно пошла на это, чтобы тем вернее расправиться со своим главным врагом — народным движением. Тем не менее еще до 1653 года отголоски Фронды продолжали вспыхивать в разных концах Франции — то в виде крестьянских восстаний, то в виде аристократических мятежей.

Беспринципная и корыстная борьба фрондеров-аристократов с монархией, жестокая расправа с народными низами, стихийно включившимися в эту борьбу, наконец бесславная сделка между королевской властью и феодальной оппозицией — все это не могло поколебать оптимистическую веру Корнеля в возможность реального осуществления его политических и нравственных идеалов.

Конечно, не все стороны сложной политической обстановки, окружавшей писателя, были одинаково доступны и понятны ему. Корнель был давним посетителем и, начиная с «Сида», любимым писателем оппозиционно настроенных аристократических салонов, которые охотно демонстрировали свои симпатии к полуопальному драматургу. Близость к фрондерским салонам позволила ему воочию увидеть всю их неприглядную закулисную жизнь. Замечательный художник, наделенный к тому же острым политическим чутьем, он сумел в обобщенной форме воплотить в своих трагедиях разгул честолюбивых страстей, зависти, борьбы за власть, который был присущ аристократической Фронде. Уже в образе Эмилии в «Цинне» современники видели тип честолюбивой аристократки, будущей фрондерки, использующей любовь как средство осуществления своих политических замыслов.

Еще заметнее эти черты проступают в «Родогуне», которая знаменует собой перелом в мировоззрении и творчестве Корнелия.

В этой трагедии, которую он сам называл «своим любимым детищем», явственно проступает утрата веры во всемогущество человеческого разума и воли, в торжество сознательного разумного начала над слепыми, низменными влечениями. Человек перестает быть господином своих страстей и своей судьбы — он изображен жалкой игрушкой в руках таинственных, неведомых, недоступных его разуму сил.

Благородные и великодушные братья — Антиох и Селевк — оказываются помимо своей воли соперниками: слепой случай, игра природы, сделавшая их близнецами, дала им равные права на престол. Другая случайность заставила их влюбиться в одну и ту же женщину — невесту их умершего отца. Дружба и братская привязанность придают им силы сопротивляться слепой судьбе, толкающей их на взаимную вражду. Но в борьбе с чужой злой волей, с эгоистическими страстями своей матери Клеопатры и возлюбленной Родогуны они оказываются бессильными.

Если в «Горациях» и «Цинне» волевые, сильные герои были одновременно разумными, высоконравственными и бескорыстными, а эгоистические страсти, напротив, неизбежно влекли за собой безволие и слабость, то в «Родогуне» волевыми героями (точнее — героинями) выступают носители «неразумного» начала, жестокие мстительные, властные женщины. Сильная личность употребляет свою волю не на благо, а во зло другим, перестает руководствоваться разумом, напротив, охотно использует «неразумную» случайность, как орудие своих страстей.

Так, Клеопатра строит свои планы мести сопернице на тайне рождения сыновей-близнецов: она обещает признать старшинство и тем самым право на престол за тем из них, кто убьет Родогуна. В свою очередь, Родогуна не менее искусно пользуется тайной своей любви, обещая свою руку тому, кто убьет Клеопатру.

Перед лицом этой жестокости братья ищут выход не в борьбе, а в смерти. Но как отличается эта готовность умереть от суровой доблести Горация или даже скорбного внутреннего протеста Курция! Герои «Родогуны» предпочитают смерть не потому, что нет иного способа разрешить конфликт между личными привязанностями и гражданским долгом — само понятие такого долга отсутствует в этой трагедии. Они просто уходят от борьбы, которая им не под силу, складывают оружие еще до боя. Их бескорыстие и разумная человечность ущербны, неполноценны, лишены той актив-

ности, волевого импульса, который был характерен для прежних героев Корнеля. Отныне спутником нравственной чистоты и гуманности становится пассивная нерешительность, слабость, созерцательное отношение к жизни.

Таким образом, в «Родогуне» Корнель утрачивает цельность и последовательность своего рационалистического мировоззрения: прежнее единство воли и разума исчезает. Воля оказывается неразумной, разум безвольным. А вместе с этим разрывом исчезает вера в торжество светлого, нравственного, справедливого начала. Мир предстает как арена беспощадной, волчьей борьбы, в которой попираются самые священные и естественные человеческие чувства — материнская любовь и сыновнее уважение. Старый Гораций готов был пожертвовать жизнью последнего уцелевшего сына ради блага родины. Клеопатра хладнокровно убивает одного и готовится убить другого сына ради сохранения власти.

Главный источник этих мрачных противоестественных страстей Корнель видит в честолюбии. Власть, ради которой Клеопатра идет на тяжкие преступления, представляется ей не совокупностью обязанностей, не долгом разумного монарха перед доверившимся ему народом (как это пытался оптимистически истолковать Корнель в «Цинне»); она видит в ней лишь возможность неограниченного произвола.

Этот идейный сдвиг сказался и на внешней форме трагедии. Прозрачная строгость композиции, простота внешнего действия, скупая и лаконичная завязка, характерные для «Горация» и «Цинны», сменяются здесь нарочитой запутанностью и сложностью. От общеизвестных исторических событий и героев Корнель обращается к полузабытому эпизоду из истории парфяно-сирийских войн, к неизвестным героям, в судьбу и характер которых он свободно вносит любые изменения. Сложность взаимоотношений требует подробного и обстоятельного рассказа о событиях предшествующих лет: он занимает почти целиком два явления. Каждый акт трагедии ставит героев — а с ними и зрителей — перед новой загадкой, перед неразрешимой тайной, которая становится особенно зловещей в заключительном действии: недосказанное предостережение умирающего Селевка брату не в состоянии спасти Антиоха; напротив, оно превращается в утонченную психологическую попытку неизвестностью, обрекает его на вечное мучительное недоверие к матери и возлюбленной, ибо в каждой из них скрывается, быть может, его будущая убийца.

Характерно, что и «благополучный» финал трагедии — гибель Клеопатры от ее собственного яда — наступает случайно, а не в

результате сознательно принятого решения и свободной воли кого-либо из героев. Случайность, породившая завязку трагедии, приносит и развязку, между тем как ни в одной из трех классических трагедий Корнеля не было места случайности, а все решала активная воля героев.

Все эти внутренние и внешние особенности «Родогуны», идущие вразрез с рационалистической эстетикой классицизма, вызвали в свое время резкую критику великого немецкого просветителя Лессинга, посвятившего этой пьесе ряд статей своей «Гамбургской драматургии» (ст. XXIX—XXXII). Для бюргерского, третьесословного мировоззрения писателя-демократа мир мелкого политического честолюбия, династических распрей, борьбы за власть воплощал враждебную аристократическую идеологию, против которой Лессинг пламенно боролся всю жизнь и которую стремился вытравить из произведений немецких драматургов. Пассивное безволие героев и аморализм героинь вызывали у него язвительную насмешку и горячее негодование. Необычный и запутанный сюжет, из ряда вон выходящие характеры пьесы казались ему неправдоподобными и неестественными. Неизбежный для просветителя-рационалиста неисторический подход к пьесе Корнеля заставлял Лессинга забывать ту конкретную политическую обстановку, в которой была создана «Родогуна». Он не видел и не понимал, что «неправдоподобное», «чудовищное» честолюбие Клеопатры в сгущенном, преувеличенном виде отражало поведение и психологию современниц Корнеля — участниц Фронды, что сам драматург отнюдь не сочувствовал своей героине и не имел намерения оправдывать ее пороки; что «Родогуна» — это свидетельство тяжелого, безысходного кризиса в сознании Корнеля, его горького разочарования в окружающей действительности, и мир династических распрей и бесчеловечной жестокости, изображенный в ней, так же глубоко ненавистен автору пьесы, как и ее строгому критику.

Наконец, ошибочно считая «Родогуну» типичным произведением французской классической драматургии, Лессинг избрал ее своей главной мишенью в борьбе с враждебным ему французским влиянием, тормозившим развитие немецкой национальной литературы и театра. Между тем «Родогуна» знаменовала существенный отход Корнеля от принципов классической эстетики, который в дальнейшем дал себя чувствовать и в следующих его пьесах, в особенности же в его теоретических сочинениях.

Совершенно особое место в творчестве Корнеля занимает «Никомед» (1651). В этой пьесе, написанной в конце Фронды и под свежим впечатлением ее событий, причудливо сочетаются история

и современность, скептическое разочарование в политике и оптимистическая вера в нравственную чистоту и достоинство человека, высокая патетика и ироническая насмешка.

Незначительный эпизод из истории малоазийских стран — сателлитов Рима поднят Корнелем до большого философско-исторического обобщения. Над всей трагедией витает грандиозная тень подлинно крупного исторического деятеля — карфагенского полководца Ганнибала, предательски выданного римлянам вифинским царем Прусием. Благодаря этому второстепенные или просто вымышленные лица пьесы приобретают, в свою очередь, большой исторический масштаб. Мельком упоминаемый в источниках безымянный старший сын царя Пруссия превращается у Корнеля в блестящего полководца — ученика Ганнибала, унаследовавшего непримиримую ненависть к Риму. Маленькая Вифиния, раболепно следовавшая всем приказам могучей римской державы, изображена большой и сильной страной, способной сохранить свою самостоятельность, если ею будет управлять решительный и волевой монарх. Династические междоусобицы и интриги в семье мелкого восточного деспота перерастают в большую политическую проблему — вопрос о взаимоотношениях между малыми и большими странами, о сохранении государственной независимости и суверенитета

С другой стороны, традиционный величественный облик Рима подвергается сознательному снижению и переоценке. Легендарная доблесть римского гражданина скептически развенчивается в образе римского посла Фламиния — прожженного и беспринципного дипломата, искусно играющего обещаниями и угрозами, чтобы держать в подчинении восточных царей. Отвлеченная, условная маска бескорыстного и непоколебимого в своем мужестве римлянина, запечатленная самим Корнелем в «Горации», сменяется гораздо более сложным, конкретно-историческим изображением римлянина определенной эпохи, со всеми присущими его времени и его общественному положению пороками. Этим определяется и принципиально новый, подчеркнуто иронический тон трагедии. Ирония пронизывает все речи Никомеда и Лаодики. Насквозь ироничны образы Фламиния и Пруссия.

Правда, Корнель и здесь остается верен своим монархическим взглядам: по его мысли, судьба Вифинии зависит от того, какой государь будет править ею — трусливый, малодушный Прусий или отважный, сильный духом Никомед. Но не случайно в этой пьесе — единственный раз в творчестве Корнеля — прямым образом ставится проблема народа и народного восстания.

Если в «Цинне» Август с горечью и тревогой говорил о *реальной* ненависти к нему народа и лишь о *возможности* завоевать его любовь, то в «Никомеде» популярность заглавного героя играет решающую роль в ходе и развязке пьесы. Именно народная любовь к Никомеду внушает страх его отцу, мачехе и Фламинию, именно народное восстание вынуждает их сложить оружие и признать себя побежденными.

Тема народного восстания вносит некоторые новые черты и в драматургическую технику трагедии. Французский классический театр не знал массовых сцен: отказавшись от античного хора, классицизм нового времени оставил на сцене только двух-трех главных действующих лиц — исторических героев, единственно интересовавших драматурга-классика. Корнель в «Никомеде» формально остается в рамках этого неписанного, но обязательного правила. Однако в последнем действии он искусным приемом приближает народное восстание к событиям, разыгрывающимся на сцене: лихорадочно-торопливые, сменяющие друг друга вести о нарастании народного гнева (явл. 2, 3, 4, 5), быстрое чередование коротких сцен, разбитые посреди стиха реплики — все это создает впечатление, что еще минута, и толпа восставших ворвется во дворец.

Этот важнейший момент в развитии действия трагедии Корнель почерпнул не из исторических источников — отсюда он взял лишь историю семейной распри между отцом и сыном. Тема народного восстания была подсказана ему современными событиями, относящимися к позднему периоду Фронды. Опасаясь широкой популярности одного из вождей Фронды, выдающегося полководца принца Конде, королева Анна Австрийская и ее министр Мазарини велели арестовать его, но восстание, спровоцированное сторонниками Конде, побудило регентшу освободить принца.

Эта фактическая близость к событиям дня дала современникам и позднейшим исследователям повод для узко портретного истолкования пьесы Корнеля: в Арсино видели Анну Австрийскую, в римлянине Фламинии — итальянца Мазарини, в блестящем полководце Никомеде, любимце армии, — самого Конде. Но, разумеется, это сходство взаимоотношений и отдельных характеристик никак не исчерпывает идейного содержания «Никомеда». Современные события послужили лишь непосредственным толчком для больших, общезначимых вопросов, перерастающих узкие рамки случайного, злободневного эпизода.

С поразительной тонкостью и прозорливостью Корнель раскрывает коварную внешнюю политику «мировой державы» — Рима — с ее принципом «разделяй и властвуй», он показывает, как растле-

вающе действует эта политика на мелких властителей, становящихся марионетками в руках Рима. Таков трусливый и продажный Прусий, променявший свободу своей страны и достоинство монаршего сана на подачки богатого и могущественного покровителя. Корнель рисует и пагубные следствия этого разлагающего влияния: страх перед подлинным мужеством и доблестью Никомеда, готовность пойти на преступление и, наконец, растущую ненависть народа к такому монарху.

Этот новый круг вопросов почти совершенно вытесняет старую, излюбленную тему самоотречения и подавления страстей. Единственным ее отзвуком является образ благородного юноши Аттала, признающего превосходство старшего брата и отказывающегося от своих притязаний на престол и на любовь Лаодики.

Образ этот тем более интересен, что, вопреки классическому принципу неизменных, стабильных, неподвижных характеров, которому Корнель следует во всех других своих пьесах, Аттал претерпевает некоторую эволюцию: в начале трагедии — это самоуверенный юноша, которого уже отчасти коснулось растлевающее влияние Рима. Даже объясняясь в любви Лаодике, он ссылается на обещанную ему могущественную поддержку. Но под впечатлением доблести и мужества Никомеда он убеждается в корыстных мотивах этого покровительства и гордо отказывается от него:

Аттал, купил ты трон немалою ценою,
Ты, чтобы стать царем, обязан быть слугою.

Мы не слепые — пусть об этом знает Рим, —
И мы от деспотов страну освободим

(Д. IV, явл. 6.)

Заключительный поступок Аттала, спасающего брату жизнь, вопреки коварным наущениям Арсиной, нравственно возвышает его над всеми остальными персонажами пьесы и представляет неожиданный проблеск былой оптимистической веры Корнеля в благородство и самопожертвование, присущие человеческой природе.

Однако, несмотря на это движение в развитии образа, психологическая борьба, анализ душевных переживаний не показан здесь Корнелем. Его интересуют не чувства героев, а судьба государств. Это существенно влияет на композицию пьесы, в которой нет трагического конфликта как такового. Он заменен словесными поединками персонажей, взаимно иронизирующих друг над другом.

Этот совершенно не свойственный классицизму иронический тон, в свою очередь, отразился и на стиле и языке пьесы: она пестрит «низкими», бытовыми выражениями и оборотами, которым

не было места в классической поэтике. Недаром Вольтер, комментируя «Никомеда» с точки зрения последовательного и придирчивого классициста, на каждом шагу отмечал «мещанские» слова, употребляющиеся в просторечье, но недопустимые в «высоком» жанре трагедии и уместные только в комедии.

Комедийные черты проступают не только в этой речевой окраске, но и в построении характеров. Сознательное снижение отдельных образов доходит почти до гротеска — вещь невозможная в классической трагедии: угодливый, заискивающий перед римским посланцем Прусий наделен к тому же еще чисто комедийными (с точки зрения классической поэтики) чертами «влюбленного старика» — безвольного мужа, находящегося под башмаком у своей второй жены.

Сниженно комедийные черты приданы и Арсиное: образ коварной мачехи, использующей свое влияние на старого мужа во вред пасынку и в пользу своего родного сына, в корне противоречит классической иерархии жанров. Он вносит неуместные в трагедию семейные, бытовые черты. Но именно это отступление от норм классической поэтики и составляет неповторимую, индивидуальную прелесть «Никомеда», по заслугам сохранившего свое место в театральном репертуаре. Не случайно именно «Никомела» избрал Мольер в решающий для судьбы своей труппы момент, когда он дебютировал перед парижской публикой по возвращении из провинции. Для реалистической режиссерской манеры великого комедиографа «Никомед» был ближе, чем какая-либо другая французская трагедия.

5

Сложный и противоречивый творческий путь Корнеля сказался и на его посмертной судьбе: французские просветители, во главе с Вольтером, ставили ему в вину отступления от классической поэтики, но вместе с тем шли по его стопам в создании острой, политически-тенденциозной трагедии. В предреволюционной и революционной Франции «римские» трагедии Корнеля не сходили со сцены; доблесть, бескорыстие и мужество его героев казались прообразом республиканских добродетелей, а лукавые, вероломные фавориты и малодушные, порочные государи воспринимались как бичующее обличение доживающей свой век французской монархии.

Абстрактная, обобщенная форма, присущая трагедиям Корнеля, как и всей классической драматургии, делала возможной свободную и широкую интерпретацию их образов и идей. Современники вкладывали в них новое, актуальное содержание, подсказанное

возросшим боевым революционным пафосом. Политические афоризмы и общие места, которыми так богаты трагедии Корнеля, истолковывались как злободневные намеки или лозунги.

Романтическая школа в своей борьбе с классицизмом пощадила одного лишь Корнеля: «Сид» воспринимался романтиками под знаком их увлечения средневековьем и испанской «экзотикой», а Гюго в своих испанских драмах «Эрнани» и «Рюи Блаз» явно испытал влияние героической комедии Корнеля «Дон Санчо Арагонский».

Когда борьба между классиками и романтиками стала, в свою очередь, достоянием прошлого, наследие Корнеля предстало, наконец, во всем своем объективном историческом значении. Его лучшие трагедии — от «Сиды» до «Никомеда» — прочно утвердились в классическом театральном репертуаре — французском и мировом — как яркое воплощение национальных черт, которыми вправе гордиться французский народ: непоколебимого мужества, высокого гражданского сознания и искрящегося, неистощимого «галльского» юмора.

В России Корнель неоднократно переводился и ставился в XVIII веке, в период господства классической школы. Пушкин сумел почувствовать и оценить размах и самобытность корнелевского таланта, не желавшего считаться с нормами классической поэтики. «Истинные гении трагедии никогда не заботились о правдоподобию, — писал он в 1825 г. Н. Н. Раевскому. — Посмотрите, как Корнель ловко управился с «Сидом»: «А, вам угодно соблюдение правила о двадцати четырех часах? Извольте!» — и нагромоздил событий на четыре месяца!»

«Сиды» Пушкин считал лучшей из трагедий Корнеля и радостно приветствовал новый превосходный перевод пьесы, сделанный в 1822 году Катениным.

Борьба Белинского против консервативной классической традиции, тормозившей развитие реалистической русской литературы, коснулась и Корнеля, надолго исчезнувшего из поля зрения русских переводчиков. Только в конце XIX века «Гораций» был вновь переведен Модестом Чайковским.

В советское время М. Л. Лозинский дал новый перевод «Сиды», который несколько раз выходил отдельным изданием.

В наши дни мужественный голос Корнеля звучит с новой силой, напоминая всему прогрессивному человечеству о героических примерах беззаветного патриотизма, доблести и бескорыстного самопожертвования во имя блага общества.

Н. Сигал

Сид

*Трагедия
в пяти действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Фернандо, первый король кастильский.

Донья Уррака, инфанта кастильская.

Дон Дьего, отец дон Родриго.

Дон Гомес, граф Гормас, отец Химены.

Дон Родриго, возлюбленный Химены.

Дон Санчо, влюбленный в Химену.

Дон Ариас }
Дон Алонсо } кастильские дворяне.

Химена, дочь Гомеса.

Леонор, воспитательница инфанты.

Эльвира, воспитательница Химены.

Паж инфанты

Действие происходит в Севилье

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Химена, Эльвира.

Химена

Эльвира, твой рассказ звучит нелицемерно?
Все, что сказал отец, ты изложила верно?

Эльвира

Мой слух восторженно внимал его словам:
Родриго мил ему не менее, чем вам,
И, если чтение дум доступно нашей власти,
Клянусь, он вам велит ответить этой страсти.

Химена

Так повтори еще, как бы себе самой,
В чем видно, что отцу приятен выбор мой?
Поведай вновь о том, что мне судьба готовит;
Столь сладостную речь душа так жадно ловит,
И так заманчива пыланью двух сердец
Свобода милая открыться наконец!
Что он тебе сказал про ласковое иго,
Которого хотят и Санчо и Родриго?
Ты не дала понять, к которому из двух
С таким неравенством склоняется мой дух?

Эльвира

Я речь вела о том, что и теперь, как прежде,
Вы первенства ничьей не дарите надежде
И ждете, не судя пристрастно их заслуг,
Чтоб волею отца вам избран был супруг.
Он принял эту весть с восторгом, о котором
Свидетельствовал въявь и голосом и взором,
И так как я должна вновь повести рассказ,
То вот, что он про них отметил и про вас:
«Она блюдет свой долг, ее достойны оба,
В обоих кровь чиста, смела, верна до гроба,
И юношеский взгляд легко дает прочесть
Отважных пращуров блистательную честь.
Особенно в чертах Родриго молодого
Дух высшей доблести запечатлен сурово,
И древний дом его так много знал побед,
Что в нем под лаврами рождаются на свет.
Отец его являл, в расцвете сил телесных,
Примеры подвигов поистине чудесных.
Изрыты славою бразды его чела,
Вещая нашим дням минувшие дела.
Сын подает отцу залог достойной смены,
И я одобрил бы любовь к нему Химены».
Он поспешал в совет и должен был пресечь,
Теснимый временем, чуть начатую речь.
Но после этих слов едва ли есть сомненье,
Которому из двух он дарит предпочтенье.
Сегодня должен быть наставник принцу дан;
Лишь вашему отцу пристал подобный сан;
Он столь бесспорными заслугами украшен,
Что из соперников ему никто не страшен.
Не зная равного на поле славных дел,
По праву он возьмет ожидаемый удел,
И, так как с ним самим дон Дьего хочет ныне,
Чуть кончится совет, поговорить о сыне,
Вы можете судить об отклике отца
И долго ли вам ждать счастливого конца.

Хи м е н а

Я смущена душой, Эльвира, я не смею
Отдаться радости и угнетаюсь ею:

Обличия судьбы изменчивы всегда,
И в самом счастье меня страшит беда.

Э л ь в и р а

Поверьте, этот страх обманчивого рода.

Х и м е н а

Что б ни было, идем и будем ждать исхода.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

И н ф а н т а, Л е о н о р, п а ж.

И н ф а н т а

Паж, вы должны снести Химене мой укор
В том, что ленивицы не видно до сих пор;
Для дружбы горестно такое невниманье.

Паж уходит.

Л е о н о р

Вседневно, госпожа, у вас одно желанье,
И вы, в беседе с ней, вседневно, вновь и вновь
Осведомляетесь, как зреет их любовь.

И н ф а н т а

Тому причина есть. Мои трудились руки,
Чтоб душу ей пронзить стрелами нежной муки.
Родриго дорог ей; он ей подарен мной;
Он торжеством своим обязан мне одной.
Я этих любящих сама сковала страстью
И потому должна сочувствовать их счастью.

Л е о н о р

Однако, госпожа, вы каждый их успех
Встречаете с тоской, заметною для всех.
Ужели зрелище любви, для них счастливой,
Терзает душу вам печалью молчаливой,
И вы, сочувственно склоняясь к их судьбе,
Вручили радость им и взяли скорбь себе?
Но я зашла за грань и становлюсь нескромной.

И н ф а н т а

Скорбь тяжела вдвойне под кровом тайны темной.
Узнай, узнай о том, как долго билась я,
Узнай, как борется донныне честь моя.
Любовь — жестокий царь, ее всеильно иго:
Я мной даримого, я этого Родриго
Люблю.

Л е о н о р

Вы любите его!

И н ф а н т а

Тронь сердце мне.
При этом имени — в каком оно огне,
В каком смятении!

Л е о н о р

Пусть я мой долг нарушу, —
Я порицаю пыл, объяввший вашу душу.
Принцесса может ли, забыв свой сан и кровь,
К простому рыцарю восчувствовать любовь?
А мненье короля? А всей Кастильи мненье?
Вы помните иль нет свое происхожденье?

И н ф а н т а

Я помню — и скорей всю кровь пролью из ран,
Чем соглашусь забыть и запятнать мой сан.
Конечно, есть ответ, что дух, ревнивый к славе,
Одним достоинством воспламеняться вправе,
И я бы страсть мою оправдывать могла
Примерами в былом, которым нет числа;
Но я не внемлю им, когда задета гордость;
В волненье чувств моих я сохраняю твердость,
И если мне сужден супруг и господин,
То это может быть лишь королевский сын.
Поняв, что мой покой сберечь я не сумела,
Я уступила то, чем овладеть не смела:
Ему, взамен себя, Химену я даю,
И я зажгла их страсть, чтоб угасить мою.
Не удивляйся же, что, сердцем леденея,
Я с нетерпением хочу их гименея;
С ним связан для меня покой грядущих дней:

Живет надеждой страсть и гибнет вместе с ней;
То пламень, гаснувший, когда нет пищи новой;
И если для меня настанет день суровый
И я супругами увижу этих двух,
Мои мечты умрут, но исцелится дух.
И все же я терплю неслыханную муку:
Родриго дорог мне, пока не отдал руку.
Я силюсь с ним порвать — и неохотно рву,
И в тайной горести поэтому живу.
Я чувствую, что я, в моей печальной доле,
По мной отвергнутом вздыхаю поневоле;
Я вижу, что душа раздвоена во мне:
Высоко мужество, но сердце все в огне.
Мне страшен этот брак: немилый и желанный,
Он сердцу не сулит отрады долгожданной;
Так властны надо мной и страсть моя и честь,
Что, будет он иль нет, мне этого не снести.

Л е о н о р

Какими, госпожа, отвечу я словами?
Скажу единственно, что стражду вместе с вами.
Я возражала вам, теперь жалею вас.
Но если сквозь недуг, проникший в вас сейчас,
Вы стойко боретесь с его волшебной силой,
Противясь натиску, враждуя с властью милой, —
Вы в этой стойкости окажетесь сильнее.
Надейтесь на нее, на помощь быстрых дней,
На правоту небес: они всему свидетель
И от напрасных мук избавят добродетель.

И н ф а н т а

Мне слаще всех надежд — знать, что надежды нет.

П а ж

Химена вам несет почтительный привет.

И н ф а н т а (к Леонор)

Вы около нее побудьте в галерее.

Л е о н о р

Вам одинокая задумчивость милее?

И н ф а н т а

Нет, только я хочу, как сердце ни болит,
Наедине с собой принять спокойный вид.
Я к вам сейчас приду.

О боже всемогущий,
Не дай торжествовать тоске, меня гнетущей,
И огради мой мир, честь огради мою!
Чтоб стать счастливою, я счастье отдаю.
Спокойствие троих лежит в их гименее.
Скорей сверши свой суд иль дай мне быть сильнее.
В нерасторгаемом союзе их сердец —
И вольность для меня и муж моих конец.
Но мне пора идти; мой разговор с Хименой
В моих терзаниях мне будет переменной.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Граф, дон Дъего.

Граф

Итак, вы взяли верх, и с нынешнего дня
Вас облакает сан, который ждал меня:
Вам как наставнику король вверяет сына.

Дон Дъего

Почтившее мой дом вниманье властелина
Показывает всем, что он сумел и тут
По справедливости воздать за прошлый труд.

Граф

Как ни возвышен трон, но люди все подобны:
Судить ошибочно и короли способны;
И этим выбором доказано вполне,
Что настоящий труд у них в плохой цене.

Дон Дъего

Не будемте вступать в досадный спор друг с другом:
Я мог быть случаю обязан, не заслугам.
Но есть священный долг, — и я его блюду, —
Веленья короля не подвергать суду.
Он оказал мне честь, вы окажите тоже,

Сомкнемся узами, которых нет дороже:
Сын у меня один, и дочь у вас одна;
Их брак на вечные сдружит нас времена;
Явите милость нам и будьте сыну тестем.

Г р а ф

Столь низменным родством его мы обесчестим,
И пышность должности, пожалованной вам,
Должна его махать к совсем иным мечтам.
Вступайте в новый сан и сейте мудрость в принце:
Как обеспечивать спокойствие провинций,
Воспитывать в сердцах законную боязнь,
Внушать злодею страх и доброму приязнь;
Прибавьте к этому науку воеводы:
Как приучать себя переносить невзгоды,
В искусстве Марсовом быть первым на земле,
Не знать усталости, и день, и ночь в седле;
Спать, не снимая лат, брать стены голой шпагой,
Исход сражения решать своей отвагой;
И, чтоб уроками он лучше овладел,
Являйте юноше пример наглядных дел.

Д о н Д ь е г о

Он почерпнет пример, завидный всей отчизне,
Читая летопись моей высокой жизни.
Там, в свитке славных дел, урок наглядный дан,
Как сокрушать отпор чужеплеменных стран,
Вторгаться в крепости, войска беречь для боя
И блеском подвигов стяжать венец героя,

Г р а ф

Живой пример верней, и только он велик;
Уменье властвовать не черпнется из книг.
И чем в конце концов ваш долгий век столь славен?
Любой из дней моих ему с избытком равен.
Вы были доблестны, я и теперь таков;
Перед моим мечом, ужасным для врагов,
Гранада в трепете и Арагон в бессилье;
Я именем моим оплот для всей Кастильи;
Не будь меня, чужой теснил бы вас закон,
Здесь ваши недруги воздвигли бы свой трон.
Вседневная молва, летя за мною следом,

За лавром новый лавр плетет моим победам.
Принц, на моих глазах учась водить полки,
Возрос бы мужеством в тени моей руки;
Искусство побеждать усвоив на примере
И, чтобы оправдать воочью в полной мере
Свой сан...

Д о н Д ь е г о

Я знаю, да, вы королю слуга:
Вы у меня не раз ходили на врага.
Когда преклонный век оледенил мне жилы,
На смену мне пришли ваш дух и ваши силы;
Скажу без лишних слов и мыслей не тая:
Теперь вы стали тем, чем был когда-то я.
Но в этом случае, как видите вы сами,
Монарх различие проводит между нами.

Г р а ф

Мой жребий у меня вы вырвали из рук.

Д о н Д ь е г о

Свой жребий каждому по степени заслуг.

Г р а ф

Заслуживает тот, кто лучше знает дело.

Д о н Д ь е г о

Что этим случаем подтверждено всецело.

Г р а ф

Вы взяли происком, придворный сердцевед!

Д о н Д ь е г о

Моим ходатаем был блеск моих побед.

Г р а ф

Допустим, что король честь оказал сединам.

Д о н Д ь е г о

Он мыслил, как всегда, о мужестве едином.

Г р а ф

И должен был меня законно предпочесть.

Дон Дьего

Непредпочтенному не подобала честь.

Граф

Не подобала честь! Мне?

Дон Дьего

Вам.

Граф

Бесстыдник старый.

Твоя заносчивость заслуживает кары.

(Дает ему пощечину.)

Дон Дьего *(обнажая меч)*

Кончай — и жизнь возьми, когда таким стыдом
Впервые обогрен мой знаменитый дом!

Граф

Что противу меня ты можешь, старец хилый?

Дон Дьего

О боже, в час нужды мне изменяют силы!

Граф

Твой меч достался мне; но честь не велика,
И я презренного не подыму клинка.
Прощай; пусть юный принц, ища пример в отчизне,
Читает летопись твоей высокой жизни;
Вот этой платою за дерзость болтуна
В немалой степени украсится она.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Дьего.

Дон Дьего

О гнев! О бешенство! О старость, враг лукавый!
Ужель я столько жил, чтоб умереть без славы,

И на полях войны трудился до седины,
Чтоб лавры доблести поблекли в день один?
Рука, покрытая победоносной пылью,
Рука, так много раз спасавшая Кастилью,
Престолу королей защита и оплот,
В час столкновения меня же предает?
О, пламенная скорбь о славе посрамленной!
Труд неисчетных дней, в единый день сметенный!
Почет, возданный мне, чтоб гибель мне принести!
Утес, с которого моя низверглась честь!
Ужели дерзкого мое украсит горе,
И я, не отомстив, окончу дни в позоре?
Будь принцу моему руководитель, граф:
Мое бесчестие меня лишает прав;
В кичливой ревности ты можешь быть спокоен:
Избранник короля, я больше не достоин.
А ты, орудие моих былых побед,
Но бесполезная игрушка хладных лет,
Когда-то грозный меч, который, призван к бою,
Был не защитой мне, а жалкой мишурою,
Покинь носящего позор в своей груди
И в руку к лучшему для мщенья перейди.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Дьего, дон Родриго.

Дон Дьего

Родриго, храбр ли ты?

Дон Родриго

Я бы не ждал с ответом,
Не будь вы мой отец.

Дон Дьего

Есть прелесть в гневе этом!
Я в гордом отклике отраду сердцем пью!
В его горячности я слышу кровь мою:
Мне этот пыл знаком, он — доброе предвестье. —

Приди, мой сын, приди, загладь мое бесчестье,
Будь мой отмститель.

Дон Родриго

В чем?

Дон Дьего

В тягчайшей из обид;

Она бесславием обоих нас разит:
В пощечине. Наглец понес бы наказанье,
Но возраст обманул священное желанье;
И меч, который мне уже тяжел в борьбе,
На кару и на месть я отдаю тебе.
Иди — и мужеством ответь на дерзновение:
Лишь кровью можно смыть такое оскорбленье.
Умри — или убей. Но знай, я не таю:
Тебе я грозного противника даю.
Я видел, весь в крови, покрытый ратным прахом,
Он разметал войска, охваченные страхом;
Я видел, не один ломал он эскадрон.
Но мало этого: не только рыцарь он,
Не только смелый вождь, громящий рвы и стены,
Он...

Дон Родриго

Умоляю вас, кто он?

Дон Дьего

Отец Химены.

Дон Родриго

Отец...

Дон Дьего

Не отвечай. Я знаю все, что есть.
Но мы не вправе жить, когда погибла честь.
Чем лучший оскорбил, тем глуже оскорбленье.
Ты знаешь мой позор, в твоей руке отмщенье:
Я все тебе сказал. Наш мститель — ты один.
Яви себя врагу как мой достойный сын,
А я предам мой дух скорбям, меня сломившим.
Иди, беги, лети — и возвратись отмстившим.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Родриго.

Дон Родриго

До глуби сердца поражен
Смертельною стрелой, неожиданной и лукавой,
На горестную месть поставлен в битве правой,
Неправой участью тесним со всех сторон,
Я медлю, недвижим, и смутен дух, невластный
Снести удар ужасный.

Я к счастью был так близок наконец, —

О, злых судеб измены! —

И в этот миг мой оскорблен отец,
И оскорбившим был отец Химены.

Я предан внутренней войне;
Любовь моя и честь в борьбе непримиримой:
Вступиться за отца, отречься от любимой!
Тот к мужеству зовет, та держит руку мне.
Но что б я ни избрал — сменить любовь на горе

Иль прозябать в позоре, —

И там и здесь терзаньям нет конца.

О, злых судеб измены!

Забыть ли мне о казни наглеца?

Казнить ли мне отца моей Химены?

Отец, невеста, честь, любовь,
Возвышенная власть, любезная держава!
Умрут все радости или погибнет слава.
Здесь — я не вправе жить, там — я несчастен вновь.
Надежда грозная души благородной,

Но также и влюбленной,

Меч, мне к блаженству преградивший путь,

Суровый враг измены,

Ты призван ли мне честь мою вернуть?

Ты призван ли меня лишить Химены?

Пусть лучше я не буду жив.
Не меньше, чем отцу, обязан я любимой:
Отмстив, я гнев ее стяжаю негасимый;
Ее презрение стяжаю, не отмстив.
Надежду милую отвергнуть ради мести?

Навек лишиться чести?
Напрасно мне спасенья вожделеть:
Везде — судьбы измены.
Смелей, душа! Раз надо умереть,
То примем смерть, не оскорбив Химены.

Но умереть с таким стыдом!
Чтобы открылась мне бесславная могила
И чтоб Испания за гробом осудила
Не защитившего свой оскорбленный дом!
Покорствовать любви, которую, я знаю,
Я все равно теряю!
Ужели же я мог бы предпочесть
Постыдный путь измены?
Смелей, рука! Спасем хотя бы честь,
Раз все равно нам не вернуть Химены.

Я был в рассудке помрачен:
Отцу обязан я первее, чем любимой;
Умру ли я в бою, умру ль, тоской томимый,
Я с кровью чистою умру, как был рожден.
Мое и без того чрезмерно небрежье;
Бежим исполнить мщенье;
И, колебаньям положив конец,
Не совершим измены:
Не все ль равно, раз оскорблен отец,
Что оскорбившим был отец Химены!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Ариас, граф.

Граф

Меж нами сознаюсь, меня увлек мой пыл,
И я, в горячности, слегка перехватил;
Но дело сделано, и нет к нему возврата.

Дон Ариас

Желанье короля для вас да будет свято:
Он очень раздражен и может сей же час
Со всею властью обрушиться на вас.
Поступку вашему не приискать смягченья;
Сан оскорбленного и тяжесть оскорбленья
Потребуют шагов с виновной стороны
Важнейших, чем одно признание вины.

Граф

Извольте, жизнь моя всегда в монаршей власти.

Дон Ариас

Вслед за ошибкою вы отдаетесь страсти.
Король к вам милостив, пусть даже и грозя;
Раз он сказал: «Хочу», — ослушаться нельзя.

Г р а ф

Свое достоинство над долгом возвышая,
Чуть-чуть ослушаться — вина не столь большая;
Во всяком случае, подобная вина
Числом моих заслуг с лихвой поглощена.

Д о н А р и а с

Как много подданный усердья ни приложит,
Король ему ничем обязан быть не может.
Вы обольщаетесь; наш долг всегда гласил
Служить властителю по мере наших сил.
Вы губите себя, живя в такой надежде.

Г р а ф

Узнав на опыте, поверю, но не прежде.

Д о н А р и а с

Подумайте: грозна карающая власть.

Г р а ф

Я не из тех людей, кто сразу может пасть.
Пусть будет надо мной учинена расправа:
Когда погибну я, погибнет вся держава.

Д о н А р и а с

Как! Если скипетр свой король поднимет вдруг...

Г р а ф

Свой скипетр без меня он выронит из рук.
Ему невыгодно ломать опору трона:
С моею головой падет его корона.

Д о н А р и а с

Нельзя волнением рассудок заглушать.
Решайте не сердясь.

Г р а ф

Мне нечего решать.

Д о н А р и а с

Но что же мне сказать? С какой явиться вестью?

Г р а ф

Что я не соглашусь подвергнуться бесчестью.

Д о н А р и а с

Опасно королям оказывать отпор.

Г р а ф

Мой выбор совершен; покончим этот спор.

Д о н А р и а с

Прощайте ж, если вам покорность незнакома;
Но и под лаврами остерегайтесь грома.

Г р а ф

Спокойно жду его.

Д о н А р и а с

Дождетесь, верьте мне.

Г р а ф

Ну что ж, обиженный утешится вполне.

(Один.)

Кто смертью не смущен, угрозой не смутится;
Страшнейшей из опал мой дух не убоится.
Я всякую беду согласен перенести,
Но я не соглашусь, чтоб пострадала честь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Граф, дон Родриго.

Д о н Р о д р и г о

Два слова, граф.

Г р а ф

Изволь.

Д о н Р о д р и г о

Поговорим негласно.

Ты знаешь, кто такой дон Дъего?

Граф Да.

Дон Родриго

Прекрасно.

Ты знаешь ли, что в нем все доблести слиты,
Вся честь и мужество былого? Знаешь ты?

Граф

Быть может.

Дон Родриго

Что огонь, мой взор зажегший светом, —
Что это кровь его? Ты знаешь?

Граф

Что мне в этом?

Дон Родриго

Поймешь, пройдя со мной отсюда пять шагов.

Граф

Кичливец молодой!

Дон Родриго

Не надо громких слов.

Я молод, это так; но, если сердце смело,
Оно не станет ждать, чтоб время подоспело.

Граф

Ты? Меряться со мной? Скажи, какой задор!
Ведь ты еще ни с кем не бился до сих пор.

Дон Родриго

Так что ж? Таким, как я, не надо и показа:
Мы бьем уверенно и с первого же раза.

Граф

Да знаешь ты, кто я?

Дон Родриго

Я знаю; и в любом
Душа смутилась бы при имени твоём.

На куще пальмовой, чело твое покрывшей,
Как бы начертан рок, погибель мне судивший.
Я вышел биться с тем, кто побеждал всегда;
Но сила сыщется, когда душа тверда.
Отмстители отцов самой судьбой водимы.
Непобежденные не все непобедимы.

Г р а ф

Бесстрашие, в твоих сквозящее речах,
Я издавна привык читать в твоих очах;
И, чувствуя в тебе оплот родного края,
Гордился, дочь мою тебе предназначая.
Я знаю страсть твою и убедиться рад,
Что твой высокий долг не встретил в ней преград;
Что доблестный порыв не остановлен ею;
Что твой отважный дух я чтить, как прежде, смею;
И что, в лице твоём в зятя себе избрав
Прямого рыцаря, я оказался прав;
И все же я готов жалеть тебя невольно:
Отваге я дивлюсь, но мне за юность больно.
Не обрекай себя на искус роковой;
Не понуждай меня вступать в неравный бой;
С тобой я мыслил бы бесчестным спор кровавый:
Где нет опасности, не может быть и славы.
Сочтут, что без труда я одолел в борьбе,
И мне останется лишь плакать по тебе.

Д о н Р о д р и г о

Ты оскорбил меня, теперь меня жалеешь?
Ты отнял честь мою, а жизнь отнять не смеешь?

Г р а ф

Ступай отсюда прочь.

Д о н Р о д р и г о

За мной, без лишних слов.

Г р а ф

Тебе постыла жизнь?

Д о н Р о д р и г о

Ты к смерти не готов?

Г р а ф

Идем; остаться жить сын не имеет права,
Когда омрачена отеческая слава.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Инфанта, Химена, Леонор.

И н ф а н т а

Смири, смири в себе, Химена, эту боль
И сердце к твердости в несчастье приневольт.
Сменится тишиной случайное ненастье;
Лишь беглым облаком твое затмилось счастье,
И не на долгий срок оно отдалено.

Х и м е н а

Мне в этой горести надежды не дано.
Внезапная гроза, смутившая погоду,
Крушение верное пророчит мореходу:
Я в самой гавани поглощена волной.
Уже нас сватали его отец и мой,
И счастья приход, пленительный и скорый,
Я возвещала вам в миг злополучной ссоры,
Когда их развела нежданная вражда,
Надежду милую разрушив навсегда.
Тщеславье гнусное, гордыни дух тлетворный,
Чьей власти пагубной и лучшие покорны!
Честь, беспощадная ко всем моим мечтам,
Как много вздохов я и слез тебе воздам?

И н ф а н т а

Поверь, твоих надежд их ссора не разрушит:
Миг породил ее, и миг ее потушит.
Чрезмерность отклика положит ей конец:
Их примирения желает мой отец;
А я, чтоб радостной тебя увидеть снова,
На невозможное отважиться готова.

Х и м е н а

Здесь примирение бесцельно, все равно:
Ничто не может смыть столь страшное пятно.

Нет пользы применять совет иль принужденье:
Они лишь мнимое приносят исцеленье.
Глухая ненависть, в сердцах затаена,
Горит невидимо, но тем знойней она.

И н ф а н т а

Союз, связующий Родриго и Химену,
Рассеет ненависть, ей мир придет на смену;
Взаимная любовь окажется сильней,
И распрю заглушит счастливый гименей.

Х и м е н а

Я праздную мечтой себя не обольщаю:
Дон Дьего слишком горд, а нрав отца я знаю.
Поток невольных слез я сдерживать должна;
Мне тяжело прошлое, и будущность страшна.

И н ф а н т а

Что страшно? Старца гнев? Бессильный крови холод?

Х и м е н а

Родриго мужествен.

И н ф а н т а

Родриго слишком молод.

Х и м е н а

Кто смел, тот смельчаком рождается на свет.

И н ф а н т а

И все-таки причин для беспокойства нет:
Свою любимую он огорчить не может;
Два слова уст твоих — и злобу он отложит.

Х и м е н а

Коль он не внемлет мне, какой предел невзгод!
А если может внять, то кем он просльвет?
Благорожденному — не смыть обиды кровной?
Уступит он иль нет огню тоски любовной,

Мне только стыд сулят иль скорбь, из часа в час,
Такая преданность или такой отказ.

И н ф а н т а

Химена и в беде горда и бескорытна;
Ей низменная мысль была бы ненавистна;
Но если вплоть до дня, как мы их помирим,
Родриго пленником я объявлю моим
И мужество его в бездействии пребудет,
Меня твоя любовь за это не осудит?

Х и м е н а

Тогда я никаких не ведаю забот.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

И н ф а н т а, Х и м е н а, Л е о н о р, п а ж

И н ф а н т а

Паж, позовите мне Родриго; пусть придет.

П а ж

Граф де Гормас и он...

Х и м е н а

Вам что-нибудь известно?

И н ф а н т а

Что с ними?

П а ж

Из дворца они ушли совместно.

Х и м е н а

Одни?

П а ж

Одни, и был у них о чем-то спор.

Х и м е н а

Они сражаются, оставим разговор.
К моей поспешности явите снисхождение.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

И н ф а н т а, Л е о н о р.

И н ф а н т а

Какое странное меня томит волненье!
О ней душа скорбит, а им восхищена;
Сердечный мир исчез, и страсть воскрешена.
Я, этих любящих предчувствуя разлуку,
Живу надеждой вновь — и вновь лелею муку;
И, хоть печален мне грядущий их разлад,
Мой дух отрадою таинственной объят.

Л е о н о р

У вашей доблести ужель так мало власти,
Чтоб тотчас уступить постыдной этой страсти?

И н ф а н т а

Не называй ее постыдной; надо мной
Ей суждено царить и властвовать одной;
Будь к ней почтительна, она мне всех дороже.
Я стойко с ней борюсь, но я надеюсь все же;
И сердце, покорясь надежде дорогой,
Летит за счастьем, утраченным другой.

Л е о н о р

Итак, высокий дух уже обезоружен,
И голос разума докучен и ненужен?

И н ф а н т а

Не внемлют разуму и с ним не говорят,
Когда в душе разлит такой прелестный яд.
И если страждущим любезны их страданья,
Они насильного не терпят врачеванья.

Л е о н о р

Вы прельщены мечтой, в ней все полно прикрас;
Но вы же знаете: Родриго ниже вас.

И н ф а н т а

Я это знаю, да; пусть мало я боролась,
Но слушай, как любви искусен лстывый голос.

Когда одержит верх в единоборстве он
И грозный враг его окажется сражен,
Я вправе чтить его, могу любить свободно.
Тот, кем повержен граф, свершит все, что угодно.
Мне хочется мечтать, что в счастливой борьбе
Он царства целые поработит себе;
И льстящая любовь, сметая все преграды,
Являет мне его занявшим трон Гранады,
Он маврам трепетным дарует свой закон,
Завоевателя встречает Арагон,
Смят португальский стяг, и громкие походы
Несут его судьбу через морские воды,
Чтоб кровью Африки кропить его венцы;
Всего, чем памятны славнейшие бойцы,
Я от Родриго жду вослед за этим боем
И буду лишь горда, любимая героем.

Л е о н о р

Как смело вы его играете судьбой!
Да состоится ли еще и первый бой?

И н ф а н т а

Родриго оскорблен; он с графом должен драться;
Они ушли вдвоем, — здесь трудно сомневаться.

Л е о н о р

Они сразятся, пусть; но на пути побед
Способен ли поспеть Родриго вам вослед?

И н ф а н т а

Ах, я безумствую, мой ум отравя точит!
Ты видишь, сколько мук мне эта страсть пророчит!
Пойдем; утешь мой дух и сердце успокой;
Не оставляй меня наедине с тоской.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Фернандо, дон Ариас, дон Санчо.

Д о н Ф е р н а н д о

Граф начал действовать весьма неосторожно.
Ужель, он думает, его простить возможно?

Дон Ариас

Я с ним беседовал как посланный от вас;
Я сделал все, что мог, и получил отказ.

Дон Фернандо

О небо! Подданный настоль самоуверен,
Что с волею моей считаться не намерен!
Дон Дьего можно бить, гнушаться королем,
Противиться ему пред всем его двором!
Пусть смелый воин он, пусть полководец славный, —
Я справлюсь без труда с гордыней своенравной.
Будь он сама гроза, будь он сам бог войны,
Ослушник понесет последствия вины.
Хоть он себе тогда позволил слишком много,
Сперва я не хотел с ним обходиться строго;
Но, так как пользы нет, сегодня ж будет он,
Пусть хоть насильственно, под стражу заключен.

Дон Санчо

Быть может, государь, он сам смирится вскоре.
Он весь еще кипел, разгоряченный в ссоре;
Пока не миновал первоначальный пыл,
Нельзя, чтобы гордец так сразу уступил.
Он знает, что неправ, но сердце в нем надменно,
И тягостно ему сознаться откровенно.

Дон Фернандо

Извольте замолчать, дон Санчо; я велю
Считать согласие с ним изменой королю.

Дон Санчо

Я повинуюсь вам; но если б вы мне дали
Вступиться за него...

Дон Фернандо

То что бы вы сказали?

Дон Санчо

Что дух, приученный быть доблестным всегда,
Принести повинную не может без стыда:
В нем чувство гордости, естественно, задето,

И графа на отпор подвигло только это.
Полученный приказ немного слишком строг;
Он подчинился бы, когда бы с честью мог.
Велите, чтобы он, привыкший жить солдатом,
Обиду искупил воинственным булатом;
А если надобно, то я и сам могу
Дать острием меча ответ его врагу.

Д о н Ф е р н а н д о

Вы забываетесь; но я прощаю смелость
И юношеских лет горячую незрелость.
Король, чьи помыслы полны иных забот,
Кровь подданных своих иначе бережет:
Я охраняю их, пекусь об их уделе,
Подобно голове, пекущейся о теле.
К единомуслию мы с вами не придем:
В вас — говорит боец; мой долг — быть королем;
И, думая как он, поверьте, вы неправы:
Граф, повинувшись мне, не потеряет славы.
К тому ж, задет и я: он оскорбил того,
Кому наследника я вверил моего;
Оспорить выбор мой, хотя б в порыве страсти,
Есть вызов лично мне и королевской власти.
Довольно. Весть пришла, что наш старинный враг
На десяти судах надменно поднял стяг
И в устье реки дерзнул проникнуть с моря.

Д о н А р и а с

Вы маврам принесли уже немало горя,
И, вашей доблестью сраженные не раз,
Они отважиться не смеют против вас.

Д о н Ф е р н а н д о

Их гордый дух угрюм и ревностью снедаем,
Что скипетр мой царит над Андалузским краем,
И невозвратная, прекрасная страна
Всегда желанною казаться им должна.
Я только для того решил в стенах Севильи,
Тому уж десять лет, поставить трон Кастильи,
Чтоб к маврам ближе быть, и не спускать с них взор,
И сразу им давать решительный отпор.

Д о н А р и а с

Они извели давно ценой кровавой,
Что каждый ваш поход увенчан ратной славой;
Бояться нечего.

Д о н Ф е р н а н д о

И нечего дремать:
Беспечность — худший враг, чем вражеская рать;
Вы сами знаете: совсем не будет дивом,
Когда они сюда поднимутся с приливом.
И все ж, по одному известию гонца,
Я не хочу вселять напрасный страх в сердца,
И нам, в опасности не убедясь воочью,
Не стоит в городе тревогу сеять ночью.
На стены и к реке послать двойной дозор —
И хватит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Д о н Ф е р н а н д о, д о н С а н ч о, д о н А л о н с о.

Д о н А л о н с о

Государь, граф умер; свой позор
Дон Дьего искупил, отмстив рукою сына.

Д о н Ф е р н а н д о

Я знал, что близится кровавая година;
Чтоб отворотить ее, я сделал все, что мог.

Д о н А л о н с о

Химена, вся в слезах, спешит у ваших ног
Сложить свою печаль и требовать расплаты.

Д о н Ф е р н а н д о

Я сердцем чувствую всю боль ее утраты;
Но граф был дерзостен, упорствовал в вине,
И наказание заслужено вполне.
И все ж, хотя ему по праву воздается,
Мне горестно терять такого полководца.
Он был моей стране надежная броня,

Он крови не жалел, сражаясь за меня,
И, как бы ни судить о буйно восстававшем,
Я без него слабей, и я скорблю о павшем.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дон Фернандо, дон Дъего, Химена, дон Санчо,
дон Ариас, дон Алонсо.

Химена

Возмездье, государь!

Дон Дъего

К вам, государь, зову!

Химена

Молю у ваших ног.

Дон Дъего

Склоняю к ним главу.

Химена

Я требую суда.

Дон Дъего

И я готов к защите.

Химена

Безумца юного отвагу накажите:

Он отнял жизнь того, кто нужен был венцу;

Он дочь лишил отца.

Дон Дъего

Он честь вернул отцу.

Химена

За пролитую кровь монарх карать обязан.

Дон Дъего

Кто справедливо мстит, не может быть наказан.

Д о н Ф е р н а н д о

Прошу обоих встать; обсудим не спеша. —
Химена, тяжело скорбит моя душа;
Ее страдание с печалью вашей сходно. —
Вы скажете потом; пусть говорит свободно.

Х и м е н а

Скончался мой отец; я словно вижу вновь,
Как из его груди ключом клокочет кровь.
Кровь, охранявшую твердыни ваших башен,
Кровь, чьей отвагою ваш славный трон украшен,
Которая еще дымится и сейчас
От гнева, что она пролилась не за вас,
Кровь, от которой смерть шарахалась со страхом,
Родриго возле вас смешал с песком и прахом.
Я бросилась туда, слабея на бегу:
Он не дышал уже. Простите, не могу,
Я плачу, государь, и говорить мне больно.
Быть может, этих слез и вздохов вам довольно.

Д о н Ф е р н а н д о

Мужайся, дочь моя, будь стойкой до конца;
Ты в короле своем найдешь себе отца.

Х и м е н а

Вслед горю, государь, спешит чрезмерность чести...
Так вот, он не дышал; он был убит на месте;
Зияла грудь его; он навсегда умолк,
Но кровью на земле начертывал мой долг;
Вернее, мощь бойца, струей точась багряной,
Мне о возмездии кричала этой раной,
Чтоб тот, кто правит суд пред истиной самой,
Из скорбных уст ее услышал голос мой.
Ужели, государь, вы потерпеть согласны
Под вашей властью такой разгул ужасный,
Чтоб безнаказанно отважнейших людей
Ударом дерзостным мог поражать злодей,
Чтоб молодой смельчак во славе с ними спорил,
Купался в их крови и память их позорил!
Неотомщенная кончина храбреца
Погасит рвение вернейших слуг венца.

Да, мой отец убит; я требую отмщенья,
Скорей для пользы вам, чем мне для утешенья.
Подобного отцу вы не найдете вновь.
Воздайте смерть за смерть, пролейте кровь за кровь.
Пусть жертвою падет — не мне, но вашей славе,
Но вашему венцу, и скиптру, и державе,
Пусть жертвою падет на благо всей стране
Гордыню черплющий в неслыханной вине.

Д о н Ф е р н а н д о

Дон Дьего, ваш ответ.

Д о н Д ь е г о

Сколь зависти достоин

Тот, кто, теряя мощь, теряет жизнь, как воин,
И сколь казим судьбой отважный человек,
Который долго жил и пережил свой век!
Я, чей высокий труд по всей отчизне ведом,
Я, с юных лет моих приученный к победам,
Я дожил до того, что я был оскорблен
И, обнажив свой меч, остался побежден.
Чего не смел ни бой, ни приступ, ни засада,
Чего ни Арагон не мог бы, ни Гранада,
Ни ярость недруга, ни зависть гордеца,
На то решился граф средь вашего дворца,
Ревнуя выбор ваш и похваляясь силой,
Торжествовавшею над старостию хилой.
И эти волосы, седевшие в боях,
Кровь, обагрявшая изрытый битвой прах,
Рука, полки врагов крушившая отпором,
Сошли бы в хладный склеп, покрытые позором,
Когда бы не был мной достойный сын рожден,
Кем могут быть горды я, родина и трон.
Он бился за меня, и граф понес отмщенье;
Честь восстановлена, и смыто оскорбленье.
Когда достойная оплата за удар,
Когда законный гнев заслуживают кар,
Гром должен встретить я, один на целом свете:
Где неправа рука, там голова в ответе.
И есть ли тут вина, иль ровно никакой,
Но головой был я, а сын мой был рукой.
Химена не того в убийстве обвинила:

Убийцей был бы я, когда была бы сила.
Казните голову, уж ей недолго жить;
Рука еще не раз вам может послужить.
Да будет кровь моя Химене утешеньем;
Я этот приговор не встречу возмущеньем,
Прочту без ропота жестокою скрижалъ:
Раз честь моя со мной, мне умереть не жаль.

Д о н Ф е р н а н д о

Здесь торопливого не может быть ответа,
И дело подлежит суждению совета.
Дон Санчо отведет Химену к ней домой.
Дон Дьего слово даст, что здесь он узник мой.
Прислать Родриго к нам. Король свой суд положит.

Х и м е н а

Великий государь, убийца жить не может!

Д о н Ф е р н а н д о

Химена, отдохни и боль преодолей.

Х и м е н а

Терзанья отдыха мне вдвое тяжелей.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Родриго, Эльвира.

Эльвира

Родриго, что с тобой? Зачем ты здесь, несчастный?

Дон Родриго

Меня приводит путь моей судьбы ужасной.

Эльвира

И ты являешься, гордыней опьянен,
Туда, где поселил отчаянье и стон?
Как? Даже здесь тебе не предстает укором
Тень графа?

Дон Родриго

Жизнь его была моим позором;
Убить моей руке приказывала честь.

Эльвира

И здесь ты думаешь убежище обрести?
Приют — под кровлею убитого тобою?

Дон Родриго

Я прихожу предстать перед моим сульею.
Забудь смущение и отложи боязнь:
Казнив обидчика, я сам иду на казнь.

Судья — моя любовь, судья — моя Химена.
Снискать ее вражду — ужасней, чем измена,
И я пришел принять, как утоление мук,
Свой суд из милых уст и смерть из милых рук

Эльвира

Беги от глаз ее, беги от возмущенья;
Первоначального не искушай волненья;
Уйди и первые порывы пережди,
Которые сейчас кипят в ее груди.

Дон Родриго

Нет, нет, любимую подвигнув к неприязни,
Я без того уже заслуживаю казни:
И я бы избежал мученья ста смертей,
Удвоив гнев ее, чтоб умереть скорей.

Эльвира

Химена во дворце, в слезах тоски глубокой;
Ей не дадут домой вернуться одинокой.
Родриго, удались; сейчас сюда придут.
Что станут говорить, тебя увидев тут?
Вокруг ее беды начнутся злые речи,
Что дочь убитого с убийцей терпит встречи.
Она уже идет; скорей, не будь упрям;
Помилуй честь ее, Родриго, скройся там.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Санчо, Химена, Эльвира.

Дон Санчо

Да, вам завещана кровавая расплата:
Ваш гнев пред всеми прав, и ваше горе свято;
И я бы не посмел в печальный этот час
Стараться вас смягчить или утешить вас.
Но, если на меня высокий долг возляжет,
Мое оружие виновного накажет,
Моя любовь отмстит за вашего отца;
Для вас я сокрушу надменного бойца.

Х и м е н а

Несчастливая!

Д о н С а н ч о

Мой меч его судьбою будет.

Х и м е н а

Я оскорблю того, чья мудрость нас рассудит.

Д о н С а н ч о

Управа королей шагает не спеша,
Ленивой поступью злодеев не страша,
И горестным слезам дает напрасно литься.
Дозвольте рыцарю за вас мечом вступиться:
Подобный путь быстрее, да и верней суда.

Х и м е н а

Когда в таком пути представится нужда
И если к той поре не стихнет ваше рвенье,
Я вам не запрещу свершить мое отмщенье.

Д о н С а н ч о

Другого счастья не ждет моя душа;
И я покину вас, надеждою дыша.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Х и м е н а, Э л ь в и р а.

Х и м е н а

Мы, наконец, одни; и я могу свободно
Явить перед тобой, как стражду безысходно,
Могу печальный вздох не подавлять в тиши,
Могу тебе раскрыть всю скорбь моей души.
Да, мой отец убит; Родриго дерзновенный
Омыл свой первый меч в его крови священной.
Пролейте, токи слез, над злейшей из кончин!
Увы! Моей души одна из половин
Другую сражена, и страшен долг, велевший,
Чтоб за погибшую я мстила уцелевшей.

Эльвира

Вам нужно отдохнуть.

Химена

Ах, где, с моей тоской,
Могла бы хоть на миг я обрести покой?
Что может облегчить мою печаль и муку,
Раз я виновную проклясть не в силах руку?
И что за бедствиям я обрекла себя,
Раз я должна карать, преступника любя?

Эльвира

Вы любите того, кто вам затмил полмира!

Химена

Ты говоришь — люблю; боготворю, Эльвира;
Страсть борется во мне с законною враждой;
Все так же дорог мне мой недруг молодой;
И хоть в моей душе есть гневное упорство,
Родриго в ней с отцом ведет единоборство:
Он ломит, он теснит, он гнется перед ним,
То яростен, то слаб, то вновь неодолим;
Но грозная борьба, и жгучая и злая,
Терзает сердце мне, души не разделяя;
И хоть моей любви могущественна власть,
Я без раздумия свою избрала часть:
Я неколеблемо спешу на голос чести.
Родриго дорог мне, я с ним душою вместе,
Я сердцем за него; но долг мне говорит:
Ты знаешь, чья ты дочь, и твой отец убит.

Эльвира

И вы хотите мстить?

Химена

Жестокое желанье!
К отмщенью правому жестокое призванье!
Кровавого суда мне страшно торжество:
В день казни я умру, и я гублю его!

Эльвира

Не множьте, госпожа, не множьте мук напрасных;
Не ставьте для себя законов столь ужасных.

Химена

Как! Мой отец убит, взывает к мщенью кровь,
И не откликнется дочерняя любовь?
Постыдно погрузясь в ласкающие грезы,
Я посвящу ему одни пустые слезы?
И вкрадчивой любви обманчивая лесть
В бесславной тишине мою задушит честь?

Эльвира

Поверьте, госпожа, вы угодите свету,
Умерив ненависть к любезному предмету,
Столь вас достойному; ваш долг уже свершен,
Король вас выслушал — и пусть рассудит он;
Нельзя упорствовать в ожесточенье нрава.

Химена

Мне нужно отомстить, моя задета слава;
И, как бы нам любовь ни обольщала слух,
Лукавству будет чужд благородный дух.

Эльвира

Ведь вы же любите Родриго, как любили?

Химена

Я в этом сознаюсь.

Эльвира

И что же вы решили?

Химена

Чтоб честь свою спасти и обрести покой,
Послать его на казнь и умереть самой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Родриго, Химена, Эльвира.

Дон Родриго

Разя виновного, не домогайтесь казни,
Но сами жизнь его прервите без боязни.

Химена

Эльвира, мыслимо ль? Нет сил перенести!
Родриго у меня! Родриго смел прийти!

Дон Родриго

Пролейте кровь мою; вкусите наслажденья
И гибели моей и вашего отмщенья.

Химена

Ах!

Дон Родриго

Выслушай меня.

Химена

Нет сил!

Дон Родриго

Единый миг...

Химена

Нет, дай мне умереть!

Дон Родриго

Лишь слово, сердца крик;
Потом ответ мечом, вручаемым любовью.

Химена

Который весь еще облит священной кровью!

Дон Родриго

Химена...

Х и м е н а

Убери чудовищный клинок!
В нем страшный для меня и гибельный упрек.

Д о н Р о д р и г о

Смотри бестрепетно, чтобы с судьбой не спорить,
Чтобы разжечь свой гнев и мой конец ускорить.

Х и м е н а

Ведь эта кровь — моя.

Д о н Р о д р и г о

Окрась его моей.
Ты этим истребишь последний след твоей.

Х и м е н а

Жестокий человек, отца мечом разящий,
И зрелищем меча дочь павшего казнящий!
Прочь, убери его, с ним я не вижу дня;
Ты просишь выслушать — и мучаешь меня.

Д о н Р о д р и г о

Я подчинюсь тебе, но мысли не покину
Принять из рук твоих желанную кончину;
Затем что даже страсть не может мне велеть
О мной содеянном бесславно пожалеть.
Непоправимый миг, рожденный жарким спором,
Похитил честь отца, меня покрыл позором.
Позор пощечины нельзя перенести;
Я тотчас должен был обидчика найти;
Я разыскал его, и кровь бесчестье смыла;
Я так бы сделал вновь, когда бы нужно было.
Но противу меня и моего отца
Мой пламень за тебя боролся до конца;
Суди, как он могуч: лишенный кровной чести,
Я мог раздумывать, свершать ли дело мести.
Колеблясь, что избрать — твой гнев или позор, —
Я думал, что мой меч, быть может, слишком скор,
Я обвинял себя в чрезмерном озлобленьи;
И красота твоя взяла бы верх в боренье,
Когда б я не отверг призыва милых чар,
Сказав, что низок тот, кто может снести удар,

Что та, кто доблестным меня привыкла видеть,
Уничужденного должна возненавидеть,
Что, уступив любви всеильному огню,
Я малодушием твой выбор оскверню.
Я это вновь скажу; и, не тая страданья,
Я до последнего готов твердить дыханья:
Обречь тебя тоске я должен был, любя,
Чтоб смыть с себя позор и заслужить тебя.
Но, заплатив сполна мой долг отцу и чести,
Я должен в свой черед стать жертвой правой мести:
Я здесь, и я тебе мою вручаю кровь.
Я выполнил свой долг и выполняю вновь,
Ты мертвого отца должна ответить кличу,
И я бы не посмел отнять твою добычу:
В крови убитого да будет распростёрт
Тот, кто ее пролил и этой мезтью горд.

Х и м е н а

Увы, хотя вражда нас развела далеко,
Родриго, я к тебе не обращаю упрека;
И, дань страдания плата моей судьбе,
Тебя я не виню, я плачу о себе.
Я знаю хорошо, что, если честь задета,
Бесстрашье требует достойного ответа;
То, что ты выполнил, был только долг прямой;
Но, выполнив его, ты мне открыл и мой.
Победа мрачная была твоя по праву:
Отмщая за отца, свою соблюл ты славу;
И я свой трудный долг исполню до конца:
Я славу соблюду, отмщая за отца.
Как я мучительно испытана судьбою!
Когда бы мой отец сражен был не тобою,
То в близости твоей я бы могла найти
Опору верную на горестном пути,
И я бы злой тоски не чувствовала жала,
Когда б твоя рука мне слезы осушала.
Но я, лишась отца, лишаясь и тебя,
Во имя гордости любимого губя;
И долга страшного убийственная сила
На гибель милого меня вооружила.
Затем что даже страсть не может мне велеть
Пред казнию твоей бесславно оробеть.

Хоть нежность за тебя восстать еще готова,
Я быть должна, как ты, бесстрашна и сурова:
Достойному меня долг повелел отмстить;
Достойная тебя должна тебя убить.

Дон Родриго

Тогда не медли же свершить веленье чести:
Я голову мою твоей вручаю мести;
Да будет суд ее безжалостен и скор;
Отраден твой удар, отраден приговор.
Призвать к возмездию неспешную расправу —
Замедлит казнь мою, твою замедлит славу.
Счастливой смерти миг своей рукой означь.

Химена

Я обвинитель твой, но я не твой палач.
Ты клонишь голову, но мне ль ее касаться?
Я обличать должна, ты должен защищаться;
Я казни требую, убийцу я виню,
Но я с тобой сужусь, а не сама казню.

Дон Родриго

Хоть нежность за меня восстать еще готова,
Ты быть должна, как я, бесстрашна и сурова;
А в отомщении заемною рукой
Суровости, поверь, не будет никакой;
Моя рука одна была защитой чести,
Твоя рука одна да служит делу мести.

Химена

Жестокий! Не терзай отмщающую дочь!
Ты мстил без помощи — и хочешь мне помочь!
Я поступлю, как ты, и в этой тяжбе правой
Я не намерена с тобой делиться славой
И в помощь не зову, мстя за родную кровь,
Твое отчаянье или твою любовь.

Дон Родриго

О, непреклонный дух! Ужели все старанья
Бессильны для меня добиться состраданья?

Во имя ли отца, во имя ли любви,
Отмсти иль пожалей, но жизнь мою прерви!
Пасть от твоей руки мне будет меньшей казнью,
Чем жить, казнимому твоею неприязнью.

Х и м е н а

Ах, нет ее во мне!

Д о н Р о д р и г о

Найди!

Х и м е н а

Я не могу.

Д о н Р о д р и г о

Что скажут о тебе, прощающей врагу?
На преступление ответствуя любовью,
Какие поводы ты подаешь злословью!
Заставь его молчать и, честь свою храня,
Не медли долее и умертви меня.

Х и м е н а

Еще почетнее тебя в живых оставить;
И должен злейший враг меня до звезд прославить,
О бедствиях моих сочувственно скорбя,
Узнав, что я люблю и не щажу тебя.
Уйди, моя печаль не в силах видеть доле
То, что я призвана утратить поневоле.
Но сумраком ночным окутай свой уход:
Пускай тебя никто не встретит у ворот.
Единственной из всех причиною злоречий
Могла бы послужить огласка нашей встречи.
Мое достоинство избавь от клеветы.

Д о н Р о д р и г о

Убей меня!

Х и м е н а

Уйди.

Д о н Р о д р и г о

Так что ж решила ты?

Х и м е н а

Хотя мой правый гнев смущаем так тревожно, —
Для мщенья за отца исполнить все, что можно;
Но я бы все-таки счастливою была,
Когда бы ничего исполнить не могла.

Д о н Р о д р и г о

О, дивная любовь!

Х и м е н а

О, страшный миг разлуки!

Д о н Р о д р и г о

Как много за отцов мы примем слез и муки!

Х и м е н а

Родриго, кто бы ждал?

Д о н Р о д р и г о

Химена, кто бы мог?

Х и м е н а

Чтоб радость всех надежд пресек столь горький рок!

Д о н Р о д р и г о

Чтоб возле пристани внезапное ненастье
Так неожиданно разбило наше счастье!

Х и м е н а

О, скорбь смертельная!

Д о н Р о д р и г о

О, тщетная печаль!

Х и м е н а

Уйди, ужели же меня тебе не жаль!

Д о н Р о д р и г о

Прощай; иду влачить плачевной жизни ношу,
Пока ее навек под топором не сброшу.

Х и м е н а

И если он падет, клянусь тебе, любя,
Ни мига не дышать на свете без тебя.
Теперь прощай; иди и скройся незаметно.

Э л ь в и р а

Когда нам кажется, что утешенье тщетно...

Х и м е н а

Ты докучаешь мне, уйди отсюда прочь;
Тоскующей нужны безмолвие и ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Дьего

Дон Дьего

Блаженства полного никто вкусить не может:
В счастливейшие дни нас что-нибудь тревожит,
Всегда волнение каких-нибудь забот
Довольству нашему дорогу перебьет
Я их невидимым отравлен уязвленьем:
Я полон радости — и мучусь опасеньем.
Я видел труп врага, отмщенный мой позор,
А руку мстителя не вижу до сих пор.
С напрасным рвением, свершая труд ненужный
Сную по городу, разбитый и недужный,
Остаток ветхих сил снедая до конца
В бесплодных поисках отважного бойца.
Повсюду в этой тьме, спустившейся на землю,
Стремясь его обнять, я только тень объеблю;
Любви, обманутой на всех ее путях,
Сомненья тайные внушают новый страх.
Того, чтоб он бежал, нет ни одной приметы;
Опасен графский дом и графские клеветы;
Их грозным множеством мой разум утрашен.
Родриго нет в живых, или в темнице он.
О небо правое! Ошибся я, как прежде,
Иль сбыться, наконец, дано моей надежде?
То он, сомненья нет; исполнилась мечта,
Боязнь рассеяна, и скорбь пережита.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Дьего, дон Родриго.

Дон Дьего

Родриго, наконец нам небо шлет свиданье!

Дон Родриго

Увы!

Дон Дьего

Не омрачай уныньем ликованье;
Дай мне почтить тебя высокою хвалою.
Ты доблести отца не посрамил былой,
Она живет в тебе, чья пламенная сила
Отвагу пращуров сегодня воскресила.
Мой род и я горды наследником таким:
Твой первый взмах меча был равен всем моим,
И молодость твоя, свершая подвиг правый,
В тяжелом искусе с моей сравнялась славой.
Опора дней моих, мне данная судьбой,
Коснись моих седин, отмщаемых тобой,
Своим лобзанием коснись моей ланиты,
Где багровел позор, твоим бесстрашьем смытый.

Дон Родриго

Честь подобает вам: я меньшего не мог;
Ваш сын и вскормленник, я выполнил урок.
И этим счастлив я и восхищен душою,
Что угодил отцу, впервые выйдя к бою.
Но если рады вы, дозволейте, в свой черед,
И мне не преграждать свободный чувствам ход:
Отчаянью души излиться дайте вольно;
Оно уже и так испытано довольно.
Я не жалею, нет, что принял этот бой;
Но возвратите мне утраченное мной.
Мой меч, отмщая вас, с моей любовью споря,
Лишил меня души в миг торжества и горя;
Не нужно больше слов. Расплата свершена.
Я отдал все. Мой долг я вам вернул сполна.

Дон Дьего

Не умаляй плодов победы величавой:
Тебе я жизнь дарил, а ты мне платишь славой;
И, так как слава мне дороже бытия,
Перед тобой, мой сын, в долгу отныне я.
Но к этим слабостям да будет сердце строго;
Честь у мужчин одна, возлюбленных так много!
Любовь забыть легко, но честь нельзя никак.

Дон Родриго

То, что сказали вы...

Дон Дьего

Ты должен знать и так.

Дон Родриго

Я сам себе отмстил, отмститель оскорбления;
А вы мне смеете внушать позор забвенья!
Бесчестье равное волочит за собой
Тот, кто предаст любовь и кто покинет бой.
Мне ль запятнать себя такой изменой темной?
Отважная душа не станет вероломной.
Священной верности ненарушим завет;
Я связан до конца, хотя надежды нет;
Не в силах ни забыть, ни возратить любимой,
Я только смерть зову, терзаньями томимый.

Дон Дьего

Звать добровольно смерть повремени пока:
Монарху и стране нужна твоя рука.
Флот мавров движется от устья, угрожая
Захватом города и разореньем края.
Он близится сюда; быть может, через час
Морской прилив и ночь домчат его до нас.
Смятенье во дворце, в народе страх великий;
Повсюду слезы льют, повсюду слышны крики.
Но, в этом бедствии, я, к радости моей,
Застал, придя домой, пятьсот моих друзей,
Которые, узнав обиду нашей чести,
Явились предложить свои мечи для мести.

Ты их опередил; но лезвия мечей
Кровь африканская окрасит горячей.
На голос доблести веди их за собою:
Их мужественный круг избрал тебя главою.
Врагам отечества достойный дай ответ;
И если ищешь смерть, то краше смерти нет;
Будь счастлив случаем, он сам тебе дается;
Пусть гибелью твоей твой властелин спасется;
Но лучше возвратись с увенчанным челом.
Ты показал себя, отмстив за отчий дом;
Достигни большего — и славой полководца
Принудь судью простить, Химену — не бороться,
Приди с победою — и ты, быть может, вновь,
И лишь таким путем, вернешь ее любовь.
Но время дорого, и нам его с тобою
Нельзя терять в речах; идем, готовься к бою;
Сразись и победи, монарху доказав,
Что ты заменишь все, чем был убитый граф.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Химена, Эльвира.

Химена

И это не обман, не ложный слух, Эльвира?

Эльвира

Его все в городе возносят, как кумира,
И до небес гремит всеобщая хвала
Бойцу, свершившему бессмертные дела.
Лишь посрамление враги его стяжали:
Напав стремительно, еще быстрее бежали.
И вот в его руках, когда взошла заря,
Победа полная и пленных два царя.
Испанский вождь склонил их головы под иго.

Химена

И эти чудеса свершил один Родриго?

Эльвира

Неволя двух царей — венец его трудам:
Он сам их победил и полонил их сам.

Химена

Но почему тебе так точно все известно?

Эльвира

Молва его хвалу разносит повсеместно:
Он — общей радости виновник и предмет,
Он — ангел, всю страну избавивший от бед.

Химена

А как взглянул король на подвиг этой ночи?

Эльвира

Родриго не дерзнул предстать ему пред очи;
От имени его ликующий отец
Венчанных пленников приводит во дворец,
У повелителя прося соизволенья
Дать доступ и тому, кто спас его владенья.

Химена

Но он не ранен ли?

Эльвира

Никто не говорил.
Но вы бледнеете! Вам нужно больше сил.

Химена

Мне нужно больше сил для праведного гнева:
Тревожиться о нем, как трепетная дева?
Ему поют хвалы — и голос мой умолк,
И честь покорствуует, и обессилен долг!
Молчи, моя любовь; пусть голос гнева грянет:
Он победил царей, но мой отец не встанет.
Печальный мой наряд, моих свидетель бед,
Был первым следствием Родриговых побед;
И, как бы ни был он велик в народном мненье,
Здесь все кругом твердит о страшном преступленьи.
Вы, памяти моей властительный укор,
Вуали, платья креп, торжественный убор,
В который он меня облек рукой кровавой,
Не дайте нежности возобладать над славой;
И, если снова верх возьмет моя любовь,
Вы мой печальный долг напомните мне вновь,
Служите мне щитом, нетленней адаманта.

Эльвира

Умерьте ваш порыв, сюда идет инфанта.

И н ф а н т а

Вчера ты этот долг венчала честью новой;
Твоя борьба с собой была такой суровой,
Такой возвышенной, что все вокруг тебя
Дивились доблестной, о любящей скорбя.
Но дружбы искренней ты выслушаешь мненье?

Х и м е н а

Вас не послушаться сочту за преступленье.

И н ф а н т а

То был твой долг вчера; сегодня он не тот.
Родриго нам теперь единственный оплот,
Надежда и любовь простых людей и знати,
Кастильи верный щит и ужас маврской рати.
Согласен сам король с народною молвой,
Что в образе его воскрес родитель твой;
Короче, говоря без лести и коварства,
В его гибели — гибель государства.
И ты решилась бы, свой защищая дом,
Отдать отечество на вражеский разгром?
За что нас подвергать ужасному удару,
И в чем преступны мы, чтоб несть такую кару?
Ты не обязана, конечно, взять в мужья
Того, к кому вражда оправдана твоя:
На это я сама взглянула бы с тревогой;
Лиши его любви, но жизнь его не трогай.

Х и м е н а

Так поступила бы другая, но не я;
Границ не ведает обязанность моя.
Пусть счастье мое доселе в нем едином,
Пусть он любим толпой, обласкан властелином,
Пусть чествуют его храбрейшие бойцы, —
Надгробный кипарис затмит его венцы.

И н ф а н т а

Не всякой доблести казалось бы по силам,
Отмщая за отца, забыть о сердце милком;

Но тот велик душой и доблестен вдвойне,
Кто кровной гордостью пожертвует стране.
Поверь, достаточно лишить его приязни;
Твой холод для него тяжеле всякой казни.
Помысли обо всех и сердце приневольт.
Да и какой ответ тебе бы дал король?

Х и м е н а

Он может отказать, но я молчать не вправе.

И н ф а н т а

И взвесь последствия, представь себе их въяве.
Прощай; наедине обдумай мой совет.

Х и м е н а

Раз мой отец убит, то выбора мне нет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Родриго,
дон Санчо.

Д о н Ф е р н а н д о

Наследник доблестный блистательного дома,
Чья слава искони отечеству знакома,
Потомок пращуров, испытанных борьбой,
С которыми тебя сравнивал твой первый бой,
За то, что ты свершил, награда невозможна;
Чтобы ее воздать, вся власть моя ничтожна.
От грозного врага избавить край родной,
Своей рукой в моей упрочить скипетр мой
И мавров разгромить, когда в ночную пору
Мы только начали готовиться к отпору, —
Все это подвиги высокие настоль,
Что отплатить тебе бессилен твой король.
Но я из рук врага тебе награду выдам.
Здесь пленные цари тебя называли Сидом;
А так как в их стране Сид значит господин,
Именоваться так достоин ты один.

Будь Сидом; этот звук да рушит все преграды,
Да будет он грозой Толедо и Гранады
И да являет всем, блюдушим мой закон,
Какою помощью тебе обязан трон.

Дон Родриго

Простите, государь, невольное смущенье.
Так мал поступок мой, о нем так лестно мнение,
Что я, поистине, краснея должен несть
Столь незаслуженно дарованную честь.
Вы можете владеть, как вашим достояньем,
И кровью жил моих и уст моих дыханьем;
Когда я ради вас навеки их отдам,
Я лишь исполню долг того, кто служит вам.

Дон Фернандо

Не все, кто служит мне и честно правит дело,
Свой исполняют долг так доблестно и смело;
И лишь тому, чей дух неустрашимей всех,
Такой невиданный сопутствует успех.
Позволь же мне хвалить пришедшего с победой
И правду мне о ней подробнее поведай.

Дон Родриго

Уже вы знаете, что в этот грозный час,
Который горожан смятением потряс,
К отцу пришли друзья, они ко мне воззвали,
И я, исполненный разлада и печали...
Простите, государь, мой дерзостный порыв:
Я действовал, у вас согласья не спросив;
Опасность близилась; отряд готов был к бою;
Явиться во дворец — играешь головою;
И я тогда решил: милей во много раз
Сложить ее в бою и умереть за вас.

Дон Фернандо

Вступаясь за отца, ты поспешил с расплатой;
Но мой спасенный край да будет твой ходатай;
Химене, жаждущей возмездия врагу,
Лишь состраданием ответить я могу.
Но продолжай.

Дон Родриго

Итак, я выступил с отрядом,
И каждый шел вперед с неустрашимым взглядом.
Нас двинулось пятьсот; но воинство росло,
И к берегу реки три тысячи пришло, —
Настолько, видя нас шагающими смело,
Ободрились и те, чье сердце оробело.
Две трети я тотчас попрятал по судам,
Которые, придя, мы увидали там;
Все прочие, — а к ним спешили подкрепленья, —
Теснились вокруг меня, горя от нетерпенья;
Я молвил; каждый лег и, притаясь, как тать,
Чудеснейшую ночь собрался коротать.
Я то же самое велел исполнить страже,
Чтоб выдумка моя сошла как можно глаже;
Причем я делал вид, что боевой приказ,
Который отдаю, я получил от вас.
И вот, при свете звезд, во мраке молчаливом,
Флот в тридцать парусов скользит с морским
приливом;

Он подымается по вздувшимся волнам,
И море и враги подходят ровень к нам.
Мы пропускаем их; вид города спокоен;
Вдоль стен и в гавани — хоть бы единый воин;
И так как между нас малейший шум заглох,
То мавры, думая застигнуть нас врасплох,
Бросают якоря, своей удаче рады,
И сходят на берег посреди засады.
Тогда мы все встаем и разом, в тот же миг,
Кидаем к небесам тысячеустый крик;
Те, что на кораблях, ответным вторят криком;
Враг видит их и нас и, в ужасе великом,
Не кончив высадки, бежит, своих топча;
Он ждет гибели, не обнажив меча.
Он вышел на грабеж — и повстречался
с боем;

На суше, на воде мы давим грозным строем
И вражескую кровь потоками струим,
Сметая беглецов стремлением своим.
Но вскоре их вожди смутившихся сплотили;

Они опомнились, они свой страх забыли;
Стыд быть убитыми, не попытав и сил,
Вернул их к мужеству и доблесть воскресил.
Они берут мечи и бьются, сдвинув брови,
В ужасном месиве своей и нашей крови;
И берег, и река, и мавританский флот —
Поля сплошной резни, где смерть свой
пир ведет.

О, сколько подвигов, о, сколько громкой славы
Безвестно поглотил той ночи мрак кровавый,
Где каждый был один своих свидетель дел,
Не в силах различить, чей жребий одолел!
Я всюду поспешал, бойцов одушевляя,
Одних кидая в бой, других обороняя,
Равнял пришедших вновь и вел их в свой черед,
И сам, вплоть до зари, не знал, каков исход.
Но вот уже рассвет над нашим счастьем блещет.
Мавр видит свой разгром, и грозный враг
трепещет;

Он видит — к нам спешит подмога свежих сил,
И смертным ужасом остужен бранный пыл.
Они бегут к судам, они секут канаты,
Вопят неистово, смятением объаты,
И шумным скопищем спешат отплыть скорей.
Не озабочены судьбой своих царей.
К чему взывает долг, от страха им невнятно:
Сюда их нес прилив, отлив несет обратно,
Меж тем как их цари, врубаясь в испанский
строй,

И с ними горсть людей не прекращают бой
И с жизнью дешево расстаться не согласны.
Я сдать их прошу; мои слова напрасны:
Они сражаются и слушать не хотят;
Но видя, что упал последний их солдат
И что они вдвоем в пустынном поле бьются,
Зовут начальника и тут же мне сдаются.
Я отсылаю к вам обоих храбрецов,
И бой кончается, затем что нет бойцов.
Так ваших подданных воинственное рвенье...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Родриго, дон Арнас,
дон Алонсо, дон Санчо.

Дон Алонсо

Химена, государь, пришла узнать решение.

Дон Фернандо

Какой досадный долг ниспослан мне судьбой!
Уйди, чтобы она не встретилась с тобой.
Взамен приветствия — внезапное изгнание;
Но дай король тебя обнимет на прощанье.

Дон Родриго уходит.

Дон Дьего

Она враждует с ним, в душе его любя.

Дон Фернандо

Я слышал и хочу проверить для себя.
Примите грустный вид.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Арнас, дон Санчо,
дон Алонсо, Химена, Эльвира.

Дон Фернандо

Химена, будьте рады;
Родриго избежал и кары и пощады;
И, отразив набег неверных мусульман,
Он умер здесь, меж нас, от понесенных ран;
Судилище небес само за вас вступилось.

(К дон Дьего.)

Какою бледностью лицо ее покрылось!

Дон Дьего

Ей дурно; от ланит отхлынувшая кровь
Прямую, государь, являет вам любовь.

Тайник ее души раскрылся перед вами,
И в нежном пламени вы убедились сами.

Х и м е н а

Родриго нет в живых?

Д о н Ф е р н а н д о

Нет, нет, он видит свет
И прежней страстию к возлюбленной согрет.
Смири живую боль сердечного участия.

Х и м е н а

Бывает обморок от боли и от счастья:
Избыток радости так нестерпим подчас,
Что, овладев душой, он изнуряет нас.

Д о н Ф е р н а н д о

Ты нас разубедить стараешься напрасно:
Твое страдание сказалось слишком ясно.

Х и м е н а

Ну что же, если я и это снести должна,
Скажу, что я была страданьем сражена:
Мне не хватило сил противиться удару.
От головы его смерть отвращала кару;
Ведь если б он погиб, израненный в бою,
То я бы не могла исполнить мести мою;
Мне оскорбителен конец столь величавый.
Мне смерть его нужна, но не в сиянье славы,
Не в блеске подвигов, чей неумолчен гром,
Не смерть воителя, а смерть под топором, —
За моего отца, а не за край родимый,
Чтоб он унес с собой позор неизгладимый.
Пасть за отечество — счастливая чреда:
Умерший доблестно бессмертен навсегда.
Я первая хвалой Родриго возвеличу:
Вам он вернул покой, а мне мою добычу.
Теперь, когда никто так не могуч, как он,
Когда он лаврами победы осенен,

Я смело говорю, что столь бесстрашный воин
За моего отца как жертва пасть достоин.
Увы, я призрачной мечтой обольщена!
Я знаю, я ничем Родриго не страшна:
Что могут, с ним в борьбе, беспомощные слезы?
Под вашей властью ему ничто угрозы;
Он всюду обретет защиту и покров;
Мне уготована судьба его врагов.
В их пролитой крови задохлось правосудье;
Оно в его руках — послушное орудье:
Законы презрены, и сочтено мудрей,
Чтоб я в триумфе шла меж пленных двух царей.

Д о н Ф е р н а н д о

Дитя мое, уйми чрезмерные порывы.
Нам должно взвесить все, когда мы справедливы:
Да, твой отец убит: но ссору начал он;
И беспристрастием мой приговор смягчен.
Не укоряй меня, как гневный обвинитель,
Не спорь с твоей душой: Родриго в ней властитель,
И втайне ты сама признательна судьбе,
Что сердцу милого я сохранил тебе.

Х и м е н а

Мне! Моего врага! Кого мой гнев бичует!
Кто моего отца убил и торжествует!
Моим ходатайствам такая здесь цена,
Что я же за отказ благодарить должна!
Когда вы слез моих уважить не хотите,
Дозвольте мне призвать оружие к защите;
Родриговым мечом обида свершена,
И точно так же я мечом отмстить должна.
Всем вашим рыцарям я громкий вызов кличу:
За эту голову даю себя в добычу;
Когда мой враг падет и примет казнь свою,
Я выйду за того, кто победит в бою.
Велите, государь, чтоб вызов был объявлен.

Д о н Ф е р н а н д о

Таким обычаем, хоть он давно уставлен,
Далеко не всегда карается вина,

И лучших воинов лишается страна;
Нередки случаи, когда исход сраженья
Порочит правоту во славу преступленья.
Того, кто нужен мне для долгих лет борьбы,
Я не могу обречь неверности судьбы;
И, в чем бы ни был он виновен перед нами,
Вина похищена бежавшими врагами.

Д о н Д ь е г о

Ужели, государь, низвергнуться должны
В угоду одному законы старины?
Что скажет ваш народ? Какой предлог злословью,
Когда он защищен монаршею любовью
И, этим пользуясь, не явится туда,
Где смерть для рыцаря заманчива всегда?
Подобной милостью он будет обесславлен;
От этого стыда он должен быть избавлен.
Граф хвастал дерзостью, мой сын ее пресек?
Пусть он живет и впредь как храбрый человек.

Д о н Ф е р н а н д о

Раз вы желаете, Родриго может биться.
Но вслед сраженному сто новых ополчится;
Награда такова, что, споря меж собой,
Все наши рыцари поднимутся на бой.
Нельзя участвовать в такой неравной доле:
Довольно, чтобы раз Родриго вышел в поле.
Химена, выбери защитника себе;
Но, выбрав, не ропщи и покорись судьбе.

Д о н Д ь е г о

Вот оправдание для тех, кто оробеет:
На этом поприще кто выступить посмеет?
Теперь, когда мой сын явил, кто он такой,
Кто не попятится перед его рукой?
Кто бросится в борьбу, откуда нет исхода?
Как имя смельчака, вернее — сумасброда?

Д о н С а н ч о

Откройте поприще: такой найдется враг;
Я — этот сумасброд, или, верней, смельчак.

(К Химене.)

Лишь как о милости я вас прошу об этом:
Вы помните, каким вы связаны обетом.

Дон Фернандо

Химена, вот боец. Решенье за тобой.

Химена

Я соблюду обет.

Дон Фернандо

Готовьтесь. Завтра бой.

Дон Дьего

К чему откладывать? Отсрочка — только бремя.
Кто сердцем мужествен, готов в любое время.

Дон Фернандо

Едва отбить врага — и драться в тот же час!

Дон Дьего

Родриго отдохнул, осведомляя вас.

Дон Фернандо

Пусть все же час-другой он проведет в покое.
Но, чтоб не видели примера в этом бое
И дабы показать, что мне кровавый спор
Немил и тягостен, ни сам я, ни мой двор
Своим присутствием его не удостоим.

(К дон Ариасу.)

Вы будете один судьей им обоим,
Следя, чтобы устав был соблюден вполне,
И победителя доставите ко мне.
Кто б ни был он, заклад не подлежит отмене:
Счастливого бойца я приведу к Химене,
И клятвой верности он будет награжден.

Химена

Вы слишком тягостный мне ставите закон!

Дон Фернандо

Ты ропщешь; но любовь охотно примет иго,
Когда с победою воротится Родриго.
Я этот приговор произношу как друг:
И, кто б ни победил, он будет твой супруг.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Родриго, Химена.

Химена

Родриго! Белым днем! Жестокая причуда!
Ты губишь честь мою; уйди, уйди отсюда.

Дон Родриго

Я должен умереть, и я решил прийти
Пред смертью вам сказать последнее прости.
Я связан верностью любви неколебимой
И, принимая смерть, даю ее любимой.

Химена

Ты должен умереть?

Дон Родриго

Настал счастливый час,
Когда я жизнь мою могу отдать за вас.

Химена

Ты должен умереть? Дон Санчо так ужасен,
Что и отпор ему бесцелен и напрасен?
Давно ли ты так слаб, давно ль так грозен он?
Родриго, идя в бой, заране обречен?
Тот, кем повержены и граф и мусульмане,
С дон Санчо идя в бой, отчаялся заране?
Так, значит, и в тебя вселяется боязнь?

Дон Родриго

Я не на бой иду, я принимаю казнь.
Я вами осужден, но вам я сердцем верен,
И я за жизнь мою бороться не намерен.
Я, как и прежде, храбр; но опускаю меч
И вам немилое не соглашусь беречь;
Уже и эта ночь была бы мне смертельной,
Когда б я битвою решал свой спор отдельный;
Но, защищая трон и родину мою,
Я изменил бы им, не победив в бою.
Поверьте, эта жизнь не столь презренна мною,
Чтоб гибель покупать бесчестною ценою.
Сегодня за себя ответственю я сам.
Я вами осужден, и вам я жизнь отдам.
Кто б ни был избранный для этой казни воин
(Ее из ваших рук принять я недостойн),
Я ограждать себя не стану в смертный час:
Я буду чтить того, кто борется за вас;
И, счастлив мыслию, что это вы разите,
Затем что к вашей он вооружен защите,
Я встречу радостно удар его клинка,
Который милая направила рука.

Химена

Когда печальный долг, чья горестная сила
Стать недругом твоим меня одушевила,
Велит твоей любви быть верной до конца
И меч не подымать на моего бойца,
То, в слепоте своей, подумай в час кровавый,
Что, жизнью жертвуя, ты жертвуешь и славой,
И, как ни светел блеск, каким ты окружен,
Узнав, что ты убит, сочтут, что ты сражен.
Ты честью дорожишь ревнивей, чем любовью,
Раз моего отца ты обагрился кровью
И навсегда отверг, свою же страсть казня,
Надежду милую приобрести меня.
И вдруг былая честь в таком пренебреженье,
Что ты, вступая в бой, идешь на поражение?
Как быстро отлетел твой мужественный пыл!
Куда девался он, и почему он был?
Чтоб оскорбить меня, твоей отваги стало;

А пред лицом других ее, как видно, мало?
И моему отцу не новый ли урон,
Что, победив его, ты будешь побежден?
Нет, смерти не ища, дай мне простор для мести
И, раз не хочешь жить, сражайся ради чести.

Дон Родриго

Убитый ваш отец и мавров смятый флот —
Для гордости моей достаточный оплот.
Не ей заботиться о чьей-либо защите:
Я смелостью своей всех смелых знаменитей,
Я это доказал, и знает целый свет,
Что блага для меня превыше чести нет.
О да, поверьте мне: явясь на суд кровавый,
Родриго может пасть, не умаляя славы,
Такой же доблестный, каким он был всегда,
Никем не превзойден и не приняв стыда.
И скажут лишь одно: «Он обожал Химену;
Он думал, что, живя, он совершит измену;
Он вольно поспешил к уделу своему,
Который милая готовила ему:
Он, не противясь, пал, ее казнимый мщеньем;
Ей в этом отказать он счел бы преступленьем.
Отмщая честь свою, он погубил любовь,
Отмщая милую, свою он отдал кровь,
Затем что он ценил, как лучшие в отчизне,
Превыше страсти честь и страсть превыше жизни».
Поэтому и смерть в сегодняшнем бою
Еще блистательней возвысит честь мою;
И скажут, мой конец почтив неотвратимый,
Что так еще никто не послужил любимой.

Химена

О, если над тобой так властен смерти зов,
Что жизнь свою и честь ты позабыть готов,
То вспомни нашу страсть, мой дорогой Родриго,
Сразись, чтоб на меня не пало это иго,
Борись, чтобы меня не отдали тому,
Кто отвратителен и сердцу и уму.
Сказать тебе еще? Как воин выйди в поле,
Чтоб я, безмолвствуя, в своей смирилась доле,
И, если ты любви не угасил огня,

Будь победителем и завоюй меня.
Прощай: мне совестно моей невольной речи.

Дон Родриго

С каким теперь врагом я не осилю встречи?
Сюда, наваррец, мавр, Кастилья, Арагон,
Все, кто в Испании бестрепетным рожден;
Спешите тучами, грозой объединенной.
На бой с десницею, так дивно вдохновенной,
С моей надеждою сразитесь все зараз;
Чтобы сломить ее, все будет мало вас.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

И н ф а н т а.

И н ф а н т а

Тебе ль покорствовать, блеск моего рожденья,
Жестокий к сердцу моему?
Тебе ль внимать, любовь, чьи нежные веленья
Противоборствуют надменному уму?
Принцесса бедная, кому
Повергнуть дань повиновенья?
Родриго, дум моих достоин ты один;
Ты доблестнее всех, но ты не царский сын.

Бездушная судьба, чье роковое слово
С мечтаньем разлучает честь!
Мое избрание ты судишь так сурово,
Что в страсти только скорбь мне суждено обрести.
О небо! Сколько перенести
Должна я сердцем быть готова,
Когда ему нельзя, терзаясь вновь и вновь,
Ни встретить милого, ни погасить любовь!

Нет, праздной робостью мой ум обеспокоен,
И мыслить я должна смелей:
Пусть от рождения мне царский сан присвоен, —
Родриго, я могу под властью жить твоей.
Ты, победивший двух царей,
Венца державного достоин,

И новый титул твой, непобедимый Сид,
О царственном твоём призванье говорит.
Меня достоин он, но он у ног Химены,
И в дар он мною принесен!
В их страсть и смерть отца не вносит перемены,
И мщение нехотя свершает свой закон.
Пусть перед ней преступен он, —
Меж нами будут те же стены,
И заповедь судьбы к несчастной так строга,
Что любят пламенно друг друга два врага.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

И н ф а н т а, Л е о н о р.

И н ф а н т а

Куда ты, Леонор?

Л е о н о р

Пред взоры королевны,
Так счастливо опять обретшей мир душевный.

И н ф а н т а

Как обрету я мир среди таких скорбей?

Л е о н о р

Живет надеждой страсть, но гибнет вместе с ней;
Родриго вас пленять уже не может боле.
Вы знаете, что он Хименой вызван в поле:
Падет ли он в бою, ее ль получит он, —
Надежда умерла, и дух ваш исцелен.

И н ф а н т а

Увы, далеко нет!

Л е о н о р

Не все ль мечтанья тщетны?

И н ф а н т а

Напротив, ни одни, как прежде, не запретны!
Когда у них в бою стоит такой заклад,

Я воспрепятствовать могу на всякий лад.
Любовь, виновница моих живых мучений,
Впускает любящим сто тысяч ухищрений.

Л е о н о р

На что надеяться, когда и смерть отца
Воспламенить враждой не может их сердца?
Ведь поведение Химены доказало,
Что ненависть над ней не властвует нимало.
Ей дозволяют бой, и тут же как бойца
Она согласна взять случайного юнца,
Чуждаясь помощи мечей неустрашимых,
Давно прославленных и всенародно чтимых;
Дон Санчо для нее удобен потому,
Что драться в первый раз приходится ему.
Ей нравится такой неискушенный воин;
Он славой небогат, и дух ее спокоен;
Легко понять, что ей, устроив этот бой,
Добиться хочется насилья над собой,
Украсить милого победой предрешенной
И право получить казаться примиренной.

И н ф а н т а

Я это чувствую, но в сердце не вольна
И юным рыцарем сама покорена.
На что решиться мне, любовнице несчастной?

Л е о н о р

Блюсти с достоинством ваш сан высоковластный.
Кому сужден король, той рыцарь не чета.

И н ф а н т а

Уже не к рыцарю летит моя мечта.
То не Родриго, нет, не наших слуг потомок;
Для сердца моего он по-иному громок:
То славный паладин, всех выше и храбрей,
Неустрашимый Сид, властитель двух царей.
Все ж я себя сломя: не в страхе осужденья,
Но чтобы не смущать столь верного служенья;
Хотя б, в угоду мне, вручили скиптр ему,
Я отданного мной обратно не возьму.

И так как в час суда он победит бесспорно,
Химене тот же дар я принесу повторно.
А ты, свидетель мой в мучительной борьбе,
Смотри, могу ль я быть верна сама себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Химена, Эльвира.

Химена

Как я измучена, Эльвира, как несчастна!
Не знаю, что желать, и над собой не властна:
В душевных помыслах — смятенье и разлад;
Я все мои мольбы сама зову назад.
Я двух соперников вооружила к бою,
Который только скорбь мне принесет с собою,
И, тот или другой сужден ему конец, —
Или мой друг убит, иль не отмщен отец.

Эльвира

В обоих случаях вам будет облегченье:
Или Родриго — ваш, иль вы свершили мщенье;
И, на весах судьбы куда ни ляжет груз,
Вас осеняет честь и брачный ждет союз.

Химена

Мучительный ярем иль горестное иго!
Союз с убийцею отца или Родриго!
Так или иначе, мне будет дан супруг,
Кровь, мне священную, еще не смывший с рук.
Так или иначе, страшна моя невзгода;
Я рада умереть, чтобы не знать исхода.
Вы, мщение, любовь, владеющие мной,
Мне вас не сладостно добыть такой ценой;
И ты, на жизнь мою наславший эти беды,
Окончи этот бой без чьей-либо победы,
Чтоб из соперников никто не одолел!

Эльвира

Вы просите себе безрадостный удел.
Не значит ли свой дух подвергнуть пытке новой —

Быть вновь обязанной будить закон суровый,
Возвышенной вражде вручая торжество,
И смерти требовать для друга своего?
Не лучше ли, чтоб он, своей могучей дланью,
Завоевав венец, принудил вас к молчанью?
Пусть боевой закон осилит вашу боль
И быть счастливою вам повелит король.

Х и м е н а

Ужели я склонюсь перед победой Сида?
Мой долг не так убог, не так мала обида;
Меня не устроят, смириться мне веля,
Ни боевой закон, ни воля короля.
Дон Санчо победить он, без сомненья, может,
Но гордости моей вовеки не низложит;
И, что бы властелин ни обещал ему,
Я тысячу врагов навстречу подыму.

Э л ь в и р а

Смотрите, небеса, в возмездье непреклонной,
Ей, наконец, и впрямь дозволят быть отмщенной!
Как! Вы откажетесь от счастья и тогда,
Когда вы можете умолкнуть без стыда?
Чего вы ищете, какой судьбы хотите?
Вы, смертью милого, отца не воскресите.
Иль новой горести потребна череда?
Нужна за скорбью скорбь и за бедой беда?
Нет, если разум ваш так прихотлив и мрачен,
То вы не стóбите того, кто вам назначен;
И правый гнев небес сразит его в борьбе,
Чтобы надменную дон Санчо взял себе.

Х и м е н а

Эльвира, я и так удручена страданьем;
Не умножай его зловещим предсказаньем.
Я никому из них достаться не хочу;
Но жажду счастья Родригову мечу.
Не то, чтоб стойкой быть мне не хватало силы;
Но, если он падет, меня возьмет немилый.
Повелевает страх желанью моему.
Что вижу? Горе мне! Увы, конец всему.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Санчо, Химена, Эльвира.

Дон Санчо

Мое оружие у ваших ног слагая...

Химена

Чтоб кровь передо мной дымилась дорогая?
И ты еще прийти осмелился сюда,
Ты, счастье мое отнявший навсегда?
Рыдай, моя любовь, забудь свой плен суровый:
Отец мой отомщен, ты можешь снять оковы.
Отныне честь моя навек вознесена,
Душа растерзана, и страсть моя вольна.

Дон Санчо

Когда спокойнее...

Химена

Молчи, злодей ужасный,
Чьей гнусною рукой убит герой прекрасный!
Ты взял предательством; не мог боец, как он,
Таким противником открыто быть сражен.
Уйди; ты видишь сам своей услуге цену:
Пытаясь защитить, ты умертвил Химену.

Дон Санчо

Вы мне не внемлете, но все же я прерву...

Химена

Ты хочешь, чтобы я внимала хвастовству,
А ты расписывал неспешно, речью важной
Его беду, мой грех и подвиг твой отважный?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Санчо,
дон Алонсо, Химена, Эльвира.

Химена

Позвольте, государь, открыться вам вполне
Во всем, что утаить так трудно было мне.

Вы знали — я люблю; но ради кровной чести
Главу любимого я обрекала мести.
Вы сами, государь, свидетелем тому,
Служила ль я любви, иль долгу моему.
Но вот Родриго пал, и недруг, полный гнева,
Теперь не более, чем горестная дева.
Я почерпала месть в отеческой крови,
А слезы отдаю тоскующей любви.
Дон Санчо, мститель мой, убил мою отраду,
И палачу души я отдана в награду!
О, если королю понятен скорбный стон,
Разружьте, государь, жестокий ваш закон;
За этот страшный бой пусть он получит в долю
Мое имущество и пусть вернет мне волю,
Чтоб я в святых стенах, до скорбного конца,
Могла оплакивать Родриго и отца.

Дон Дьего

Короче, государь, правдивыми словами
Она свою любовь признала перед вами.

Дон Фернандо

Утешься, дочь моя: твой верный друг живет.
Дон Санчо побежден и ложный дал отчет.

Дон Санчо

Ее ввело в обман чрезмерное волненье.
Я к ней пришел сказать, чем кончилось сраженье.
Ее возлюбленный, мой благородный враг,
Меч выбив у меня, сказал: «Пусть будет так;
Победного венца я лучше не надену,
Но не коснусь того, кто бьется за Химену.
Мой долг меня зовет явиться во дворец,
А перед нею ты предстань как мой гонец,
Сложи к ее ногам твой меч, даримый Сидом».
Я к ней пришел; она, обманутая видом
Меча в моих руках, на нем узрела кровь,
И тут внезапный гнев явил ее любовь
С таким неистовством, с таким негодованьем,
Что я не в силах был владеть ее вниманьем.
Но я, хоть побежден, скажу, что я счастлив,
И, сердце страстное забвеньем исцелив,

Я даже буду рад моей утрате вечной,
Дарящей торжество любви столь безупречной.

Д о н Ф е р н а н д о

Химена, не стыдись прекрасного огня
И не ищи путей разубедить меня.
Краснеть ни перед кем ты не имеешь права;
Твой долг исчерпан весь, твоя блистает слава;
И ты достаточно отмстила за отца,
В своей суровости не дрогнув до конца.
Ты видишь, небеса не так судили строго.
Помысли после них и о себе немного
И будь послушлива монарху и судьбе,
Супруга милого вручающим тебе.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Родриго,
дон Алонсо, дон Санчо, инфанта, Химена, Леонор,
Эльвира.

И н ф а н т а

Забудь, Химена, скорбь и, как залог покоя,
Прими из рук моих счастливого героя.

Д о н Р о д р и г о

Да будет, государь, благоугодно вам,
Чтоб в преданной любви я пал к ее ногам. —
Я прихожу сюда не за добычей бранной:
Я жизнь мою принес, как дар для вас желанный,
Наперекор любви защитой не избрав
Ни волю короля, ни боевой устав.
Когда свершенного для отчей тени мало,
Скажите, что свершить, чтоб мщенье замолчало:
Сразиться с тысячью и тысячью врагов,
Провести по всей земле бразды моих трудов,
Рассеять армию, взять лагерь голой шпагой,
Героев сказочных затмить своей отвагой?
И если этим смыть позволено вину,
То я готов на все, и я на все дерзну;
Но если и теперь неумолимой чести
Лишь смерть виновного достаточна для мести,

То более ничьих не требуйте услуг:
Я здесь, и гибели я жду от ваших рук;
Лишь вами должен быть сражен непобедимый,
Утештесь местию, для всех недостижимой.
Но этим правый гнев да будет утолен:
Меня забвением да не карает он;
И, так как смерть моя послужит вашей славе,
Жить в вашей памяти, мне кажется, я вправе,
Чтоб вы могли сказать, печальный взор склоняя:
«Он умер потому, что он любил меня».

Х и м е н а

Родриго, встань. Мой долг — пред королем сознаться,
Что от моих речей мне поздно отречься.
За многие черты Родриго я люблю;
Никто противиться не смеет королю;
И все ж, хоть мой удел предустановлен вами,
Ужели этот брак потерпите вы сами?
И, если от меня подобной жертвы ждут,
Допустит ли ее ваш справедливый суд?
За все, чем заслужен Родриго пред странюю,
Ужели следует расплачиваться мною
И обречь меня терзаньям без конца,
Что на твоих руках кровь моего отца?

Д о н Ф е р н а н д о

Течение времени не раз узаконяло
То, в чем преступное нам виделось начало.
Родриго победил, ты быть должна его.
И все ж, хоть он стяжал сегодня торжество,
Я не уважил бы твою, Химена, славу,
Вручив ему сейчас то, что его по праву.
Отложенный союз, однако, нерушим,
И, рано или нет, тебя он свяжет с ним.
Жди, если хочешь, год, чтоб осушились слезы. —
Родриго, а тебя вновь призывают грозы.
Осилив мусульман на наших берегах,
Разбив их замыслы, повергнув их во прах,
Ворвись в пределы их, боец всегда счастливый,
Ведя мои полки, опустошая нивы;
Враги не устоят при имени твоём
И Сида своего провозгласят царем.

Но верность не забудь для славы легкокрылой:
Вернись, коль можно быть, еще достойней милой;
Ты должен жребий свой так высоко вознесть,
Чтоб стать твоей женой она сочла за честь.

Дон Родриго

Для славы короля, для власти над любимой,
Чего я не свершу рукой неодолимой?
Вдали от милых глаз приговорен страдать,
Я счастлив, что могу надеяться и ждать.

Дон Фернандо

Надейся на себя, на царственное слово;
Химена сердце вновь отдать тебе готова,
А успокоить в ней неотжитую боль
Помогут смена дней, твой меч и твой король.

ГОРАЦИЙ

*Трагедия
в пяти действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ту л л, римский царь.

С т а р ы й Г о р а ц и й, благородный римлянин.

Г о р а ц и й, его сын.

К у р и а ц и й, альбанский дворянин,
возлюбленный Камиллы.

В а л е р и й, благородный римлянин, влюбленный
в Камиллу.

С а б и н а, жена Горация и сестра Куриация.

К а м и л л а, возлюбленная Куриация и сестра
Горация.

Ю л и я, благородная римлянка, наперсница
Сабины и Камиллы.

Ф л а в и а н, альбанский воин.

П р о к у л, римский воин.

*Действие происходит в Риме, в одном из покоев
дома Горация.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С а б и н а, Ю л и я.

С а б и н а

Увы! Слабеет дух, и скорби я полна:
Оправдана в таком несчастьи она.
Ведь нету мужества, которое без жалоб
Под веяньем грозы подобной устояло б,
И самый сильный дух, как бы он ни был строг,
Непоколебленным остаться бы не смог.
Измученной души не скроешь потрясения;
Но не хочу в слезах излить ее смятенье.
Да, сердцу не унять глухой тоски своей,
Но стойкость властвует: глаза покорны ей.
Над женской слабостью поднявшись хоть немного,
Мы жалобам предел наметим волей строгой.
Довольно мужества обрел наш слабый пол,
Когда мы слез не льем, сколь жребий ни тяжел.

Ю л и я

Довольно — для людей обыденных, быть может:
В любой опасности их смертный страх тревожит.
Но благородные не устают сердца —
И сомневаясь — ждать успешного конца.
Противники сошлись у городской твердыни,
Но поражения не ведал Рим доньше.

О нет, мы за него страшиться не должны.
К победе он готов, готовый для войны.
Ты ныне римлянка, отбрось же страх напрасный,
На доблесть римскую живя надеждой страстной.

С а б и н а

Гораций — римлянин. Увы, обычай прав.
Я стала римлянкой, его женою став.
Но мне б супружество жестоким рабством было,
Когда бы в Риме я о родине забыла.
О, Альба, где очам блеснул впервые свет!
Как нежно я ее любила с детских лет!
Теперь мы с ней в войне, и тяжки наши беды;
Но для меня разгром не тяжелей победы.
Пусть на тебя, о Рим, восстанет вражий меч,
Который ненависть во мне бы смог зажечь!
Но рать альбанская с твоей сразится ратью,
В одной из них мой муж, в другой родные братья, —
Посмею ли богам бессмертным докучать,
Преступно их моля тебе победу дать?
Я знаю: молода еще твоя держава,
И укрепит ее воинственная слава,
И ей высокий рок переступить велел
Латинской вотчины завещанный предел.
Судили боги нам: господство над вселенной
Ты утвердишь войной и доблестью военной,
И не скорбя, что твой богам послушный пыл
Тебя на гордый путь отныне устремил,
Хотела б видеть я, что вот непобедима
За Пиренеями и власть и сила Рима.
Пускай до Азии дойдут твои полки,
Пускай увидит Рейн их славные значки,
У скал Геракловых поставь предел походам —
Но город пощади, откуда Ромул родом:
Ты семени его царей обязан, Рим,
И мощью стен своих и именем своим.
Рожденный Альбою, ужель не понимаешь,
Что в сердце матери ты острый меч вонзаешь?
Иди в чужой земле разить и побеждать,
И счастьем сыновей возрадуется мать;
И если ты ее не оскорбишь враждою,
Она тебя поймет родительской душою.

Ю л и я

Мне странной кажется такая речь: с тех пор
Как с Альбою возник у Рима грозный спор,
О прежней родине ты вовсе не страдала,
Как будто римлянам родной по крови стала.
Ты ради милого в суровый этот час
От близких и родных как будто отреклась,
И я несу тебе такие утешенья,
Как если б только Рим сейчас имел значенье.

С а б и н а

Покуда слишком мал в сраженьях был урон,
Чтоб гибелью грозить одной из двух сторон,
Пока еще на мир надежда оставалась,
Я только римлянкой всегда себе казалась.
Досаду легкую, что счастлив Рим в борьбе,
Тотчас же подавить умела я в себе;
И если иногда в игре судеб случайной
Успехи родичей приветствовала тайно,
То, разум обрета, печалилась потом,
Что слава нас бежит и входит в отчий дом.
Теперь же близок час, назначенный судьбою:
Не Рим падет во прах, так Альбе стать рабою.
И нету за чертой сражений и побед
Преграды для одних, другим — надежды нет.
В безжалостной вражде была бы я с родными,
Когда бы в эти дни томила лишь о Риме,
Моля богов его прославить на войне
Ценою крови той, что драгоценна мне.
К чему стремится муж — меня тревожит мало:
Я не была за Рим, за Альбу не стояла,
Равно о них скорблю в борьбе последних дней,
Но буду лишь за тех отныне, кто слабей.
Когда же победят другие в ратном споре,
От славы отвернусь и буду там, где горе.
Среди жестоких бед, о сердце, уготовь
Победе — ненависть, поверженным — любовь.

Ю л и я

Поистине, всегда среди такой напасти
Несхожие кипят в несходных душах страсти!

Подобный твоему Камилле чужд разлад.
Твой брат — ее жених, а твой супруг — ей брат;
С той ратью — связь сердец, а с этой — связь по дому;
Задачу же она решила по-иному.
Ты душу римлянки возвысила в себе,
Ее ж — в сомнениях и внутренней борьбе
Страшили каждый бой и стычка небольшая;
Победы никому и славы не желая,
Она печалилась о тех, кто потерпел,
И вечная тоска была ее удел.
Но вот, когда она услышала, что скоро
Сражение закипит, исход решая спора,
Нечаянный восторг блеснул в ее очах...

С а б и н а

Столь резкий поворот во мне рождает страх!
С Валерием она приветлива чрезмерно
И брату моему теперь не будет верной;
Всем, что поблизости, легко увлечена,
О разлученном с ней не думает она.
Но родственной любви простительны волненья —
Забываясь лишь о нем, страшусь ее решенья,
Хоть истинных причин для опасений нет:
Любовью ли играть в часы жестоких бед,
Покорствовать мечтам изменчивым и праздным
И душу отдавать неведомым соблазнам?
Но быть, подобно ей, мы также не должны
И слишком веселы и чересчур нежны.

Ю л и я

Мне тоже и темно и непонятно это,
И на загадку я не нахожу ответа.
Довольно стойкости — предвидеть близкий гром
И ждать, чтоб он сразил, и не скорбеть о том.
Но радость проявлять — кому тогда под силу?

С а б и н а

Взгляни — к нам добрый дух привел сюда Камиллу!
Вы в дружбе: от тебя ей нечего таить, —
Ты убедишь ее свободно говорить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К а м и л л а, С а б и н а, Ю л и я.

С а б и н а

Останься с Юлией, Камилла. Не должна я
Смущать вас, мрачностью унылой докучая,
А душу, что больна от тысячи невзгод,
К уединению печальному влечет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К а м и л л а, Ю л и я.

К а м и л л а

Меня зовут сюда для дружеской беседы!
Да разве мне грозят не те же злые беды?
Да разве ныне я, чей жребий так суров,
Роняю меньше слез и меньше скорбных слов?
Такой же страх несет моей душе мученье;
Обоих лагерей мне горько поражение,
За честь своей страны мой друг падет в бою,
А если победит, то победит мою!
Одно лишь от меня жених получит милый:
Не злую ненависть, так слезы над могилой.

Ю л и я

Увы! Сабине мы всю жалость отдадим:
Возлюбленных — найдешь, супруг — незаменим.
Прими Валерия, как милого встречая, —
И с Альбой связь твоя порвется роковая,
Ты нашей целиком останешься тогда,
И горем для тебя не станет их беда.

К а м и л л а

Как за такой совет не брошу я укора?
Сочувствуй горестям, не требуя позора.
Хоть нету сил нести мне бремя мук моих,
Я предпочту терпеть, чем стать достойной их.

Ю л и я

Как! Называешь ты разумное постыдным?

К а м и л л а

А ты предательство считаешь безобидным?

Ю л и я

Когда пред нами враг — что может обязать?

К а м и л л а

Мы клятвой связаны — ее не развязать.

Ю л и я

Скрывать пытаешься, — но стоит ли усилий?
Ведь вы с Валерием еще вчера дружили
И разговор такой друг с другом повели,
Что в сердце у него надежды расцвели.

К а м и л л а

Я с ним была нежна, как с самым лучшим другом,
Не из любви к нему, не по его заслугам.
Веселья моего причиной был другой.
Прослушай, Юлия, рассказ подробный мой.
Куриаций мне жених и друг пред целым светом, —
Я не хочу прослыть изменницей обетам.
Когда сестру его Горацию вручил
Счастливый Гименей, он тоже полюбил,
И мой отец, к его влеченью благосклонный,
Пообещал отдать ему Камиллу в жены.
Тот день — не помню дня отрадней и мрачней, —
Два дома сочетав, поссорил двух царей,
Зажег пожар войны и факел Гименея,
Надежду пробудил и вмиг покончил с нею,
Блаженство посулил и отнял в тот же час,
И, наш скрепив союз, врагами сделал нас.
О, как же сердце нам терзали сожаленья!
Какие небесам он посылал хуленья!
И не было конца рыданиям моим:
Ты видела сама, как я прощалась с ним.
И с этих пор в душе, смятению подвластной,
Надеждою на мир любовь пылала страстно,
А слезы горькие струились из очей
О женихе моем, о родине моей.

И вот решила я под гнетом ожиданья
Оракулов узнать святые предсказанья.
Скажи мне, услышав полученный ответ, —
Должна ли я еще терзаться или нет?
Тот грек, вещающий на склонах Авентина,
Какие жребии готовит нам судьбина, —
Его ль не одарил правдивой речью бог? —
Стихами этими блаженство мне предрек:
«Пускай назавтра Рим и Альба ждут иного:
Врагам даруя мир, пробьет желанный час.
И ты с Куриацием соединишься снова,
Чтоб горькая судьба не разлучала вас».
В душе рассеялась малейшая тревога,
А прорицание сулило мне так много,
Что большей радости, без меры, без конца,
Счастливые в любви не ведали сердца.
С Валерием всегда мне тяжки были встречи;
Но тут я слушала взволнованные речи,
Докучные в устах того, кто нам не мил,
Совсем не думая, кто их произносил.
Валерий не ушел, презрением гонимый:
Во всем вокруг меня мне чудился любимый,
Все, что ни скажут мне — любимый говорит,
Что ни скажу сама — к любимому летит.
Сегодня — грозный день последнего сраженья,
Вчера я эту весть узнала без волненья,
Затем что разум мой, как в самый сладкий сон,
Был в мысли о любви и мире погружен.
Но сладостный обман развеян этой ночью:
Мне ужасы во сне предстали, как воочью;
Виденья — груды тел поверженных и кровь —
Веселье отняли и в страх повергли вновь.
И кровь и мертвецы — внезапно исчезая,
Мелькали призраки — рассеянная стая,
И лики без конца сменявшихся теней
От этой смутности казались мне страшней.

Ю л и я

Но сны толкуются всегда в обратном смысле.

К а м и л л а

Покой могу найти я только в этой мысли,

И все же новый день, прогнавший злые сны,
Не мирных день торжеств, а грозный день войны.

Ю л и я

Положит ей конец последнее сраженье.

К а м и л л а

Болезни тягостней такое излеченье!
Пусть Альба сражена, пускай повержен Рим —
Любимому, увы, уже не стать моим.
Супругом никогда не будет у Камиллы
Ни победитель наш, ни пленник римской силы.
Но кто сюда идет, но кто явился к нам?
Куриаций, это ты? Не верю я глазам!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Куриаций, Камилла, Юлия.

К у р и а ц и й

Не бойся: предстаю пред взорами Камиллы
Ни победителем, ни жертвой римской силы.
Не бойся: рук моих не сделали красней
Ни гордых римлян кровь, ни тяжесть их цепей.
Ведь были бы тебе равно невыносимы
И победитель ваш и жалкий пленник Рима.
И вот, страшась теперь малейших перемен,
Что принесли бы мне победу или плен...

К а м и л л а

Довольно, милый друг. Теперь мне все понятно:
От битвы ты бежал, как от судьбы превратной,
И сердце, до конца предавшееся мне,
Руке твоей не даст служить родной стране.
Другие стали бы тебя хулить наверно,
Твою любовь сочтя безумной и чрезмерной,
Но я, влюбленного не смея осудить,
За этот знак любви сильней должна любить.
Чем неоплатней долг перед страной родимой,
Чем большим жертвуешь, — тем ты верней любимой.
Скажи, ты виделся уже с моим отцом?
Скажи, он разрешил тебе войти в наш дом?

Ведь он сильней семьи державу Рима любит
И, Риму жертвуя, детей своих погубит!
Боюсь, упрочено ли счастье наше? Как
Ты принят был отцом — как зять, иль смертный враг?

К у р и а ц и й

Во мне приветствовал он будущего зятя,
Как родичу открыв отцовские объятия.
Но не изменником предстал я перед ним,
Чтоб осквернить ваш дом бесчестьем своим.
Как должно, до конца родному верен краю,
Камиллу я люблю, но чести не мараю.
Покуда шла война, я был среди своих
И добрый гражданин и любящий жених,
Отчизну и любовь я сочетать стремился,
Я о тебе мечтал, когда за Альбу бился.
И я готов еще, покорствуя судьбе,
Сражаться за нее, томиться по тебе.
Да, сколь ни сладостно желаний страстных пламя, —
Не прекратись война, я был бы там, с войсками;
Но, к счастью, это мир меня привел сюда,
Чтоб нас соединить, Камилла, навсегда.

К а м и л л а

О, как поверю я, что есть конец страданью?

Ю л и я

Камилла, ты должна поверить предсказанью.
Но как же было нам даровано судьбой,
Что мир принес тот час, который звал на бой?

К у р и а ц и й

Да, кто подумал бы? Уже, готовы к бою,
Двух станов воины, равно горя враждою,
Грозя очами шли и ждали, что взметнет
Их боевой призыв и устремит вперед, —
Когда альбанский вождь, не начиная дела,
У вашего царя вниманья просит смело
И, выйдя, говорит пред войском: «Что творим?
И для чего должны с тобой мы биться, Рим?
Пусть разум озарит наш дух, враждой смущенный,
Соседи! Дочерей мы вам давали в жены,

И мало ли теперь — союза нет тесней —
У вас племянников среди наших сыновей?
Народ один двумя владеет городами, —
Зачем усобицы возникли между нами?
Не долго ликовать тому, кто победит;
Разгром соперника бедой ему грозит.
Ведь наши недруги уже спешат по следу —
У победителя отнять его победу.
Он им достанется, лишенный прежних сил
И помощи от тех, кого он сокрушил.
Пусть распри наши их не радуют. Пора нам
Подняться против них, идя единым станом.
Пускай утихнет спор, что превратить готов
В преступных родичей столь доблестных бойцов.
И если в эти дни слепая жажда власти
Внушила вам и нам убийственные страсти,
Пусть, кровью малых жертв легко утолена,
Уже не разведет, а сблизит нас она.
Назначить надо нам на поединок славный
Борцов за честь страны и блеск ее державный.
Их смертная борьба решит судьбу сторон, —
И подчинятся те, кто будет побежден;
Но войску доблестных пускай в исходе боя
Не рабство предстоит, а подданство простое:
Без унижения они идти должны
За победителем в суровый час войны.
Да будут общими — держава, рать и знамя!»
Он смолк — и вот конец раздора между нами.
И каждый рад узнать — то не враги стоят
В рядах сомкнувшихся, — то шурин, друг и брат.
И странно каждому — его ли это руки
Друзьям и родичам сулили смерть и муки?
И всех о битве мысль ужасная гнетет,
И мирный все уже приветствуют исход.
Желанным каждому явилось предложение,
И принято теперь согласное решенье:
По трое с двух сторон сразятся за своих,
Вожди верховные должны назначить их:
Ваш царь пошел в сенат, наш вождь к себе в палатку.

К а м и л л а

О, как речам таким душа внимает сладко!

Куриаций

Теперь должно пройти не боле двух часов —
Решит судьбу племен судьба шести бойцов.
Пока же — полная свобода допустима:
Рим — в нашем лагере, а наши — в сердце Рима;
И все, стремясь забыть о распрях поскорей,
Спешат увидеть вновь родных или друзей.
Меня ж моя любовь сюда влечет, Камилла, —
В твой дом она вошла и сразу победила:
Отец твой обещал недавнему врагу,
Что завтра я тебя женой назвать смогу.
Тебе не тягостно отцовское желанье?

Камилла

Для дочери закон извечный — послушанье.

Куриаций

Иди же выслушать родительский приказ,
Чтоб стал еще светлей счастливый этот час.

Камилла

Да, я иду с тобой: пускай родные братья
Мне тоже подтвердят, что снято с нас проклятье.

Юлия

Ступайте же к отцу, а я пойду во храм
Смиренную хвалу воздать за вас богам.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гораций, Куриаций.

Куриаций

Конечно, гордый Рим в ином не сыщет месте
Сынов, которые такой достойны чести.
Три брата избраны, что доблестней других —
И ныне в вас обрел он трех бойцов своих.
Дерзает славный Рим, своей судьбой влекомый
Один лишь дом его встает на наши дома.
Вся доблесть римская досталась вам сейчас,
И Альбе кажется — нет римлян, кроме вас.
Могли бы три семьи гордиться величаво,
Увенчаны в веках непреходящей славой,
Но лишь одной семье — торжественная честь,
Что ныне трем могла бессмертие принести.
А если мне дано и страстью и судьбою,
К вам в дом введя сестру, от вас уйти с женою, —
Все, что связало нас и что должно связать,
За родичей меня заставит ликовать.
Но радости порыв неполон и непрочен;
Иными судьбами я горько озабочен:
Вы так прославлены все трое на войне,
Что в этот грозный час за Альбу страшно мне.
Раз вы идете в бой, победы ей не будет.

Вас отмечает рок и счастье вам присудит,
И вот, предчувствуя, сколь приговор суров,
Я данником себя уже считать готов.

Г о р а ц и й

За Альбу не страшась, жалеть о Риме надо:
Из римлян лучшие обойдены наградой.
Так много доблестных мечтали об одном,
Но худо выбрал Рим в пристрастье роковом.
Есть тысячи среди нас достойнейших, которых
Верней он мог избрать защитой в ратных спорах,
Но, пусть мне даже смерть назначена в бою, —
Я, полный гордости, хвалю судьбу свою.
Уверенность во мне отныне тверже стала,
И доблесть малая дерзнет свершить немало.
И что бы ни судил неотвратимый рок,
Я б данником себя сейчас признать не мог.
Я должен, выбором отмеченный неожиданным,
Победу одержать иль пасть на поле бранном.
А чтоб верней достичь победного венца,
Не думай ни о чем и бейся до конца.
Нет, не увидит Рим хозяев над собою,
Покуда я не пал, поверженный судьбою!

К у р и а ц и й

Увы! Меня ль тогда не следует жалеть?
Что нужно родине, то дружбе не стерпеть.
Вы одолеете — позор моей отчизне;
Она прославится — ценою ваших жизней.
Ведь всех ее надежд свершеньем стать бы мог
Лишь горький ваш конец, последний тяжкий вздох!
О, как мне избежать смертельного разлада,
Когда и тут и там скорбеть и плакать надо,
Когда и тут и там стремленья не вольны!

Г о р а ц и й

Что? Сожалеть о том, кто пал за честь страны?
Удел высоких душ — такой кончины слава,
И горевать о них мы не имеем права.
И я бы смерть в бою, приняв, благословлял,
Когда бы меньше Рим от этого терял.

Куриаций

Но близких и друзей пойми же опасенья,
Сейчас они одни достойны сожаленья:
Вам — слава навсегда, им — горестные дни,
Вас обесмертит то, о чем скорбят они.
А от потерь таких не заживает рана.
Но вижу я, ко мне прислали Флавиана.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гораций, Куриаций, Флавиан.

Куриаций

Что ж, Альба выбрала защитников своих?

Флавиан

Несу об этом весть.

Куриаций

Так назови же их.

Флавиан

Ты с братьями.

Куриаций

Кто?

Флавиан

Три навеки славных брата!

Но взгляд твой сумрачен, и губы крепко сжаты...
Ты недоволен?

Куриаций

Нет; меня смутила весть.

С моей ничтожностью несоразмерна честь.

Флавиан

Так что ж, диктатору я принесу известье
О том, что мало ты польщен высокой честью!
Я мрачности твоей холодной не пойму.

Куриаций

Ни дружба, ни любовь — ты передашь ему —
Трем Куриациям не помешают боле
На трех Горациев с мечами выйти в поле.

Флавиан

На них? Сказал мне все ответ короткий твой.

Куриаций

Вождю его неси и нас не беспокой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гораций, Куриаций.

Куриаций

Пускай же небеса, земля и силы ада
На нас обрушатся отныне без пощады,
Пусть люди, божества, и рок, и самый ад
Неотвратимым нас ударом поразят.
Пускай мы в эти дни добычей легкой будем
И року, и богам, и демонам, и людям,
Пускай же счета нет и бедам и скорбям —
Всего страшнее честь, оказанная нам.

Гораций

Судьбою нам дано высокое заданье,
И твердость наших душ взята на испытанье.
А беды эти рок поставил на пути,
Чтоб меру доблести могли мы превзойти.
В нас необычные провидя мощь и волю,
Нам необычную он предназначил долю.
Сражаться за своих и выходить на бой,
Когда твой смертный враг тебе совсем чужой —
Конечно, мужество, но мужество простое;
Нетрудно для него у нас найти героя:
Ведь за отечество так сладко умереть,
Что все конец такой согласны претерпеть.
Но смерть нести врагу за честь родного края,
В сопернике своем себя же узнавая,
Когда защитником противной стороны —
Жених родной сестры, любимый брат жены,

И в бой идти, скорбя, но восставая все же
На кровь, которая была своей дорожке, —
Такая доблесть нам недаром суждена:
Немногих обретет завистников она.
И мало есть людей, которые по праву
Столь совершенную искать могли бы славу.

К у р и а ц и й

Да, нашим именам вовек не отблестать,
И этот дар судьбы не должно отвергать.
Геройства редкого мы возжигаем свету,
Но в твердости твоей есть варварства приметы.
Кто б, самый доблестный, возликовал о том,
Что к славе он идет столь роковым путем?
Бессмертье сладостно в дыму ее чудесном,
Но я бы предпочел остаться неизвестным.
Во мне, ты видеть мог, сомнений также нет;
Не колебался я, когда давал ответ.
Ни дружба, ни родство, ни даже голос страсти
Ни в чем меня своей не подчинили власти.
Мне выбор показал, что Альбою ценим
Не меньше я, чем вас надменный ценит Рим.
Я буду ей служить, как ты — своей отчизне;
Я тверд, но не могу забыть любви и жизни.
Твой долг, я знаю, в том, чтоб жизнь мою пресечь,
А мой — вонзить в тебя неумолимый меч.
Готов жених сестры убить, как должен, брата
Во имя родины, но сердце скорбью сжато.
Исполнить страшный долг во мне достанет сил,
Но сердцу тягостно, и свет ему не мил.
Жалею сам себя и думать мне завидно
О тех, что смерть в бою прияли непостыдно,
Но если бы дано мне было выбирать,
Я, скорбной честью горд, не стал бы отступать.
Мне дружбы нашей жаль, хоть радуется награда.
А если большего величья Риму надо, —
То я не римлянин, и потому во мне
Все человеческое угасло не вполне.

Г о р а ц и й

Хоть ты не римлянин, но будь достойным Рима:
Пускай увидят все, что в стойкости равны мы.

Суровым мужеством я неизменно горд,
И слабости оно не терпит в том, кто тверд.
Нельзя готовому для подвига герою,
Вступив на славный путь, назад глядеть с тоскою.
Постигла нас теперь горчайшая из бед —
Все это вижу я, но страха в сердце нет.
Кого бы ни сразить за град родной и землю,
Я с радостью слепой такую честь приемлю,
И если дан тебе почетнейший приказ,
Все чувства прочие да сгинут в тот же час;
А тот, кто об ином раздумывает долго,
Не слишком ревностно идет путями долга.
Ничто в священный час не может нас связать;
Вот, Рим избрал меня, — о чем же размышлять?
Я, муж твоей сестры, теперь иду на брата,
Но гордой радостью душа моя объята.
Закончим разговор бесцельный и пустой:
Избранник Альбы, ты — отныне мне чужой.

Куриаций

А мне ты все же свой, — тем горше я страдаю,
Но мрачной доблести твоей не принимаю.
Как в наших бедствиях, достигнут в ней предел,
Я чту ее, но все ж она — не мой удел.

Гораций

Да, мужества искать не стоит против воли.
Когда отраднее тебе стенать от боли,
Что ж, облегчать ее ты можешь без стыда.
Вот и сестра моя рыдать идет сюда.
К Сабине мне пора — внушить супруге милой,
Чтоб запаслась она и твердостью и силой,
Чтоб не кляла тебя, коль я паду в борьбе,
И чувства римские хранила бы в себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Камилла, Гораций, Куриаций.

Гораций

Сестра, ты знаешь ли, какое порученье
Дано Куриацию?

К а м и л л а
О, новые мученья!

Г о р а ц и й

Достойной воина яви себя сестрой,
И если я умру, сражен его рукой,
Ты жениха встречай не как убийцу брата, —
Как мужа честного, что долг исполнил свято,
Что, родину свою столь доблестно любя,
Для всех героем стал и заслужил тебя,
И счастья вашего я, мертвый, не разрушу.
Но если из него мой меч исторгнет душу,
Победному венцу ты должное воздай, —
За гибель милого меня не упрекай.
Ты плачешь, грудь твою тоска сжимает властно;
Поддайся слабости, кляни в тревоге страстной
Богов, людей и рок, но, овладев собой
О павшем не тужи, когда решится бой.

(Куриацию.)

Останься с ней на миг, чтобы со мною вместе
Идти затем на зов неумолимой чести.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Куриаций, Камилла.

К а м и л л а

Любимый, эта честь ужель тебе нужна,
И счастья нашего ужель ценней она?

К у р и а ц и й

Чем бой ни кончится, но я умру, сраженный
Рукой Горация иль горем сокрушенный.
Как будто бы на казнь иду на подвиг я,
И ненавистна мне — увы! — судьба моя.
Я то в себе клянусь, что родина почтила.
До преступления доходит страсти сила:
Богов она винит, вступая в спор с судьбой.
Тебя мне жаль, себя — но я иду на бой.

К а м и л л а

Нет, удержать тебя должны мои рыдания!
А власть моя — ужель тебе не оправданье?
И прежней доблести достаточно твоей:
Ведь Альбе отдал ты все то, что должен ей.
Кто был в опасный час ей лучшею подмогой?
Никто у нас бойцов не истребил так много.
Славнее стать нельзя. Могуч, непобедим,
Доволен будь и дай прославиться другим.

К у р и а ц и й

Чтоб в этот день другой победоносный воин
Венчался лаврами, которых я достоин?
Чтоб я услышать мог от родины моей,
Что вот, не выйдя в бой, победы не дал ей?
И чтоб, не одолев любовную истому,
Свершатель гордых дел пришел к стыду такому?
Нет, Альба, связана со мной судьба твоя:
Падешь иль победишь — виновник буду я.
Меня почтила ты — тебе воздам я скоро:
Вернусь, так без стыда, погибну — без позора.

К а м и л л а

Ужель не видишь ты, что изменяешь мне?

К у р и а ц и й

Пусть верен я любви, — еще верней стране.

К а м и л л а

На брата своего ты поднимаешь руку;
Он муж твоей сестры!

К у р и а ц и й

Мы примем нашу муку.
Вся нежность отнята — о, жребий наш суров! —
У слов: сестра и брат, когда-то нежных слов.

К а м и л л а

Жестокий! Думаешь, Камиллы сердце радо
За голову его тебе служить наградой?

К у р и а ц и й

Отныне должен я об этом позабыть.
Надежду отменяю, я обречен любить.
Ты плачешь?

К а м и л л а

Ах, слезам противиться нет силы!
Ведь гибели моей бездушно хочет милый,
И брачный факел наш, едва он был зажжен,
Меня ввергая в ночь, жестоко тушит он;
В упорной слепоте свою невесту губит
И в грудь вонзает нож, еще твердя, что любит.

К у р и а ц и й

Слезам возлюбленной легко осилить нас;
Неотразим сквозь них огонь прекрасных глаз!
Над сердцем в этот миг так властны сожаленья,
И твердость восстает без воодушевления.
Не сокрушай, молю, страданием своим
Мой дух. Пускай оно умолкнет перед ним.
Слабеет мужество, и я его теряю,
Любимой верен я, себе же изменяю.
Ужели, с дружбою борьбой утомлено,
Любви и жалости не победит оно?
Но выход есть: тебя, любимая, обидеть,
Чтоб легче ты меня смогла возненавидеть, —
Тогда в борьбе с собой избегну лишних мук.
Знай, ты отвергнута, и я тебе не друг.
Отмсти обидчику за оскорбленье это.
Ужель он не найдет достойного ответа?
Тебе, отвергнутой, твой враг, как прежде, мил...
Скажи мне, кто тебя большее оскорбил?
О горе: мы должны идти на преступленье,
Чтоб наше мужество не ведало сомненья!

К а м и л л а

Не совершай греха иного, и тебя
За этот я прощу, сильнее еще любя.
Братоубийственной не похваляйся славой —
И дорог будешь мне, неверный и лукавый.
Зачем стране одной не служим я и ты?

Тебе готовила бы лавры и цветы,
В тебя вливала бы уверенность и силу,
С тобою говоря, как с братом говорила.
О, как такой слепой я нынче быть могла?
Моля ему побед, тебе желала зла!
Он возвращается. Ужель его супруга
Бессильна перед ним, как я пред волей друга?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гораций, Сабина, Куриций, Камилла.

Куриций

О боги, для чего Сабина с ним? Увы!
Невесте помогать сестру прислали вы,
Чтоб жалобы ее мой дух поколебали
И победить она могла в своей печали?

Сабина

Нет, брат мой, у тебя не стану на пути —
Хочу тебя обнять, сказав тебе «прости».
Ты — крови доблестной, и верь в нее спокойно;
Ты не свершишь того, что храбрых недостойно.
Когда бы дрогнуть мог теперь один из вас,
Я от супруга бы, от брата отреклась.
Но мужа славного, но брата дорогого
Лишь об одном просить и умолять готова:
Хочу я, чтоб не стал преступным этот бой,
Чтоб эта честь была и чистой и святой,
Чтобы ее пятнать не смело преступленье,
И вы врагами стать могли без сожаленья.
Лишь я виновница священных ваших уз.
Когда исчезну я, исчезнет ваш союз.
Как повелела честь, прервется связь меж вами,
И, чтобы ненависть вас сделала врагами,
Пусть горький мой конец сегодня все решит:
Того желает Рим, и Альба так велит.
Один меня убьет, другой, возжаждав мести,
Во гневе праведном придет на подвиг чести,
И меч поднимет он, оправданный вполне

Иль мезтью за сестру, иль скорбью о жене.
Но что я говорю! И так вы слишком правы:
Не должно замутнять высокой вашей славы.
Всю душу отдали вы родине своей.
Чем крепче ваша связь, тем с нею вы щедрей.
На алтаре страны заклать вам должно брата,
Не медлите, завет осуществляйте свято:
Сперва в его сестру вонзите острый меч,
Сперва его жену заставьте мертвой лечь, —
Начните же с меня, когда своей отчизне
Столь дорогие мне вы отдаете жизни.
В бою назначенном тебе противник — Рим,
Ты — Альбе смертный враг, а я обоим им.
Иль вы желаете, бездушны и суровы,
Чтоб я увидела, как тот венок лавровый,
Что принесет герой сестре или жене,
Дымится кровию, родной и близкой мне?
Как должное воздать и жертве и герою,
Быть нежною женой и любящей сестрою,
Живому радуясь, над умершим тужить?
Решенье лишь одно: нельзя Сабине жить.
Я смерть должна принять, чтоб не изведать муки:
Сама себя убью, коль слабы ваши руки.
Жестокие сердца! Что удержало вас?
Я своего добьюсь потом, коль не сейчас.
Едва сойдетесь вы с поднятыми мечами, —
Возжадав гибели, я брошусь между вами
Чтоб одного из вас упала голова,
Сабину поразить придется вам сперва.

Г о р а ц и й

Жена!

К у р и а ц и й

Сестра!

К а м и л л а

Смелей! Они должны смягчиться!

С а б и н а

Как! Вы вздыхаете? Бледнеют ваши лица?
Что испугало вас? И это — храбрецы,
Враждебных городов отважные бойцы?

Г о р а ц и й

Что я свершил, жена? Какие оскорбленья
Заставили тебя искать такого мщенья?
Чем провинился я? Кто право дал тебе
Мой дух испытывать в мучительной борьбе?
Ты удивить его и восхитить сумела;
Но дай мне завершить мое святое дело.
Ты мужа превзошла; но если он любим
Женою доблестной, не торжествуй над ним.
Уйди, я не хочу победы слишком спорной,
Что защищаюсь я — и то уже позорно.
Позволь мне умереть, как повелела честь.

С а б и н а

Не бойся, у тебя теперь защитник есть.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Старый Гораций, Гораций, Куриций, Сабина,
Камилла.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Как, дети? Чувства здесь возобладали властно,
И время подле жен вы тратите напрасно?
Готовясь кровь пролить, слезами омущены?
Нет, жен рыдающих оставить вы должны.
Вас жалобы смягчат и, нежностью лукавой
Лишивши мужества, толкнут на путь неправый.
Лишь бегство победит противников таких.

С а б и н а

Тебе они верны: не бойся же за них.
Как ни страдали здесь Камилла и Сабина,
Ты можешь чести ждать от зятя и от сына;
И если ропот наш отважных мог смягчить,
Сумеешь, верно, ты в них доблесть укрепить.
Не будем проливать напрасных слез, Камилла,
Пред этой твердостью ничтожна наша сила —
Лишь в безнадежности покой мы обретем.
Сражайтесь, хищники! От скорби мы умрем.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Старый Гораций, Гораций, Куриций.

Гораций

Отец, не уступай неистовству такому,
И жен, молю тебя, не выпускай из дому.
Слезами, воплями их горькая любовь
Да не смущает нас, когда польется кровь.
Так наша связь тесна, что можно без сомненья
В постыдном сговоре нам бросить обвиненье;
Но дорого бы честь избранья обошлась,
Когда бы в низости подозревали нас.

Старый Гораций

Все сделаю, мой сын. Ступайте к братьям, дети,
И знайте: есть у вас один лишь долг на свете.

Куриций

Как я с тобой прошусь, и что могу сказать...

Старый Гораций

Не надо чувств моих отцовских пробуждать!
Мне не хватает слов тебе внушить отвагу.
Я в помыслах нетверд, и ощущаю влагу
На старческих глазах, и сам рыдать готов.
Боец! Исполни долг и жди суда богов.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С а б и н а.

С а б и н а

Так чем должна я стать, убита долей злою?
Горацию женой? Курициям сestroю?
Принять решение отныне надо мне
И твердо быть на той иль этой стороне.
Что ж изберет душа, унынием объята?
Кого назвать врагом — супруга или брата?
Страсть к одному влечет, с другим — связует кровь,
К обоим властная живет во мне любовь.
Нет, с ними в доблести мне следует сравняться —
И этому женой и тем сестрой остаться,
Всегда твердить себе: их честь — ценней всего,
И не пристало мне страшиться ничего.
Когда падут они, то смертью столь прекрасной,
Что ныне весть о ней не может быть ужасной,
Покорствуя судьбе, я знать одно должна:
Не кто принес им смерть, а лишь — за что она.
Приму вернувшихся, горда победной славой,
Что родичам несет их подвиг величавый,
Не думая о том, ценою крови чьей
Так высоко вознес он доблестных мужей.
С любой из двух семей торжествовать должна я, —
В одной из них жена, в другой же дочь родная

С любой столь прочная меня связала нить,
Что только близкий мне и может победить.
Какое б горе мне судьба ни слала злобно,
В нем радость обрести я все-таки способна,
И видеть прозный бой, не утрашась его,
Смерть — без отчаянья, без гнева — торжество.
О обольщения, о сладкие обманы,
Огнем нечаянным, мерцавшим из тумана,
Надежду тщетную вы в сердце мне зажгли,
Но сразу он померк, мгновенно вы прошли!
Как молнии, во тьме внезапно пламенея,
Мелькнут, чтоб стала ночь потом еще темнее,
Мне в очи брызнули вы трепетным огнем,
Чтоб гуще и мрачней нависла тьма кругом.
Вы облегчили мне страданье и тревоги, —
Теперь пора платить: ревнивы наши боги,
И сердце скорбное удары поразят,
Которыми сражен супруг мой или брат.
О смерти их скорбя, я думаю с тоскою,
Не — для чего он пал, но — чьей сражен рукою.
И в мыслях о венце прославленных мужей
Страдаю об одном — ценою крови чьей?
С семьею павшего рыдать теперь должна я, —
В одной из них жена, в другой же дочь родная.
И так связует кровь, и так связал закон,
Что только близкий мне и будет побежден.
Вот вожделенный мир! Его я так желала —
И сила вышняя моления услышала.
Как беспощаден ты во гневе, прозный бог,
Когда, и милости даруя, столь жесток!
И как безжалостно караешь преступленье,
Когда к невинному не знаешь сожаленья!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С а б и н а, Ю л и я.

С а б и н а

Свершилось, Юлия? Так что же мне прозит?
Сражен мой милый брат? Любимый муж убит?
Иль, обе стороны победой удостоив,
Преступные мечи заклали всех героев,

Чтоб я в отчаянье не проклинала тех,
Кто победил в бою, а хоронила всех?

Ю л и я

Того не знаешь ты, что всем известно стало?

С а б и н а

Дивиться этому не следует нимало:
Ведь мне с Камиллою — забыла ты о том? —
На время битвы стал тюрьмою этот дом.
Нас держат взаперти: не то, в тоске о братьях
И о возлюбленных, мы бросимся разнять их,
Поставить и любовь и скорбь на их пути,
Чтоб жалость в лагерях обоих обрести.

Ю л и я

Ни слез для этого не нужно, ни объятий:
Один их вид смутил враждующие рати.
Едва пройти вперед успели шесть бойцов,
Как ропот пробежал вдоль сомкнутых рядов.
Увидев, что друзья, что родичи готовы
Нести друг другу смерть, храня завет суровый, —
Тот состраданием, тот ужасом объят,
А эти славят их, безумствуют, кричат,
Кто восхищается столь яростным усердьем,
Кто дерзостно зовет его жестокосердьем, —
Но все в конце концов согласны меж собой,
Когда хулят вождей за выбор роковой
И, возмущенные столь нечестивым боем,
Бросаются вперед, не дав сойтись героям...

С а б и н а

Какую вам хвалу, бессмертные, воздать!

Ю л и я

Не рано ли еще, Сабина, ликовать?
Надежда ожила, слабеют опасенья,
Но есть еще, увы, причины для волненья.
Как ни стараются беду предотвратить, —
Безумцев доблестных, увы, не убедить.

Им драгоценна честь высокого избрания,
Честолюбивые ласкают из мечтанья.
Мы все за них скорбим; но, гордости полны,
Подобной жалостью они оскорблены.
Смятение в войсках на них пятном ложится,
С той ратью и с другой они готовы биться,
И смерть от рук друзей им легче перенести,
Чем уступить сейчас, отвергнув эту честь.

С а б и н а

Как? Этих душ стальных упорство безнадежно?

Ю л и я

Да, но войска шумят и требуют мятежно
Вести на битву всех иль, вверившись богам,
Вручить судьбу опять шести другим бойцам.
Вождей своих они почти не замечают,
Речей не слушают, приказам не внимают,
В смущенье царь. Едва надеясь на успех,
«Раздор, — он говорит, — лишил рассудка всех.
Так спросим же богов. Их милости священной
Мы угодить могли б рещенья переменой?
И кто осмелится восстать, когда о том
По внутренностям жертв смиренно мы прочтем?»
Он смолк. Его слова простые чудотворны:
Им даже шестеро избранников покорны.
Стремленье к подвигу, что ослепляло их,
Как ни неистово, но чтит богов благих.
Почтенье ли к нему, иль страх перед богами, —
Смирил совет царя порывов гордых пламя,
И ратям речь его звучала как закон,
Как будто он уже владыка двух племен.
Решит же суд богов и жертвоприношенье.

С а б и н а

Богам не может быть угодно преступленье.
На них надеюсь я: уже отложен бой,
И не изменит нам их промысел благой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К а м и л л а, С а б и н а, Ю л и я.

С а б и н а

Отрадной новостью хочу я поделиться.

К а м и л л а

Ее, мне кажется, я слышала, сестрица.
Когда пришли к отцу, я находилась там.
Но что хорошего она приносит нам?
Отсрочена беда — потом сильнее страдания,
Томительнее страх и муки ожидания.
И только одного теперь мы вправе ждать:
Что позже час придет над павшими рыдать.

С а б и н а

Но в ратях правый гнев зажжен веленьем божьим!

К а м и л л а

Богов, по-моему, напрасно мы тревожим.
Ведь выбор горестный был ими же внушен,
И не всегда народ богами вдохновлен.
Не снисходя к толпе, им подобает боле
Владык одушевлять своей священной волей:
Неоспоримые земных царей права,
Их власть разумная — лишь отблеск божества.

Ю л и я

Чем обрекать себя на тщетные мученья,
Читай в оракулах небесные решенья.
Ведь если от судьбы ты доброго не ждешь,
Ответ того жреца — тебе обман и ложь.

К а м и л л а

Слова оракула всегда, увы, невнятны;
Чем кажутся ясней, тем менее понятны;
Когда же думаешь, что в них загадки нет, —
Еще таинственней обманчивый ответ.

С а б и н а

Нет, верить мы должны, хотя бы лишь отчасти.
Пускай надежды нас терзают, как напасти.
Когда хоть слабый луч сошел от вышних сил,
Кто милости не ждет — ее не заслужил.
Для благости богов помеха роковая,
Он отвратит ее, заране отвергая.

К а м и л л а

Помимо нас, увы, решают небеса,
И наши жалкие бессильны голоса.

Ю л и я

Вас боги ввергли в страх, но сжалятся над вами.
Прощайте, я пойду за новыми вестями.
Не лейте слез. Когда я вас увижу вновь, —
Наверно принесу и радость и любовь,
И весь остаток дня пройдет, под знаком мира,
В приготовлениях для свадебного пира.

С а б и н а

Надежду я храню.

К а м и л л а

Во мне она мертва.

Ю л и я

Сама признаешь ты, что я была права.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С а б и н а, К а м и л л а.

С а б и н а

И от меня, сестра, прими упрек нестрогий:
Не слишком ли теперь ты поддалась тревоге?
А если бы твоей была судьба моя.
И ты терзалась бы, как нынче мучусь я?
А если б ты ждала, над самой бездной стоя,
Таких же бед, как я, от рокового боя?

К а м и л л а

Должна бы ты сама о них судить трезвей:
Чужая боль не то, что боль души своей.
В назначенное мне по вышнему велению
Вглядишься — и твой удел предстанет легкой тенью.
Лишь участь милого должна тебя смущать:
Не можем братьев мы к супругу приравнять.
Нас вводят в новый дом законы Гименея,
И с отчим домом связь становится слабее.
По-разному теперь и думаешь о них,
А мужа полюбив, забудешь о родных.
Но если милого отец признал, как зятя, —
Хотя не муж, для нас не меньше он, чем братья.
И их попрежнему мы любим, и его,
Но предпочесть — увы! — не в силах никого.
Сабина, можешь ты, и мучась и страдая,
Лишь одного хотеть, о прочем забывая,
Но если вышний суд угрозы не смягчит,
Мне нечего желать, и все меня страшит.

С а б и н а

Так рассуждать нельзя. Судьба для всех сурова:
Один ведь должен пасть — и от руки другого.
Хотя по-разному мы думаем о них,
К супругу уходя, нельзя забыть родных.
Не всё вольны стереть заветы Гименея,
И мужа любим мы, о родичах жалея.
Природа властвует над нами с детских лет,
И близким по крови ни в ком замены нет.
И муж и родичи — душа твоя и тело.
Все горести равны, достигшие предела.
Но суженый, по ком ты нынче без ума, —
Он для тебя лишь то, что ты творишь сама.
Причуды ревности, дурное настроенье —
И часто он забыт, забыт в одно мгновенье.
Рассудку не трудней влеченье побороть,
Но связи вечные — родная кровь и плоть.
Того, что скреплено обдуманном союзом,
Нельзя предпочитать родства священным узам,
И если вышний суд решения не смягчит,
Мне нечего желать, и все меня страшит.

А ты — тебе дано, и мучась и страдая,
Лишь одного хотеть, о прочем забывая.

К а м и л л а

Поистине, тебе не волновало кровь
Пустое для тебя и чуждое — любовь.
Сначала в силах мы сопротивляться страсти,
Пока она своей не показала власти,
Покуда наш отец, ее впустивши в дом,
Не сделал дерзкого захватчика царем.
Приходит — кроткая, царит же — как тиранка.
Но раз твоей душе понравилась приманка,
Преодолеть любовь душа уж не вольна
И хочет лишь того, что повелит она.
Мы крепко скованы, но сладкими цепями.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Старый Гораций, Сабина, Камилла.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Я прихожу сюда с недобрыми вестями,
О дочери мои! Но незачем скрывать
То, что вы можете от каждого узнать.
Свершился суд богов, и бьются ваши братья.

С а б и н а

Да, не таких вестей могла бы ожидать я,
Казалось мне всегда, что приговор богов
И справедливей к нам и менее суров.
Не утешай же нас. Так тягостно несчастье,
Что жалки все слова и ни к чему участие.
С мученьями теперь покончить мы вольны,
А смерти жаждущим несчастья не страшны.
Легко могли бы мы, храня на людях гордость,
Свое отчаянье изобразить как твердость.
Но если слабыми сейчас не стыдно быть,
К чему же пред людьми храбриться и хитрить?
Мужчинам свойственно подобное искусство,
А мы — на женские мы притязаем чувства,
Не требуя, чтоб дух, приученный к борьбе,
Подобно слабым, нам, укоры слал судьбе.

Встречай же, не дрожа, губительные грозы,
И слез не проливай, на наши глядя слезы.
Ну словом, я молю — в жестокий этот час
Храни свой гордый дух, не осуждая нас.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Слезам и жалобам не нахожу упрека,
Ведь я с самим собой боролся так жестоко,
Что, может быть, теперь не смог бы устоять,
Когда бы столько же страшился потерять.
Врагами для меня твои не стали братья.
Как прежде, всем троим готов раскрыть объятия;
Но с дружбой не сравнить ни страстную любовь,
Ни ту, что вызывать должна родная кровь.
Мне не дано познать тоску, что истомила
Сабину — о родных, о женихе — Камиллу.
Я видеть в них могу врагов страны моей
И полностью стоять за милых сыновей.
Хвала благим богам, они достойны Рима,
И их избрание для всех неоспоримо;
А жалость отменя, что устремлялась к ним,
Они вдвойне себя прославили и Рим.
Да, если б, духом пав, ее они искали
Иль уступили ей и отвергать не стали,
То от моей руки на них бы пала месть
За рода моего поруганную честь.
Но раз, не внемля им, других избрать хотели,
Я к той же, что и вы, тогда склонялся цели,
И если б до богов донесся голос мой,
Других бы доблестных послала Альба в бой,
Чтоб, кровью братскою не оскверняя славу,
Стяжали торжество Горации по праву
И чтобы не в таком несправедном бою
Теперь родимый град обрел судьбу свою.
Но нет! Бессмертные судили по-иному.
Мой дух покорствуется решению святому,
И жертвы он готов любые принести
И в счастье родины блаженство обрести.
Мужайтесь же, как я — не так вам будет больно.
Вы обе римлянки — и этого довольно.
Ты — стала римлянкой, ты — остаешься ей,
И нету имени почетней и славней.

Оно по всей земле от края и до края
Пройдет как божий пром, народы утрашая,
Чтоб утвердить везде единый свой закон
И высшей честью стать царям чужих племен.
Энею было так обещано богами.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Старый Гораций, Сабина, Камилла, Юлия.

Старый Гораций

Ты, Юлия, пришла с победными вестями?

Юлия

Нет, горестен исход сраженья для страны,
И сыновья твои, — увы! — побеждены.
Из трех остался жив один супруг Сабины.

Старый Гораций

О, роковой исход, о, горькая судьбина!
Отныне Альбе град родимый подчинен.
А родине своей не отдал жизни он?
О нет, не истину узнала ты о бое,
И Рим не побежден, иль сражены все трое.
Я знаю кровь мою, она свой долг блюдет.

Юлия

Глядели с наших стен и я и весь народ.
Мы восхищались им. Когда же братья пали
И против одного сражаться трое стали,
Он бросился бежать, чтобы спастись от них.

Старый Гораций

И римляне его оставили в живых?
Предателя они прикрыли отступленьем?

Юлия

Я видеть не смогла разпрома довершеньем.

К а м и л л а

О, братья!

С т а р ы й Г о р а ц и й

Не о всех печалиться тебе:
Двух доблестных сынов завидую судьбе.
Да будет лаврами покрыта их могила.
Меня же слава их с упратой примирила.
За верность добрую сынам дано моим —
Пока дышать могли, свободным видеть Рим,
Лишь римскому царю, как должно, подчиненным,
Но не чужим вождям и не чужим законам.
Оплакивай того, кто горестным стыдом,
Неискупаемым, покрыл наш гордый дом.
Оплакивай позор Горациева рода:
Нам не стереть его из памяти народа.

Ю л и я

Но что же должен был он сделать?

С т а р ы й Г о р а ц и й

Умереть,
Иль в дерзновении предсмертном — одолеть.
Он мог жестокое отсрочить поражение,
Беду отечества, — хоть на одно мгновенье,
И смертью доблестной со славой павший сын
Не опозорил бы родительских седин.
Та кровь, что в час нужды не отдана отчизне,
Позорное пятно на всей прядущей жизни,
И каждый лишний миг, что он еще живет,
Его и мой позор пред всеми выдает.
Суровое мое решенье непреклонно:
Старинным правом я воспользуюсь законом,
Чтоб увидали все, как власть и гнев отца
За трусость жалкую карают беглеца.

С а б и н а

Молю тебя, отец, во гневе благородном,
Несчастье общее не делай безысходным.

Старый Гораций

Да, сердцу твоему утешиться легко.
Ведь ранено оно не слишком глубоко,
И павшего на нас избегла ты проклятья:
Судьбой пощажены и твой супруг и братья.
Мы подданные — да, но града твоего,
И муж твой предал нас, но братьям — торжество.
И, видя славы их высокое сиянье,
Стыду Горациев не даришь ты вниманья.
Но так любим тобой преступный твой супруг,
Что не избежнешь ты таких же слез и мук.
Не думай страстными спасти его слезами.
Еще до вечера — я в том клянусь богами —
Рука, рука моя, свершая приговор,
И кровь его прольет и смоев наш позор.

С а б и н а

Скорей за ним! Ведь он сейчас на все способен.
Неужто лик судьбы всегда жесток и злобен?
Зачем должны мы ждать лишь горя и тоски
И вечно трепетать родительской руки?!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старый Гораций, Камилла.

Старый Гораций

В защиту подлого твои напрасны речи.
Пусть, от врага бежав, с отцом страшится встречи.
Хоть жизнь ему мила, но он ее не спас,
Когда не поспешил с отцовских скрыться глаз.
Пушкой жена его заботится об этом.
Я ж небесами вновь клянусь пред целым светом...

Камилла

Смягчись, отец, смягчись. Ведь так неумолим
Не будет к беглецу и побежденный Рим.
Простит великий град и в самом тяжком горе
Того, кто одолеть не смог в неравном споре.

Старый Гораций

Что мне до этого? Пусть римляне простят —
Заветы старины иное мне велят.
Я знаю путь того, кто стал по праву славным:
Непобежденный, он падет в бою неравном;
И мужеская мощь, бесстрашна и тверда,
Хоть сокрушенная, не сдастся никогда.
Молчи. Я знать хочу, зачем пришел Валерий.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Старый Гораций, Валерий, Камилла.

Валерий

Отцу, скорбящему о тягостной потере,
Царь утешенья шлет...

Старый Гораций

Не стоит продолжать,
И незачем меня, Валерий, утешать.
Двух сыновей война скосила слишком скоро,
Но мертвые, они не ведают позора.
Когда за родину дано погибнуть им,
Я рад.

Валерий

Но третий сын — кому сравниться с ним?
Ведь он — замена всем, как лучший между ними.

Старый Гораций

Зачем не сгинул он, а с ним и наше имя!

Валерий

Один лишь ты прозить решаешься ему.

Старый Гораций

И покарать его мне должно одному.

Валерий

За что? За мужество, достойное героя?

Старый Гораций

Какое мужество — бежать во время боя?

Валерий

За бегство ловкое — он славою покрыт.

Старый Гораций

Во мне еще сильней смущение и стыд.
Поистине, пример, достойный удивленья:
От боя уклонясь, достигнуть прославленья.

Валерий

Чего стыдишься ты, скажи мне наконец?
Гордись! Ты нашего спасителя отец!
Он торжество и власть принес родному праду, —
Какую можешь ты еще желать напраду?

Старый Гораций

Что слышу от тебя? Где торжество и власть?
Под руку недругов нам суждено подпасть!

Валерий

Об их победе речь странна и неуместна.
Возможно ль, что тебе еще не все известно?

Старый Гораций

Я знаю — он бежал и предал край родной.

Валерий

Он предал бы его, на том закончив бой;
Но бой не кончился, и вскоре все узрели,
Что бегством он сумел достичь победной цели.

Старый Гораций

Как, торжествует Рим?

Валерий

Спешит теперь узнать,
Что доблестного ты не вправе осуждать.
Один вступил в борьбу с тремя. Но волей рока
Он — невредим, а те — изранены жестоко.
Слабее всех троих, но каждого сильней,
Он с честью выскользнет из роковых сетей. —
И вот твой сын бежит, чтоб хитрость боевая
Врагов запутала, в погоне разделяя.
Они спешат за ним. Кто легче ранен, тот
Преследует быстрее, а слабый отстает.
Настигнуть беглеца все трое рвутся страстно,
Но, разделенные, не действуют согласно.
А он, заметивший, что хитрость удалась,
Остановился вдруг: победы близок час.
Вот подбежал твой зять. Объятый возмущеньем,
Что враг стоит и ждет с надменным дерзновеньем,

Наносит он удар, но тщетен гордый пыл:
Ему, чтоб одолеть, уже не хватит сил.
Альбанцы в трепете: беда прозрит их дому.
На помощь первому велят спешить второму.
Изнемогает он в усильях роковых,
Но видит, добежав, что брата нет в живых.

К а м и л л а

Увы!

В а л е р и й

Едва дыша, он павшего сменяет.
Но вновь Горация победа осеняет.
Без силы мужество не выиграет бой:
За брата не воздав, уже сражен второй.
От воплей небеса дрожат над полем брани:
Те — в ужасе кричат, мы — в мощном ликованье.
Увидел наш герой, что близко торжество,
И гордой похвальбой приветствует его:
«Я братьям тех двоих уже заклял для тризны,
Последний же падет на алтаре отчизны —
Свою победу Рим на этом утвердит», —
Сказал он — и уже к противнику летит.
Сомнений больше нет: твой сын у самой цели.
Тот, обескровленный, тащился еле-еле.
На жертву, к алтарю влекомую, похож,
Казалось, горло сам он подставлял под нож.
И принимает смерть, почти не дав отпора.
Отныне наша власть не вызывает спора.

С т а р ы й Г о р а ц и й

О, милый сын! О, честь и слава наших дней,
Оплот негаданный для родины своей!
Достойный пражданин, достойный отпрыск рода,
Краса своей страны и лучший сын народа!
Хочу обняв тебя, в объятьях задушить
Ошибку, что меня успела ослепить!
О, поскорее бы счастливыми слезами
Омыть чело твое, венчанное богами!

В а л е р и й

И ласкам и слезам ты скоро волю дашь:
Сейчас его к тебе придет властитель наш.

Молебствие богам и жертвоприношение
Мы завтра совершим по царскому решению.
Сегодня же за все, что благодать их дала,
Во храме им воздаст короткая хвала.
Там царь, и с ним твой сын. Меня ж сюда послали
Счастливым вестником и вестником печали.
Но мало этого для милости царя:
Он сам к тебе придет, за все благодаря.
Чтоб должное воздать прославленному роду,
Он сам придет сказать, что за свою свободу
И торжество — тебе обязана страна.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Чрезмерна эта честь — меня слепит она.
Твоими я уже вознагражден словами
За все, свершенное моими сыновьями.

В а л е р и й

Так мало римский царь не чтит больших заслуг.
Твой сын его венец из вражьих вырвал рук,
И вот — любая честь, по мнению властелина,
Бледней заслуг отца и доблестного сына.
Я ухожу. Но царь узнает от меня,
Что ты, достойные обычаи храня,
Готов ему служить и ревностно и верно.

С т а р ы й Г о р а ц и й

За это я тебе признателен безмерно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

С т а р ы й Г о р а ц и й, Камилла.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Не время, дочь моя, чтоб лить потоки слез,
Когда такую честь нам этот день принес.
Семейные тебя да не смущают беды,
Когда для всей страны они — залог победы.
Ценою наших бед восторжествует Рим —
Так что же? Горести свои благословим.
Чрезмерно горевать о суженом не надо:
Другого ты найдешь в стенах родного града.

Счастливейшим себя теперь почтет любовью,
Сестру Горация своей назвав женой.
Сабину известить я должен. Волей рока
Ей нанесен удар, разящий так жестоко:
Убийцы родичей возлюбленных жена,
Имеет больше прав на жалобы она.
Но верю, что проза промчится без возврата,
Что, разумом сильна и мужеством богата,
Над сердцем даст она любви возобладать,
Которой к славному не может не питать.
А ты не подчинись печали недостойной
И, если он придет, прими его спокойно.
Пред всеми показать уже тебе пора,
Что подлинно ему ты кровная сестра.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К а м и л л а.

К а м и л л а

О да, я покажу, я ныне всем открою,
Что не должна любовь склониться пред судьбою,
Пред волей тех людей неправедных и злых,
Которых почитать должны мы за родных.
Мою хулишь ты скорбь. Но чем упреки строже,
Чем больше сердисься, она мне тем дороже.
Безжалостный отец! Мой рок неумолим —
Пускай в жестокости она сравнится с ним.
О, чей же рок еще за день, за час единый
Внезапно принимал столь разные личины?
То радость исторгал, а то потоки слез,
Пока последнего удара не нанес?
И в чьей душе могли сменяться так тревожно
Печаль — веселием, а страх — надеждой ложной?
И чья была таких случайностей рабой,
Таких превратностей игрушкою пустой?
Оракул дал покой, а сон — грозит и мучит,
Война ввергала в страх, а мир надежде учит.
Готовлю брачный пир, и в этот самый миг
На брата моего с мечом идет жених.
Я в смертном ужасе, и все полны тревоги:
Бойцы разделены, их снова сводят боги.

Альбанцев ждет успех, и только он, мой друг,
В моей крови еще не оскверняет рук.
Иль участь родины меня страшила мало,
И смерть Горациев легко я принимала?
И тщетно тешила надеждами себя,
Что не предам своих, противника любя?
Судьба меня за грех жестоко покарала:
Он пал — и как, увы! — об этом я узнала?
Соперник милого оповещает нас, —
И вот, ведя при мне мучительный рассказ,
Открыто счастлив он, ласкаемый мечтою:
Не счастьем родины, о нет, моей бедою;
И, строя в презах рай на бедствии чужом,
Победу празднует над милым женихом.
Но это все ничто, иное ждет Камиллу.
Я ликовать должна, когда гляжу в могилу,
Героя прославлять, как вся моя страна,
И руку целовать, которой сражена.
Жестокие мои законны сожаленья;
Для них же слезы — стыд, а вздохи — преступленье:
Цвети и радуйся среди самых тяжких бед —
Без варварства в тебе душевной мощи нет.
О, я не дочь отца, чье сердце слишком свято,
И мне не быть сестрой столь доблестного брата,
Моя же правда в том, что не скрываю мук,
Когда бездушие — заслуга из заслуг.
Надежды больше нет — чего ж теперь бояться?
Пусть торжествует скорбь — ей незачем скрываться,
Пусть победителя высокомерный вид
Ее отважную решимость укрепит
В лицо ему хулить деянье роковое
И ярость распалить в прославленном герое.
Вот он идет сюда. Не дрогнув перед ним,
Мы прах любимого, как следуем, почтим.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гораций, Камилла, Прокул.
Прокул держит в руке три меча убитых Курициев

Гораций

Сестра, моя рука за братьев отомстила,
Враждебной нам судьбы течение изменила

И, римский навязав противникам закон,
Одна решила спор и участь двух племен.
Взгляни же на мечи, что в битве славной взяты,
И должное сумей воздать победе брата.

К а м и л л а

Все то, что я должна, слезами ей воздам.

Г о р а ц и й

Ликует Рим, сестра. Зачем же слезы нам?
А братья павшие отомщены с лихвою:
Где кровь за кровь текла, не нужно слез герою.
Когда свершилась месть, не вспоминай утрат.

К а м и л л а

Что ж, если души их иного не хотят,
Не буду я за них казаться огорченной
И о кончине их забуду отомщенной.
Но кто же отомстит за гибель жениха,
Чтоб и его забыть могла я без греха?

Г о р а ц и й

Несчастливая, молчи!

К а м и л л а

О, мой жених любимый!

Г о р а ц и й

О, недостойная! О, вызов нестерпимый!
Как! Имя недруга, что мной повержен в прах,
И в сердце у тебя и на твоих устах?
Неистовство твое преступно мести жаждет,
Уста о ней твердят, и сердце горько страдает?
Рассудку подчинись, желаньям ставь предел,
Чтоб за свою сестру я больше не краснел.
Ты заглушить должна свое слепое пламя,
Моими славными утешиться делами,
Чтоб от тебя иных не слышал я речей.

К а м и л л а

Дай, варвар, душу мне, подобную твоей.
А, правды хочешь ты? Кричу с тоской и болью:

Последнего из вас последний вздох узреть
И, мезтью насладясь, от счастья умереть!

Г о р а ц и й (*хватаясь за меч
и преследуя убегающую Камиллу*)

Довольно! Разума не заглушит терпенье!
В Аиде расточай о милом сожаленья!

К а м и л л а (*раненая,
за кулисами*)

Злодей!

Г о р а ц и й (*возвращаясь
на сцену*)

Кто о враге отчизны пожалел,
Тому конец такой — единственный удел.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г о р а ц и й, П р о к у л.

П р о к у л

О, что ты совершил?

Г о р а ц и й

Я поступил как надо.
А смерть — за этот грех достойная награда.

П р о к у л

Не слишком ли жесток твой справедливый суд?

Г о р а ц и й

Пускай моей сестрой Камиллу не зовут;
Она не наша кровь, не дочь отцу родному:
Кто проклял родину, тот изменяет дому.
Своих же близких враг, уже не смеет он
От оскорбленных ждать столь ласковых имен;
А кровных родичей тем более законны
И гнев и скорый суд, прямой и непреклонный.
И тот навеки прав, кто сразу задушил
Столь святотатственный, хоть и бессильный пыл.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

С а б и н а, Г о р а ц и й, П р о к у л.

С а б и н а

Что благородный твой порыв остановило?
Вот на руках отца кончается Камилла.
Отрадным зрелищем насытиться спеши,
А если хватит сил у доблестной души,
Последнюю пролей на алтаре народа
Еще живую кровь поверженного рода
И, вражьей не щадя, как не щадил родной,
Палач своей сестры, покончи и с женой.
Одна у нас вина, одной больны тоскою:
Подобно ей, скорблю о заклятых тобою.
Насколько тягостней мой грех в глазах твоих:
Ей дорог был один, — я плачу о троих,
И жду бестрепетно любого наказания.

Г о р а ц и й

Оставь меня сейчас иль подави стенанья.
Достойной будь женой для мужа своего
И к низкой жалости не понуждай его.
А если близостью супружеской, Сабина,
И в чувствах стали мы и в помыслах едины, —
Не мне унизиться, твоих изведав стыд,
Но до моих тебе подняться надлежит.
Да, мне понятна скорбь моей супруги милой.
Терпи, вооружись моей душевной силой.
Победный мой венки спеша признать своим
И не срывай с меня, но украшайся им.
Ты честь мою клянeshь и так враждуешь с нею,
Что был бы мой позор тебе сейчас милее?
Женою верной стань и меньше будь сестрой.
А этот мой пример — тебе закон святой.

С а б и н а

Тебе ли стану я, ничтожная, подобной?
За братьев я тебя не упрекаю злобно.
Воздать им должное мне надлежит, скорбя.
И здесь враждебный рок виновнее тебя.
Но доблесть римскую отвергну я, конечно,

Когда велит она мне стать бесчеловечной.
И победителя счастливого жена
Погибшим родичам останется верна.
С народом праздная отечества победы,
Семейные свои в семье оплачем беды;
И радость общую мы позабыть вольны,
Во власти тех скорбей, что только нам даны.
Зачем не поступать, как нам велит природа?
Когда идешь сюда, свой лавр оставь у входа,
Со мною слезы лей... Как! Низменная речь
Не вынудит тебя поднять священный меч
И гневно покарать меня за преступленье?
Камилла счастлива! Ее постигло мщенье.
Ты одарил сестру лишь тем, что та ждала,
И милого она за гробом обрела.
Любимый муж, не ты ль меня обрек терзанию?
И если гнев остыл, внемли же состраданью!
Но гнев ли, жалость ли, — молю тебя, супруг!
Не хочешь покарать? Избавь от лишних мук!
Как доброй милости, как беспощадной кары,
Я жажду от тебя последнего удара
И рада все принять. Такая смерть легка,
Когда ее несет любимая рука.

Г о р а ц и й

О, горе! Женщинам дарована богами
Столь пагубная власть над лучшими мужами!
И жены слабые, бессмертных теша взгляд,
Над сильными, увы, и смелыми царят!
Чтоб мужество свое спасти от поражения,
Я в бегстве вынужден теперь искать спасенья,
Прощай. Оставь меня, иль перестань рыдать.

(Уходит.)

С а б и н а *(одна)*

Ни ярость, ни любовь не стали мне внимать!
Нет кары для вины, а горе — безответно.
О милости прошу, молю о казни — тщетно!
Что ж, буду требовать и плакать вновь и вновь,
А нет — сама пролью тоскующую кровь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старый Горацій, Горацій.

Старый Горацій

Печальным зрелищем не дав смутиться взору,
Мы вышнему должны дивиться приговору:
Едва победы нас высоко вознесут,
Гордыню усмирить умеет вышний суд.
То горечь к радости примешивают боги,
То слабым станет вдруг и доблестный
и строгий.

Бывает редко нам даровано судьбой
Благое совершить с безгрешною душой.
Я скорбью не воздам преступнице Камилле;
Мы большей жалости с тобою заслужили.
Я этой дочери-изменницы отец,
А ты ее сразил, позоря свой венец.
Я знаю — эта казнь совершена по праву,
Но ты сгубил, мой сын, и честь свою и славу,
И лучше б не карать совсем вины такой,
Чем за нее воздать твоей, мой сын, рукой.

Г о р а ц и й

Достоин казни я — назначь же мне любую:
Я пролил кровь сестры, о родине ревнуя.

Но если решено, что это тяжкий прех,
И должен слушать я укоры ото всех,
И что на мне позор — тебе дано по праву
Изречь свой приговор и совершить расправу.
Возьми же кровь мою, — ведь я содеял зло,
И на нее теперь бесчестие легло.
Я не стерпел вины, судом ответив скорым,
Мириться ли, отец, тебе с моим позором?
Когда проступками задета наша честь,
Отец такой, как ты, считает долгом месть.
Да замолчит любовь, где нету оправданья:
Мягкосердечный сам достоин наказанья,
И славе собственной цены не знает он,
Когда щадит того, кто им же осужден.

Старый Гораций

Но быть суровыми порою мы не в силах,
И для самих себя детей прощаем милых.
В преклонном возрасте еще сильней любя,
Мы не караем их, чтоб не карать себя.
Не то, что видишь ты, мой взор в тебе находит.
Я знаю... Здесь наш царь! В покои стража входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тулл, Валерий, Старый Гораций, Гораций,
стража.

Старый Гораций

Я честью вознесен превыше всех людей,
Мой государь — у нас, под кровлею моею!
И вот, у ног царя...

Тулл

Нет, встань, отец мой, смело,
Ведь за высокое и доблестное дело
Обязан я как царь — мое служенье в том —
Высокой почестью отметить славный дом.

(Указывая на Валерия.)

Он послан был к тебе тотчас же после боя,
Но сам я захотел увидеться с тобою.
Кто удивился бы, когда поведал он,
Что гибелью сынов ты не был сокрушен?
Твоей ли твердости прекрасной и суровой
Могло поддержкой быть сочувственное слово?
Но мне приносят весть — внезапно сам герой
Злодейством омрачил свой подвиг боевой:
О чести родины безудержно ревнуя,
Он дочь твою сгубил, сразив сестру родную
Для самых сильных душ удар такой жесток, —
И как тебе снести неумолимый рок?

С т а р ы й Г о р а ц и й

Мне тяжело, государь, но есть в душе терпенье.

Т у л л

Да, опыт жизненный приносит утешенье.
Хотя мы все, увы, нередко узнаем,
Что бедственные дни идут за светлым днем,
Но мало у кого настолько хватит воли,
Чтоб мужество хранить в такой тяжелой доле.
И если бы тебе, утратившему дочь,
Сочувствие мое могло теперь помочь,
То знай, что с жалостью, такой же бесконечной,
Как скорбь твоя, мой друг, люблю тебя сердечно.

В а л е р и й

Владыками небес дано земным царям
Вершить над нами суд, законы ставить нам,
И, родине служа, их власть, для всех святая,
За грех должна карать, за подвиг награждая.
Позволь, мой царь, слуге смиренному сказать:
Ты жалостлив к тому, что надо покарать.
Позволь мне...

С т а р ы й Г о р а ц и й

Как! Умрет стране стяжавший славу?

Т у л л

Пусть он окончит речь. Я рассужу по праву.
Всегда, везде для всех да будет правый суд,

Ведь только за него царей без лести чтут,
Ужасное свершил твой сын, и воздаянья
Здесь можно требовать, забыв его деянья.

В а л е р и й

Внемли же, государь всеправедный. Пора,
Чтоб голос подняли защитники добра.
Не злобу доблестный в нас вызывает воин,
Приявший почести: он почестей достоин.
Не бойся и еще щедрее наградить —
Ведь сами римляне хотят его почитать.
Но если он палач сестры единокровной, —
То, славясь как герой, пусть гибнет
как виновный.

Ты — царь, отечества надежда и оплот, —
От ярости его спаси же свой народ,
Когда не хочешь ты господствовать в пустыне:
Так много близких нам война скосила ныне,
И оба племени соединял тесней
Во дни счастливые так часто Гименей,
Что мало римлян есть, не потерявших зятя
Иль родича жены в рядах альбанской рати
И не оплакавших на празднестве побед
Своей родной страны, своих семейных бед.
Но если мы, скорбя, преступны против Рима,
И может нас герой карать неумолимо, —
Кто будет варваром жестоким пощажен,
Когда родной сестре пощады не дал он?
Он не сумел простить отчаянья и гнева,
Что смерть любимого вселила в сердце девы:
Ей факел свадебный мерцал в дыму войны,
Но с милым навсегда мечты поребены.
Рим возвеличился, и стал рабом нежданно:
И наша жизнь и смерть — уже в руках
тирана.

И дни бесславные еще мы сможем длить,
Пока изволит он преступников щадить.
О Риме я сказал; теперь добавлю смело:
Для мужа доблести позорно это дело.
Я умолять бы мог, чтоб царь взглянул сейчас
На подвиг редкостный славнейшего из нас.

И он увидел бы, как, мезтью пламенея,
Из раны хлынет кровь перед лицом злодея.
Он содрогнулся бы в ужасный этот миг,
Взглянув на хладный труп, на нежный юный лик.
Но мерзостно давать такие представления.
Назавтра выбран час для жертвоприношенья.
О царь! Подумал ты, угодно ли богам
Принять воскуренный убийцей фимиам?
Он для бессмертных — враг. За святотатство это
И у тебя они потребуют ответа.
Нет, не рука его решала бранный спор, —
Помог отечеству бессмертных приговор.
И, волею богов свое возвысив имя,
Он славу запятнал, дарованную ими;
И, самый доблестный, веленьем вышних сил
Он сразу и венец и плаху заслужил.
Мы жаждем выслушать решения благие,
Злодейство это здесь совершено впервые;
И, чтоб небесный гнев не пал теперь на нас,
Отмсти ему, богов немилости страшась.

Т у л л

Гораций, говори.

Г о р а ц и й

Мне не нужна защита!
Ведь то, что сделал я, ни от кого не скрыто.
И если для царя вопрос уже решен,
То слово царское для подданных — закон.
Невинный может стать достойным осужденыя,
Когда властитель наш о нем дурного мненья.
И за себя нельзя вступаться никому,
Затем, что наша кровь принадлежит ему.
А если роковым его решение будет,
Поверить мы должны, что он по праву судит.
Достаточно тебе, о царь мой, приказать:
Иные любят жизнь, я ж рад ее отдать.
Законная нужна Валерию расплата:
Он полюбил сестру и обвиняет брата.
Мы для Горация взываем об одном:
Он смерти требует, и я прошу о том.

Одна лишь разница: хочу законной мести,
Чтоб ничего моей не запятнало чести,
И вот стремимся мы по одному пути,
Он — чтоб ее сгубить, я — чтоб ее спасти.
Так редко может быть, чтоб сразу проявила
Все качества свои души высокой сила.
Здесь ярче вспыхнуть ей удастся, там —
слабей,

И судят оттого по-разному о ней.
Народу внешние понятней впечатленья,
И внешнего ее он жаждет проявленья:
Пусть изменить она не думает лица
И подвиги свои свершает без конца.
Плененный доблестным, высоким
и неожиданным,

Он все обычное готов считать обманом:
Всегда, везде, герой, ты должен быть велик,
Хотя бы подвиг был немислим в этот миг.
Не думает народ, когда не видит чуда:
Здесь той же доблести судьба служила худо.
Вчерашних дел твоих уже не помнит он,
Уничтожая блеск прославленных имен.
И если высшая дана тебе награда, —
Чтоб сохранить ее, почить на лаврах надо.
Хвалиться, государь, да не осмелюсь я:
Все ныне видели мой смертный бой с тремя.
Возможно ль, чтоб еще подобное случилось,
И новым подвигом свершенное затмилось,
И доблесть, гордые творившая дела,
Подобный же успех еще стяжать могла?
Чтоб доброй памяти себе желать по праву,
Я должен умереть, свою спасая славу,
И жалко, что не пал, победу завершив.
Я осквернил ее, когда остался жив!
Тому, кто жил, себя для славы не жалея,
Перенести позор — нет ничего страшнее.
Спасенье верное мне дал бы верный меч,
Но вот — не смеет кровь из жил моих истечь.
Над нею властен ты. Я знаю: преступленье —
Без царского ее пролить соизволенья.
Но, царь мой, храбрыми великий Рим богат:
Владычество твое другие укрепят.

Меня ж от ратных дел теперь уволить можно;
И, если милости достоин я ничтожной,
Позволь мне, государь, мечом пронзить себя —
Не за сестру казнясь, а только честь любя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тулл, Валерий, Старый Гораций, Гораций, Сабина.

С а б и н а

Супруга и сестра у ног твоих — Сабина.
Двойная, государь, в душе моей кручина,
И внять речам моим, о царь, молю тебя,
За милого страшась, о родичах скорбя.
Стремленья нет во мне слезой своей лукавой
Винového спасти от казни слишком правой.
И чем бы он сейчас ни услужил стране, —
Карай, но пусть вину он искупит во мне,
Но пусть за кровь его прольется кровь Сабини.
Свершится та же казнь — мы оба так едины,
И ты отнимешь то — не пощадив его, —
Что он в самом себе любил сильнее всего.
Столь тесно связаны мы цепью Гименея,
Что он живет во мне и ярче и полнее,
И если дней моих сейчас прервется нить,
Его ничем иным нельзя верней казнить.
Молю и требую смертельного удара:
В нем — избавленье мне, ему же — злая кара.
Пусть ныне видит царь, как жизнь моя страшна
И на какой разлад душа обречена!
Смогу ли, скорбная сестра, теперь обнять я
Того, от чьей руки мои погибли братья?
Но и посмею ли кощунственно проклясть
Того, кто сохранил твою над Римом власть?
Убийцу родичей любить неколебимо!
Отвергнуть милого, что дал победу Риму!
Мне избавленье — смерть: любя его или нет —
Священный все равно нарушу я завет.
Свой смертный приговор услышу торжествуя.
Сама свершить могу все то, о чем прошу я.

Но сладко было бы, разящий встретив меч,
Супруга милого от казни уберечь;
Разгневанных его суровостью чрезмерной,
Бессмертных утолить вот этой кровью верной
И жалостную тень сестры его младой,
Чтоб до конца служил отечеству герой.

С т а р ы й Г о р а ц и й

С Валерием, увы, мои согласны дети,
И отповедь в моем получит он ответе.
Стараются они, безумцы, об одном:
Пусть обескровленный совсем угаснет дом!

(Сабине.)

О ты, которую неправая обида
За братьями влечет к обителям Аида!
Их тени славные тебе дадут совет:
Кто пал за родину — для тех обиды нет.
Богами приговор назначен их отчизне;
Но если чувства есть не только в этой жизни,
Победу римскую им легче перенести,
Когда своя родня стяжала эту честь.
Твое жестокое они осудят горе,
И вздохи тяжкие, и скорбь во влажном взоре,
И ненависть к тому, кто славно кончил бой.
Сабина, будь же им достойною сестрой.

(Туллу.)

Пускай Валерия остынет пыл напрасный:
Не преступление — порыв слепой и страстный;
И если правый гнев его одушевлял,
Не тяжелой кары он достоин, а похвал.
Врагов родной страны любить до исступленья,
Отечество хулить за их уничтоженья,
Кощунственно ему сулить лихой удел —
Вот грех, которого Гораций не стерпел.
Когда бы родину любил он с меньшей силой,
Его деяния ничто б не омрачило.
А если бы вина уж так была тяжка,
Его настигла бы отцовская рука.
Я совершил бы суд. Моя душа готова
Родительскую власть использовать сурово.

Я честью, государь, безмерно дорожу:
Коль сын мой виноват, его не пощажу.
Свидетелем беру Валерия: он видел,
Как страстно я дитя свое возненавидел,
Когда уверен был, что бой пришел к концу
И бегством он нанес бесчестие отцу.
Но не чрезмерно ли Валерия вниманье
К моей семье? Зачем он просит воздаянья
За гибель дочери, когда такой конец
Заслуженным готов считать ее отец?
Он говорит — мой сын для всех угрозой станет.
Но нашей гордости чужой позор не ранит,
И, как бы низменно ни поступал другой,
Мы не должны краснеть: ведь он для нас — чужой.

(Валерию.)

Рыдай, Валерий, плачь: пусть жалобы греховны
В глазах Горация, но ты ему не кровный.
Не близких, не своих — и вопль и гневный взгляд
Его бессмертного венца не оскорбят.
О лавры славные, сомнут ли вас бесчестно?
Вы голову его от молнии небесной
Оберегать могли. Ужель склониться ей
Под оскверняющим железом палачей?
И это, римляне, ваш дар непобедимым?
Ведь Рим, не будь его, уже бы не был Римом.
Как может римлянин хулить и гнать того,
Кто всех прославил нас и дал нам торжество?
Скажи, Валерий, ты, который жаждешь мести,
Казнить Горация в каком прикажешь месте?
В стенах ли города, где пламенно жива
Тысячеустая о подвиге молва?
Иль за воротами, на славной той равнине,
Где кровь Куриациев земля впитала ныне,
Где их могильные насыпаны холмы,
Где победил герой и ликовали мы?
В стенах, за стенами — где б ни вершить расправу,
Везде, везде она его увидит славу.
Твоя неправая осуждена любовь,
Что хочет в этот день пролить такую кровь.
Ведь это зрелище и Альбе нестерпимо,
И не смириться с ним взволнованному Риму.

Но рассуди же сам, о государь: страна
Того, что нужно ей, лишаться не должна.
Все то, что он свершил, вторично сделать может
И новую опять угрозу уничтожит.
Не сжалиться прошу над слабым стариком:
Я четырех детей счастливым был отцом;
Во славу родины погибли нынче трое.
Но сохрани же ей четвертого — героя,
Чтоб стены римские еще он мог стеречь.
А я, воззвав к нему, свою закончу речь.
Не у толпы, мой сын, искать опоры надо:
Ее хвалебный гул — непрочная напрада.
Мы часто слушаем весь этот шум и крик,
Но затихает он внезапно, как возник,
И слава громкая, которой столь горды мы,
Пройдет, как легкие, рассеиваясь, дымы.
Лишь верный суд царя, вождя иль мудреца
И в мелочах ценить умеет храбреца.
От них мы подлинной украсимся хвалою,
И память вечную они дают герою.
Живи, как должен жить Гораций: никогда
Не отпремит она, блистательна, горда,
Хотя бы жалкого, ничтожного невежды
И были в некий миг обмануты надежды.
Не требуй же конца, но, мужеством горя,
Ты для меня живи, для Рима, для царя.
Прости, о царь, меня, прости за многословье,
Но это Рим вещал отеческой любовью.

В а л е р и й

Дозволь мне, государь...

Т у л л

Не нужно лишних слов.
Все то, что ты сказал, одобрить я готов.
Их речи пылкие твоих не заглушили,
И доводы твои остались в прежней силе:
Да, преступление, столь мерзостное нам,
Есть вызов и самой природе и богам.
Внезапный, искренний порыв негодованья
Для дела страшного — плохое оправданье.

Убийцу никакой не охранит закон,
И казни — по суду — заслуживает он.
Но если пристальней взглядеться, кто виновный, —
Придется нам признать: чудовищный, греховный
Проступок той рукой безумно совершен,
Что сделала меня владыкой двух племен.
Двойной венец на мне, альбанцы — слуги Рима!
Все это за него встает необоримо.
И утвердил меня в господстве — он один:
Я был бы подданным, где дважды властелин.
Есть много верных слуг — в минуты роковые
Несут они царям лишь помыслы благие.
Не всем дано свершать высокие дела,
Чтоб ими вся страна опору обрела.
Уменье славное крепить основы трона —
Немногим вышние судили благосклонно.
Царей оплот и мощь в решительные дни —
Закону общему подвластны ли они?
Сокроем, римляне, высокой ради цели,
То, что впервые мы при Ромуле узрели.
Тому, кто спас тебя, простишь ты,

славный Рим,

Первостроителем свершенное твоим.
Живи, герой, живи. Ты заслужил прощенье.
В лучах твоих побед бледнеет преступленье.
Причины доблестной последствие, оно
Священной ревностью твоей порождено.
Живи, но другом будь Валерию. Вы оба
Забудете, что вас разъединяла злоба.
Любви он верен был иль долгу своему,
Но чувства горького ты не питай к нему.
Сабина, и в самой безмерности страданья
Пускай твой сильный дух поборет испытанья:
Не лей напрасных слез — и истинной сестрой
Ты будешь воинам, оплаканным тобой.
Мы завтра с жертвами предстанем пред
богами.

Чтоб не были они немилостивы с нами,
Очистить от преха жрецы его должны,
Пока на алтарях огни не зажжены.
В священном деле им отец его поможет.
Он душу дочери умилоstitивить может.

Мне жаль ее. Пускай свершится в этот час
Все то, к чему она, влюбленная, влеклась.
И если властная одна и та же сила
В один и тот же день любовников сгубила, —
Да примет их тела — и в тот же самый день —
Кургана одного торжественная сень.

Цинна

*Трагедия
в пяти действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Октавий Цезарь Август, римский император
Ливия, императрица.

Цинна, сын дочери Помпея, глава заговора
против Августа.

Максим, один из главарей заговора.

Эмилия, дочь К. Торания, воспитателя Августа,
казненного им во время триумвирата.

Фульвия, наперсница Эмилии.

Поликлет, вольноотпущенник Августа.

Эвандр, вольноотпущенник Цинны.

Эвфорб, вольноотпущенник Максима.

Действие происходит в Риме.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эмилия.

Эмилия

Желанье пылкое великого отмщенья,
Что с дней, как пал отец, ведет свое рожденье,
Столь гневное дитя пережитых обид,
Чью боль душа моя ослепшая таит, —
Владеешь сердцем ты со страстью роковою.
Дай мне хоть миг вздохнуть, подумать, что со мною,
Спокойно рассудить в волнении моем,
На что дерзаю я, чего хочу потом.
При виде Августа, увенчанного славой,
Увы, я не могу не вспомнить день кровавый,
Когда был мой отец им дерзко умерщвлен,
И, труп переступив, тиран взошел на трон.
Передо мной встают кровавые виденья,
И ненависть моя, дойдя до испугленья,
Мной овладев, зовет час мщенья скорей,
Чтобы за смерть одну он принял сто смертей.
Но к Цинне у меня любовь еще сильнее,
Чем ненависть моя к тирану и злодею.
И я страшусь того, что, мщенье тая,
Могла бы погубить возлюбленного я.
О Цинна, я себя жестоко осуждаю
За то, что на тебя опасность навлекаю.

Хотя ты и готов во всем мне помогать,
Могу ль опасности тебя я подвергать?
Высокое сейчас ты занял положенье,
А мог бы каждый шаг здесь вызвать подозренье.
Исход сомнителен, а гибель ждет вокруг,
Способен донести на нас коварный друг.
Приказ не во-время, неверное решенье
Тебя же самого раздавят, без сомненья,
И тот удар, что ты готовил для врагов,
Сам, Цинна, на тебя обрушиться готов.
Коль, из любви ко мне, свершишь ты дело мести
И сокрушишь врага, ты с ним погибнешь вместе.
Зачем же к гибели свои шаги стремить?
Погибнуть за меня — не значит отомстить.
Жестоки те сердца, что счастливы бывают,
Не видя, что другим мученье доставляют.
И кто б к разряду бед тягчайших не отнес
Ту вражескую смерть, что стоит многих слез!
Но можно ль слезы лить, идя дорогой верной?
Любую цену тут нельзя считать безмерной.
Убийцу поразив отмстительной рукой,
Пристойно ль рассуждать, какой он пал ценой?
Прочь, страхи ложные, пустое сожаленье,
Прочь, недостойное души моей смущенье!
Любовь, послушная лишь слабостям моим,
Долг не оспаривай, а лишь иди за ним.
Покорность долгу — честь, с ним спор — пятно позора.
Будь благородною и подчинись без спора.
Чем больше долгу дашь, тем больше он вернет,
Служи ему, но так, чтоб ждал тебя почет!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эмилия, Фульвия.

Эмилия

Клялась я, Фульвия, и клясться вновь хочу я,
Да, Цинну я люблю и лишь его зову я,
Но если Август жив, не быть ему со мной.
Пусть Цезаря убьет. Лишь этого ценой
Получит он меня. Вот мой закон единый.

Ф у л ь в и я

Ты Цезаря хулить имеешь все причины,
Сумела ты себя достойною явить
Того, за чью ты кровь хотела б отомстить.
Но я прошу сейчас к речам моим вниманья:
Должна ты охладить столь пылкое желанье.
Ведь Август, что ни день, готов, по мере сил,
Сам искупить то зло, что всем он причинил.
Тебе он оказать готов благоволенье,
Он столь почтителен, столь полон уваженья,
Что многие тебя просили уж не раз
За них похлопотать, коль нужно, в должный час.

Э м и л и я

Мне эти милости отца не возвращают,
И, как у Августа меня ни почитают,
Как ни богата я, как сан мой ни почтен, —
Всегда я только дочь того, кто был казнен.
Об этих милостях твоих превратно мненье,
От вражеской руки они — лишь оскорбленье;
Чем станет более к нам враг благоволять,
Тем будет в нас сильней желанье отомстить.
Пусть Цезарь добрым стал — не изменюсь душою.
Я та же, что была, и буду впредь такою.
Я те сокровища, что Август мне несет,
Употреблю на то, чтобы поднять народ.
Готова место я занять императрицы,
Чтобы на жизнь его вернее покуситься,
Мстить стану за отца любую я ценой
И ради всех даров долг не забуду свой.

Ф у л ь в и я

Зачем же хочешь ты прослыть неблагодарной?
Иль, пряча ненависть, нельзя уж быть коварной?
Не мало без тебя есть помнящих, что он
Ценой жестокостей взошел на этот трон.
Все помним римлян мы, известных и почтенных,
Что им погублены для замыслов надменных.
Их дети, в чьей душе былых обид не счесть,
Мстя за своих отцов, твою спасают честь.

Найдутся смелые отмстители позора.
Кто ненавистен всем, тот жизнь окончит скоро.
Так предоставь о том заботиться другим
И в тайных замыслах помощницей будь им.

Э м и л и я

Как? Ненависть таить в душе без проявленья,
Позволить случаю платить за оскорбленье?
Я ль неотложный долг исполненным почту,
Питая тайный гнев и скрытую мечту?
О смерти Цезаря я первой бы жалела,
Когда б он был убит другим за злое дело.
Да, буду я рыдать над гибелью его
Коль не от мщенья он погибнет моего!
Зачем другим вверять задуманное нами,
Тот долг, который мы должны исполнить сами?
К блаженству мстить хочу прибавить славу я,
Пусть делу общему послужит месть моя,
Пусть будет подвиг мой Италии указан:
«Своей свободой Рим Эмилии обязан,
Она питала страсть, нежна была душой,
Но отдалась любви лишь этою ценой».

Ф у л ь в и я

Любовь такой ценой — подарок незавидный,
В ней для любимого знак смерти очевидной,
Прямой опасностью ему твой план грозит, —
Был не один смельчак об этот риф разбит.
А Цинне смерть и так всечасно угрожает.

Э м и л и я

Ах! Сердце твой ответ безжалостно терзает,
Когда я думаю, что Цинну гибель ждет,
И я тому виной — страх душу мне гнетет.
В смятении мой дух, понять себя стараюсь:
Хочу — и не хочу, стремлюсь — и не решаюсь.
И долг, которому мне надобно служить,
Мятежных чувств моих не в силах усмирить.
Так сильно не играй, о страсть, душой моею!
Опасность велика, но справишься ты с нею.
Рискуя, Цинна все ж не будет побежден.

Пусть Цезаря хранит надежный легион,
Все ж Цинна победит. Кто доблестью пылает,
Тот, жизнью жертвуя, всегда ее спасает.
Опасность чем грозней, тем сладостнее плод.
Отвага вдохновит, а слава вслед пойдет.
Кто — Цинна, Август ли — погибнет, я не знаю,
Но, чтоб отмстить, я всем пожертвовать желаю.
И эту месть свершить мне Цинна обещал.
Он, обнажив свой меч, меня б достойным стал.
Отказываться мне от этой мысли поздно.
Сейчас идет совет всех, ждущих мести прозой.
Пора им меч избрать, наметить место, час,
Смерть Цинны разлучить уже не сможет нас.
Но вот он сам идет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Цинна, Эмилия, Фульвия.

Эмилия

О Цинна, как собранье?
Не дрогнуло оно пред страхом наказания?
Сумел ли ты прочесть в чертах друзей своих,
Что исполненья клятв возможно ждать от них?

Цинна

Нет, никогда еще тирана низвержение
Ждать не могло себе столь верного свершенья.
Тирана гибели никто так не желал,
Круг заговорщиков так дружен не бывал.
За дело принялись с таким одушевленьем,
Как будто и они полны любовным рвеньем.
Такой великий гнев все охватил сердца,
Как будто каждый мстил за своего отца.

Эмилия

Не сомневаюсь я, что для такого дела
Взял Цинна только тех, кто поступает смело,
Что слабым он рукам не вверит ничего
В судьбе Эмилии и Рима самого.

Ц и н н а

Когда б ты видела, с каким волнением страстным
Влечется заговор к свершениям прекрасным!
Лишь «Цезарь», «Август» кто произнесет — и вмиг
Уже в очах огонь отмщения возник.
И вместе с тем друзья при мысли о злодее
От гнева, ужаса становятся бледнее.
«Друзья! — сказал я им, — вот тот счастливый час,
Который увенчать готов успехом нас.
У нас сейчас в руках грядающий жребий Рима.
Для блага всей страны нам смерть необходима
Того, в ком ничего не назовешь людским,
Кто тигром яростным родной терзает Рим.
Чтоб кровь его пролить, он сеял здесь раздоры,
И дерзко нарушал союзы, договоры,
То друг Антонию, то злейший враг ему —
Лишь самовластью был он предан своему».
Так перечнем обид, искусными словами
О всех жестокостях, свершенных над отцами,
О зле, которого не вправе мы забыть,
Усилил в их сердцах я жажду отомстить.
Я им нарисовал картину битв ужасных,
Где собственную грудь терзает Рим несчастный,
Где бьет орла орел и с каждой стороны
Свободу губим мы в неистовстве войны,
Где лучшие вожди и лучшие солдаты
Для рабства жертвуют всем, чем душой богаты,
Где каждый, множа стыд им признанных оков,
Неволей собственной связать весь мир готов,
Народы отягчив ярмом страны великой,
Заставив их назвать предателя — владыкой.
Рим против Рима встал, и род пошел на род,
Чтобы тиранов вновь себе избрал народ.
Ужасных этих дел я дал изображение,
Назвал захватчиков, достойных поношенья,
И ненавистных нам — сказал все про сенат,
Короче говоря — про их триумvirат.
Я красок не щадил и не смягчал названий
При пересказе всем известных злодеяний.
В стремленье убивать никто их не был злей,
Потоплен был весь Рим в крови своих детей.
Кто был убит в толпе, на площади шумящей,

Кого среди семьи настиг удар разящий.
Убийца поощрен был высшею ценой.
Задушен муж бывал в ночи своей женой,
Сын умертвить отца решался без пощады,
За голову его прося себе награды.
Какая б только кисть изобразить могла
Кровавый этот мир и гнусные дела!
Назвать ли ряд имен, исполненных значенья,
Чью смерть напомнил я, чтоб вызвать возмущенье,
Погубленных, чей дух равенствует богам,
Кто дерзостным клинком сражен у входа в храм?
Могу ль изобразить, к какому исступленью,
К какому трепету, к какому дерзновенью
Картиной мрачных зол, ужасных до конца,
Своих сообщников я обратил сердца?
Не трата зря минут, я, видя гнев их ярый,
Способность все презреть и наносить удары,
Прибавил в нескольких словах: «Насилья гнет,
Потеря наших благ, имуществ и свобод,
Грабеж родных полей, расправа с городами,
Изгнание отцов и войн гражданских пламя,
Все это — лестница, которой Август сам
Взошел на этот трон, чтоб стать владыкой нам.
Но жребий нам не столь уж тягостный достался:
Из трех тиранов он единственный остался.
Двух соправителей убрав, поддержки он,
Один несущий власть, теперь уже лишен.
Умрет — ни мстителей не будет, ни тирана,
И возродится Рим в свободе долгожданной.
Мы римлян истинных название вернем,
Едва его ярмо отважно разобьем.
Благоприятен час для нашего отмщенья:
На Капитолии ждут жертвоприношенья.
Пусть будет жертвой он — любой из нас готов
Свободу миру дать перед лицом богов.
В охрану Августа введем мы стражу нашу,
Из рук моих возьмет он жертвенную чашу,
И это будет знак, что нам пора начать,
Я в прудь ему всажу кинжал по рукоять.
И докажу, сразив жестокого злодея,
Что в жилах у меня струится кровь Помпея.
А вы, мне следуя, всем показать должны,

Что все от доблестных вы предков рождены». Едва окончил я, как были все готовы Решенье подтвердить еще раз клятвой новой, Которой каждый бы хотел приобрести Удара честь, что я собрался нанести. Но разум одержал победу над волнением. Одни из них пойдут Максиму в подчиненье, Других я сам возьму, чтоб были в помощь нам. Едва лишь я сигнал к восстанию подам. Вот что, Эмилия, мы порешили вместе. Жду завтра от людей иль злобы, или чести. Отцеубийца ли, освободитель я, Захватчик, Цезарь сам? — решит судьба моя! Теперь от нашего зависит только рвенья, Что ожидает нас: позор иль прославление. Народ признателен властителям своим: Презренье — мертвецам и почести — живым. И я судьбе своей предоставляю правой На казнь меня послать или отметить славой. Поможет ли нам Рим иль встанет против нас — Готов и жизнью я пожертвовать в тот час!

Э м и л и я

Бояться гибели теперь уж ты не вправе, Успех иль смерть равно твоей послужат славе. В великом замысле, где трудностей не счесть, Утратить можешь жизнь, но не утратишь честь. Несчастье Кассия припомни или Брута! Вредит ли славе их падения минута? Иль умерли они с величием своим? Последних римлян в них ужели мы не чтим? Здесь, в Риме, память их столь стала всем священна, Сколь личность Цезаря позорна и презренна. Он правит, но лишь им одним сужден почет От вас, подобных им, народ спасенья ждет. Иди им смело вслед, покорен зову чести, Но жизнь свою храни и в упоенье мести. И помни, что сердца пылают в нас, любя, Что честь Эмилии — награда для тебя, Что ты мне дан судьбой, что страстно жду тебя я. И что, пока ты жив, с тобой сама жива я. Но для чего Эвандр подходит к нам сейчас?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Цинна, Эмилия, Эвандр, Фульвия.

Эвандр

Сам Цезарь требует к себе с Максимом вас.

Цинна

Максима и меня? Ты слышал это ясно?

Эвандр

В твоём доме тебя ждал Поликет напрасно.
Он вместе бы со мной пришёл тебя искать,
Когда бы не успел его я удержать.
Хочу предупредить тревожные я вести:
Торопит Цезарь вас.

Эмилия

Звать вожаков — и вместе!
Обоих! В тот же час! Теперь открыты вы!

Цинна

Посмотрим.

Эмилия

Но тебя теряю я, увы!
Нам боги в замыслах перечат беспримерно,
Среди друзей твоих доносчик был, наверно.
Сомнений больше нет. Да, Август все открыл.
Как? Вместе? И когда совет ваш все решил!

Цинна

Не скрою, Цезаря приказ меня смущает.
Но он меня к себе нередко призывает.
Максим же Цезарю, как я, ближайший друг, —
И вовсе, может быть, напрасен наш испуг.

Эмилия

Себя ты обмануть пытаешься напрасно.
Не мучь меня — и так безмерно я несчастна.
И, если за меня ты уж не в силах мстить,
Умей хоть жизнь свою, о Цинна, сохранить
И, к Цезарю идя, страшись его угрозы.

Довольно над отцом я проливала слезы.
Нет, новою меня не отягчай тоской,
Чтоб не пришлось теперь мне плакать над тобой!

Ц и н н а

Как! Только потому, что робость одолела,
Забыть и твой завет и общее нам дело!
Ведь я себя бы стал за низость упрекать!
Покинуть все, когда приходит час дерзать!
Что сделают друзья, узнав, что все забыто?

Э м и л и я

Что станется с тобой, коль все уже раскрыто?

Ц и н н а

Чтобы предать меня, душ низких много есть,
Но изменить себе мне не позволит честь.
Я и над пропастью не подчинюсь боязни,
И дух мой будет тверд, как в пытках, так и в казни.
А Цезарь, с завистью узрев мой смелый вид,
В час гибели моей от страха задрожит.
Медлительность моя внушит лишь подозренье.
Прощай же! Поддержать мое должна ты рвенье,
И коль удар судьбы узнает прудь моя,
Счастливым я умру, умру несчастным я;
Счастливым потому, что верен был я чести,
Несчастливым потому, что не свершил я мести.

Э м и л и я

Иди и голоса не слушай моего,
Тверда я, не боюсь уж больше ничего.
Прости любви моей порывам недостойным.
Не мог бы, все забыв, и сам ты быть спокойным.
Коль заговор раскрыт, то Август все пути,
Переградит тебе, чтоб ты не мог уйти.
Яви же перед ним отважное презренье,
Достойное любви и твоего рожденья.
Умри, коль смерть придет, как Рима гражданин,
И в смерти поднимись до мужества вершин!
Но знай, что пред своей я не смирюсь судьбою
И, коль погибнешь ты, уйду вслед за тобою.
Один и тот же рок судил нам смертный час.

Ц и н н а

Нет, даже смерть сама не разлучила б нас!
Позволь же думать мне, что подвиг этой чести
И друг твой и отец тогда увидят вместе.
Не бойся, ведь никто не знает из друзей
Ни замыслов твоих, ни чувств души моей.
О бедах Рима я им говорил немало,
Но мщенья замысел душа моя скрывала
Из страха, чтобы страсть, живущая в крови,
Не выдала им тайн столь пламенной любви.
Эвандру лишь о ней и Фульвию известно.

Э м и л и я

Я к Ливии пошла б и ей призналась честно.
Она могла б легко, чтобы тебя спасти,
Своим влиянием на помощь мне прийти.
Но если в этом мне и дружба не поможет,
Не думай, что мой век спокойно будет дожит.
Примером станет мне великий подвиг твой —
Я иль спасу тебя, иль смерть приму с тобой!

Ц и н н а

Заботься обо мне, себя не забывая.

Э м и л и я

Не забывай и ты, друг, что люблю тебя я!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Август, Цинна, Максим, придворные.

Август

Пусть все покинут нас. Одни поговорим.
Останься, Цинна, ты, а также ты, Максим.

Все удаляются, за исключением Цинны и Максима.

Власть повелителя над морем и землею,
Власть обладателя державой мировую,
Величье без границ и мой великий сан,
Который мне трудом, пролитой кровью дан,
Все то, что связано с высоким положеньем,
С докучным для меня придворных восхищеньем, —
Вот благо, издали пленяющее нас,
И тяжкое, едва пришел свершений час.
Приятное душе, чего мы так хотели,
Уж нас не радует, коль мы достигнем цели.
И так как разум наш — таков его закон —
Всегда к чему-нибудь стремиться обречен,
Уж к самому себе желанья обращает:
Едва свершив подъем, спуститься он желает.
Стремился к власти я и вот владыкой стал,
Но, думая о ней, я все ж ее не знал.
Нашел я в ней, свершив заветные желанья,
Заботы без конца и вечные терзанья,

Сокрытую вражду и смерть на всех путях,
Отравленный покой и бесконечный страх.
Знал Сулла до меня величье этой власти,
И Цезарь, мой отец, считал ее за счастье.
Но разную они ценили власть ценой:
То, что отверг один, то крепко взял другой.
Злодей окончил жизнь во всем судьбой хранимым,
Как добрый гражданин, превознесенный Римом,
А Цезарь доблестный в сенате, ясным днем,
В кругу своих друзей пал, поражен клинком.
Примеры эти мне могли бы пригодиться,
Когда чему-нибудь у них я мог учиться.
Один меня влечет, другой внушает страх.
Но зрим себя порой мы в ложных зеркалах.
Те испытания, что нам судьба судила,
Не часто прочесть мы можем в том, что было
Там, где убит один, другой судьбой спасен,
Что губит одного, другой тем вознесен.
Вот почему душа сомнением объята.
Вы заменили мне Агриппу, Мecenата.
Как мне теперь мои сомненья разрешить,
Могли б, подобно им, меня вы научить.
Забудьте же мой сан, и римлянам постылый
И мне уж самому давным давно не милый.
Не повелителем, хочу быть другом вам;
И Рим и власть свою вам отдаю я сам.
Европа, Азия и Африка — пред вами:
Республика иль трон — решите это сами.
Вы мне во всем — закон, и только так, друзья,
Монарх иль гражданин, готов вас слушать я.

Ц и н н а

Хотя великого полны мы удивленья,
Тебе покорным быть хочу без возраженья;
Свою почтительность преодолев, готов
Оспаривать я смысл твоих последних слов.
Позволь тому, кто был к твоей так чуток славе,
Почувствовать себя хоть на минуту вправе
На эти доводы свободно возразить,
Коль разрешаешь ты во всем себя судить.
Нет смысла уходить от власти, столь законной,
Не преступлением, а доблестью врученной.

Чем благороднее, приятней сан для нас,
Тем подозрительней становится отказ.
Оставь же, государь, подобные сомненья;
Ведь честно своего достиг ты возвышенья,
И без насилия, с открытою душой,
Правления страны переменял ты строй.
Рим покорил себе величьем бранной славы,
И вот над всей землей царит он, величавый.
Закон твой был ему по праву силы дан,
А взявший силой власть не есть еще тиран,
Когда объединил он государства части
И, справедлив в делах, по праву стал у власти.
Так Цезарь поступал; и должен ныне сам
Ты осудить его иль Цезарем стать нам.
Когда такая власть достойна осужденья,
То Цезарь — лишь тиран и заслужил паденье.
И пред богами сам ты должен отвечать
За кровь, что принужден был прежде проливать.
Но можешь ты судьбы возмездья не бояться:
Богами ты храним, и дни твои продлятся.
Грозили гибелью уже не раз тебе,
Но, обнаживший меч, сражен был сам в борьбе
Все гибли замыслы, столь нужные кому-то.
Убийц не мало есть, но среди них нет Брута.
Но если бы пришлось встать перед злом таким,
Все ж лучше умереть владыкой мировым.
Вот что посмел бы я сказать владыке Рима.
И то же ты бы мог услышать от Максима.

М а к с и м

Да, я согласен с тем, что Август возведен
По праву доблести и разума на трон,
Что щедро кровь пролив, рискуя головою,
Беспорно властью он владеет мировую.
И он сложить ее не может без того,
Чтоб не судили все за этот шаг его.
Он Цезаря тогда ославил бы тираном,
Убийство б оправдал в своем сужденье странном.
Да, Рим по праву твой, и ты хозяин в нем —
Ведь властны мы всегда в наследии своем,
Мы иль храним его, иль жаждем отказаться.
Но всяких низких чувств нам надобно чуждаться.

Ты, покоривший все, свой утвердивший дом,
Величья своего останешься ль рабом?
Так будь же сам собой, страстям не уступая,
Им не сдавайся в плен, душой их побеждая,
И подданным своим старайся доказать,
Что самого себя ты в силах побеждать.
Ты Риму славному обязан был рождением.
Так отплати ему свободы воскрешеньем!
А Цинна хочет счесть великою виной,
Что сделать ты хотел свободным край родной!
Он доброту твою раскаяньем считает
И добродетель тем безмерно унижает.
Подобный замысел должны мы презирать,
На нем бесчестия положена печать.
Долг пред отечеством мог выполнить ты свято,
Дав Риму больше, чем он дал тебе когда-то.
Ужель признательность столь тяжкая вина,
Когда и самый дар превысила она?
Так продолжай же путь, одним богам внимая.
Ты славу обретешь, насилье презирая,
Потомки помянут тебя немало раз,
Но не за эту власть, — за отреченья час.
К верхам могущества вести нас может счастье,
Но доблесть высшая — отказ от этой власти.
Немногие из нас способны презирать
Все то, что может власть достигнутая дать.
Подумай и о том, что ты правитель в Риме,
А здесь, какое бы тебе ни дали имя,
Не любят тираний, — к ним злобою горя,
И в императоре все видят лишь царя.
Тираном кажется он Риму непременно.
Кто предан власти — раб, кто любит — в том измена,
Кто терпит иго — слаб, его должны хулить,
И доблесть только в том, чтобы свободным слыть.
А то, что это так, не может быть сомнений —
Уж десять видел ты напрасных покушений.
Что, коль опасность ждет в одиннадцатый раз?
Ведь, может, все, о чем я говорю сейчас,
Есть только верный знак, что небо посылает.
Иных путей тебя спасти оно не знает.
Зачем ты доводам вверяешься пустым?
Прекрасно умереть владыкой мировым,

Но смерть нельзя признать достойною и правой,
Коль жизнь нас доброю не увенчала славой.

Ц и н н а

Любовь к отечеству была всегда важна,
Но благу общему должна служить она;
Свобода, будто бы желаемая Римом,
Была бы для него благодеемь мнимым,
Несущим только вред, и не равна тому,
Что Цезарь может дать народу своему.
Тому, кто заслужил, он раздает награды,
За злодеяния карает без пощады,
Со справедливостью распределяет он
Гражданские блага, ничем не отвлечен.
В народоправстве же иначе все бывает;
Рассудка голосу народ уж не внимает,
Все честолюбием захвачены права,
Продажны почести, а честность — лишь слова.
Ничтожнейший тиран, чьей власти нет и года,
Сознав, что краткий срок он нужен для народа,
Счастливых замыслов срывает ранний цвет,
Чтоб не отдать плода идущему вослед.
И коль грядущее его уж не тревожит,
Он с поля общего берет себе, что может,
И верит, что легко простит потерю тот,
Кто так же, как и он, поступит в свой черед.
Всех хуже государств то, где народ — владыка.

А в г у с т

Однако Рим таков, от мала до велика,
И ненависть к царям, что длится пять веков,
Что с молоком сосать младенец здесь готов,
В сердцах, мне кажется, вовек неистребима.

М а к с и м

Да, удивительно упорство злое Рима!
Оздоровительных народ не хочет мер,
В обычаях ему, не в разуме — пример;
И заблуждение, отвергнутое Цинной,
Народу кажется отрадою единой.
Питая эту мысль, стремясь к мечте своей,
Столь часто он ступал по головам царей,

Их достояние отдав на разграбленье!
Где мог бы он найти приятнее правленье?
Сказать осмелюсь я, что не всегда одно
Правленье на земле народам суждено.
Повсюду с нравами страны оно согласно,
И изменить его пытались бы напрасно.
Таков закон небес; он нам за годом год
Различие меж них разумно бережет.
Так, Македония царю была бы рада;
Свободе с давних пор отвержена Эллада;
Парфяне с персами властителей хотят,
И нужен римлянам один лишь консулат.

Ц и н н а

По мудрости небес — и в этом нет сомнений —
Народу каждому присущ особый гений,
Но так же верно то, что место или век
Меняют все, что мог замыслить человек.
Рим от царей имел и стены и рожденье,
От консулов своих — и славу и значенье;
А в наши времена ты от своих щедрот
Так сделал, что сейчас счастливым стал народ.
Уже не отданы мы войнам без защиты.
Ворота Януса оружием закрыты —
То, что при консулах мы видели лишь раз,
То, чем второй наш царь всех осчастливил нас.

М а к с и м

Но волею небес смененное правленье
Не стоит крови нам и не несет мученья.

Ц и н н а

Народ — и то богов незыблемый закон —
За счастье дорого платить был обречен.
Кровь при Тарквинии нам землю обаграла,
При первых консулах сражались мы немало.

М а к с и м

Так, значит, небу враг был предок твой, Помпей,
Когда сражался он за вольность прежних дней?

Ц и н н а

Когда бы небо нам дать рабство не решило,
Оно бы Рим рукой Помпея защитило.
Но смерть его теперь для будущих времен
Всем знак того, что Рим другой избрал закон,
Что славу он найдет в том самом человеке,
Который вольности лишил его навеки.
Он ослепил весь Рим величием своим,
Но, полный славы, сам не наслаждался им.
С тех пор как город стал владыкою вселенной
И множество богатств его сокрыли стены,
С тех пор как в подвигах, в величье стольких дней
Рождает граждан он, что всех царей сильней, —
Здесь, голоса скупив, патриции все время
Дают почувствовать народу власти бремя,
А тот, в золотых цепях, считает, что закон,
Полученный с верхов, им снизу возглашен.
Терзаясь завистью, питая лишь интриги,
Здесь все в кровавые вступать готовы лиги:
Так Сулла — Марию, а Цезарю — мой дед,
Тебе — Антоний, все глядели злобно вслед.
Вот почему у нас немыслима свобода —
Гражданских войн она причина для народа.
Средь тяжких смут ее и горестных невзгод
Кто — равенство, а кто — властителя зовет.
Чтоб Рим сейчас спасти, пусть правит тот над нами,
Кто мир восстановить способен меж врагами.
Ты родину свою не можешь не любить,
От распрей должен ты ее освободить.
Власть Суллы захватил и, расставаясь с нею,
К насилью открыл путь Цезарю, Помпею.
Зол столько не могло б на нашу долю пасть,
Когда б семье своей он отдал эту власть.
Убийство Цезаря, потворствуя их видам,
К насилью привело Антония с Лепидом;
И римлянами Рим повержен был бы в прах,
Когда бы крепко власть ты не держал в руках.
Отрекшись от нее, ты Рим, лишенный славы,
Невольно возвратишь к несчастьям войн кровавых,
И в жилах у него оставшаяся кровь
С начавшейся войной польется вновь и вновь.

Ты любишь родину, ты сжалишься над нами!
Моими молит Рим тебя сейчас устами.
Припомни — за тебя немалою ценой
Он должен был платить, в нем кровь лилась рекой;
И коль покой ему теперь послали боги,
Уже подумать он не может без тревоги,
Что, уходя, его ты хочешь одарить
Добром, какого он не в силах сохранить.
Коль мы такой ценой должны искать другого,
Коль дорога тебе честь края, нам родного,
Коль тот печальный дар возьмет страна моя, —
Не смею высказать все, что предвижу я.
Ты должен сохранить себя, власть оставляя
Тому, кто возродил бывшее счастье края.
Чтоб смело мы могли довериться судьбе,
Назначь достойного преемника себе!

А в г у с т

Нам спорить незачем, и я хочу того же.
Мне дорог мой покой, но Рим еще дороже,
И что бы ни могло со мной произойти —
Пускай погибну я, лишь бы его спасти.
Напрасно жаждет прудь спокойствия простого.
Прав, Цинна, твой совет, и власть беру я снова.
Но в ней я помощи жду от обоих вас.
Правдивость ваших чувств мне дорога сейчас.
В советах, что вы мне давать готовы оба,
Вам родина важна, а с ней моя особа.
Одна любовь могла на спор вас вдохновить,
И оба вы должны награду получить.
Тебя в Сицилию, Максим, я посылаю,
Чтоб плодородному ты дал законы краю.
Ты именем моим в ней должен управлять,
За каждый твой приказ я буду отвечать.
Эмилию даю тебе я, Цинна, в жены.
Как Юлии, почет ей будет заслуженный.
Необходимость нас, тревоги без конца
Заставили давно казнить ее отца,
Но к милостям моим ей все открыты двери,
Что утешением послужит ей в потере.
Скажи, что мною ты сейчас был послан к ней.

Я знаю, многих ты уже ей стал милей,
Тебя обрадует она своим ответом.
Прощай же! Ливии иду сказать об этом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ц и н н а, М а к с и м.

М а к с и м

Что думаешь о том, в чем убеждал ты нас?

Ц и н н а

Что думал прежде я, то мыслю и сейчас.

М а к с и м

Вождь заговорщиков стал другом тирании!

Ц и н н а

Вождь заговорщиков простил ее впервые.

М а к с и м

Свободным видеть Рим хочу.

Ц и н н а

Освободить

И я его хочу, но вместе с тем — отмстить.
Жестокость Августа не знает утolenья,
Разбиты алтари, разграблены именья
Средь землепашцев страх, Рим полон мертвецов —
А он раскаяться и отдохнуть готов.
Когда от наших рук он примет наказание,
Раскаяньем купить он сможет оправданье.
Он был жесток, провел кровавых много мер
И безнаказанность была б плохой пример.
За римлян мы отмстим. Узнав об этой доле,
Пусть смеет кто мечтать о цезарском престоле!
Не вверит деспотам народ судьбы своей.
Будь с Суллой строже мы, стал Цезарь бы скромней!

М а к с и м

Но гибель Цезаря, столь славного во многом,
Была для Августа жестокостей предлогом,

Свободы жаждал Брут — принес лишь гнет цепей!
Будь Цезарь не убит, стал Август бы скромней.

Ц и н н а

Поступок Кассия, страх Рима неустанный
Вновь возвращают век, где властвуют тираны.
Но это время к нам уж больше не придет,
Коль выберет себе иных вождей народ.

М а к с и м

Хотя мы и вожди, но нам еще не ясно,
Как избежать путей, где шествовать опасно.
Есть ли заслуга в том, чтоб счастья не искать,
Когда себя должны мы смерти подвергать.

Ц и н н а

Однако разве мы правы, воображая,
Что вылечим болезнь, корней не обрезаю;
Для излечения здесь мягкость не нужна,
На рану тяжкую прольет лишь яд она.

М а к с и м

Кровь ран тебе нужна, мне нужно исцеленье.

Ц и н н а

Ты хочешь без труда добыть освобожденье.

М а к с и м

Все средства хороши, чтоб выйти из цепей.

Ц и н н а

Мы их должны порвать лишь доблестью своей.

М а к с и м

Всегда желанною останется свобода.
В ней — благо высшее для римского народа.

Ц и н н а

Не может благом быть то, что дается нам
Тираном, кто терзать привык свободу сам.
Рим слишком сердцем чист, чтоб встретить
ликованьем

Дар деспота, чьим был он долго достояньем,
И тот, кто сохранил в душе свободы жар,
Не сможет не презреть из рук тирана дар.

М а к с и м

Ты и Эмилию готов возненавидеть?

Ц и н н а

Тирана милостей я не хотел бы видеть.
Когда за Рим родной я отомщу сполна, —
Найду ее, хотя б была в аду она!
Да, смертью Августа куплю себе я право,
Взяв за руку ее своей рукой кровавой,
Над урною его брак совершить, чтоб он
За все свои дары был кровью награжден.

М а к с и м

Но ведь Эмилию прельстить едва ли может
Рука в крови того, кто ей отца дороже.
А силою ее ты не захочешь взять.

Ц и н н а

Довольно, во дворце нас могут услышать.
Мы говорим с тобой весьма неосторожно
В том месте, где легко друзей подслушать можно.
Идем — и в тишине обсудим поскорей,
Как к цели нам прийти — спокойней и верней.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Максим, Эвфорб.

Максим

Все знаю от него: судьбою горд своею,
Влюблен в Эмилию, и сам любим он ею.
Но мщенье для нее — любви прямой залог.
Вот почему и нас он в заговор вовлек.

Эвфорб

Неудивительно теперь мне это рвенье,
С каким он Августа не принял отречение.
Распался б заговор — и, гнев свой затая,
Все стали б Августу покорные друзья.

Максим

Мы служим все тому, кто столь неутомимо
Радеет о себе, а не о пользе Рима.
Я ж, пожелав во всем полезным Риму быть,
Несчастный, принужден сопернику служить.

Эвфорб

Тебе соперник он?

Максим

Эмилию люблю я,
И должен ото всех скрывать мечту такую,

Мой сокровенный жар, пред тем как явным стать,
Хотел бы подвигом ее завоевать.
Меж тем из рук моих ее он похищает,
И губит тем меня, и сам того не знает.
Я тороплю успех, что смертью мне грозит,
Сам меч ему даю, что прудь мне поразит.
Повержен дружбой я в ужасное несчастье!

Э в ф о р б

Меж тем помочь в беде, в твоей, конечно, власти.
Порви же эту сеть — есть лишь один исход:
Донос. Лишь он тебе Эмилию вернет.
Ты жизни Августа тем принесешь спасенье,
И он Эмилию отдаст в вознагражденье.

М а к с и м

Как! Друга мне предать!

Э в ф о р б

Любовь права во всем,
Мы в истинной любви друзей не признаем.
Предать предателя нельзя считать виною,
Коль ради женщины сам низок он душою.
Забудь о дружбе с тем, кто помнит только зло.

М а к с и м

Но подражать ему мне было б тяжело.

Э в ф о р б

Ответить злом на зло — законное решенье.
Ведь преступление разить — не преступленье.

М а к с и м

Тем преступлением свободу купит Рим!

Э в ф о р б

Опасно в дружбе быть с изменником таким.
Не к родине его отвага призывает,
Не слава, а любовь его воспламеняет!
Он Цезаря бы чтил, не будь он так влюблен,
В нем благородства нет, неблагодарен он.
Иль, думаешь, всегда правдив он был с тобою?

Нет, не для родины он так пылал душою,
Он страстью, что одним друзьям своим вверял,
Лишь честолюбие искусно прикрывал.
Быть может, он хотел, сразив Октавиана,
Не вольным сделать Рим, а дать ему тирана:
Слепым участником ты был в его судьбе
И гибель, в честь свою, назначил он тебе.

М а к с и м

Как обвинить его, других не называя?
Ведь гибелью для них была бы месть такая.
Его разоблачив, мы тем предать должны
Того, кто жизнь отдать готов был для страны.
Такую подлость я сам осуждаю строго.
Виновен он один — падет невинных много,
Готов сгубить его, боюсь губить других.

Э в ф о р б

Не хочет Август сам жестокостей былых
И, казнями врагов давно уж утомленный,
Накажет главарей, щадя их подчиненных,
А если ждешь для них ты страшного конца,
Скажи, что ты к нему пришел от их лица.

М а к с и м

Напрасен этот спор; безумие прямое —
Эмилию добыть себе такой ценою.
Едва ли человек приятен будет ей,
Который погубил того, кто всех милей.
Что мне от Августа подобная награда?
Нет, не Эмилию, ее мне сердце надо.
Какой же смысл мне в том, чтоб лишь супругом быть,
Когда она меня не хочет полюбить!
Могу ль ее привлечь тройным я оскорбленьем:
И Цинну предал я, и помешал отмщенью,
И жизнь я спас ее смертельному врагу —
Какую же питать надежду я могу?

Э в ф о р б

Да, в трудном ты сейчас, я вижу, положение
И только хитростью добиться б мог решения.

Найди его скорей, чтобы не знать забот,
А время в должный срок и помощь принесет.

Максим

Но если Цинна сам Эмилию укажет,
И, как сообщницу, ее тиран накажет,
Могу ли я просить, чтоб дал в награду он
Мне ту, которой был на гибель осужден?

Эвфроб

Я вижу, для тебя тут, что ни шаг, преграда,
И чтоб их одолеть, пожалуй, чудо надо.
Но если взвесить все и верно рассудить...

Максим

Уйди! Успеем мы о том поговорить.
Вот Цинна. От него могу я, без сомненья,
Узнать полезное для своего решенья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Цинна, Максим.

Максим

Ты так задумчив стал...

Цинна

Причины есть тому.

Максим

О них поведаешь ты другу своему?

Цинна

Эмилия меня и Цезарь так тревожат:
Он слишком добр. Она — быть кроткою не может.
Ах, если б не таким со мной он добрым был,
И сделал, чтоб его я менее любил!
Пусть доброта его Эмилию б смирила,
Пусть, как меня, его б она обворожила!
Терзанья совести ношу в пруди своей,
Благодетяния терпеть мне все больней,

И милость, сдержанно воспринятая мною,
Сжигает сердце мне мучительной тоскою.
Он в мыслях следует за мною по пятам,
Таким, как власть свою передавал он нам,
И нас выслушивал, и сам держал к нам слово:
«О Цинна, власть свою я принимаю снова,
Затем лишь, чтоб с тобой ее мне разделить!»
И я бы мог кинжал тогда в него вонзить!
Но... Я к Эмилии стремлюсь душой своею,
Я клятвой страшною отныне связан с нею...
Враг, ненавистный ей, мной должен быть сражен.
Честь и богов равно предать я обречен.
Клятвопреступник я, убийца ли — не знаю.
Ее или его измене подвергаю?

М а к с и м

Волнений ранее не ведал ты таких,
Казался твердым ты в намереньях своих,
И не скрывал в душе упреков и сомненья.

Ц и н н а

Они пришли, когда стал близок час решенья,
И признаваться в них не хочется, пока
Для совершенья зла не поднята рука.
Душа, что цель свою преследует упорно,
Первоначальному влечению покорна,
Но не бывает ли наш ум порой смущен,
И угнетенности не чувствует ли он?
Я думаю, что Брут, — когда б хотел признаться, —
От замыслов своих готов был отказаться
И, прежде чем разить, испытывал душой
Упреки совести, раскаянье порой.

М а к с и м

Он слишком честен был для этих угрызений
И не подозревал возможности сомнений;
Тирану гибели хотел он тем сильней,
Чем больше милостей дарил ему злодей.
А так как Брут тебе — пример для подражанья,
Ты должен, как и он, не ведать колебанья.
Зачем же Августу ты начал возражать
И тем к свободе путь коварно препраждать?

Ведь этим ты лишил его освобожденья.
И Брут от Цезаря принять мог отречение,
Но риску б он не стал свободу подвергать,
Когда любовь иль месть ей могут помешать.
Пусть дружеством тебя тиран не обольщает,
И тем, что власть свою с тобой делить желает;
Ты должен слушать Рим, внимать его мольбам:
«О, Цинна, возврати то, что ты отнял сам.
И если предпочел ты жить своей любовью,
Не забывай, что я доньне залит кровью».

Ц и н н а

Не упрекай, Максим, несчастного ты в том,
Что к светлой цели он идет не тем путем.
Свою ошибку я пред гражданами знаю —
И то, что взял у них, вернуть им обещаю.
Прости душе моей волненье чувств былых —
Спокойно не могу я видеть гибель их.
Пока с Эмилией я ожидаю встречи,
Дай мне печальным быть, забудь про эти речи, —
Ты мною огорчен, но дай мне одному
Побыть, покорствуя раздумью своему.

М а к с и м

Ты дать себе отчет хотел бы, без сомненья,
И в доброте врага и в собственном смущенье.
Беседе любящих быть тайной надлежит.
Прощай! Я уйду, как скромность мне велит.

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

Ц и н н а.

Ц и н н а

Дай имя лучшее той мысли благородной,
Что добродетелью мне внушена природной;
Она преградою поставить хочет честь —
Неблагодарности, давно таящей месть.
Ты мог бы эту мысль звать слабостью моею —
Перед возлюбленной душою я слабею,
И то я чувство чту, что должен погубить.
А победив его, могу ли счастлив быть?

В противоречиях таких я погибаю:
Что выбрать, наконец, куда идти — не знаю.
Как тягостно душе в сомнениях блуждать!
И плод, который мне так хочется сорвать, —
Любви блаженный день, и мести завершенье,
И честь — для родины добыть освобожденье, —
Не в состоянии привлечь рассудок мой,
Коль куплены они предательства ценой,
Коль на властителя я направляю мщенье,
Который, знаю, полн ко мне благоволенья,
Чьим словом, добротой обласкан я вполне,
Кто в царственных делах внимает только мне.
О, мсть! Изменю душа моя язвима.
Нет, лучше длись вовек ты, злое рабство Рима,
Надежда, погибай, оставь меня, любовь,
Коль в низости своей готов пролить я кровь!
Он предложил мне то, чего я сам желаю —
Я ж кровью Цезаря блаженство покупаю.
Чтоб взять его дары, зачем мне убивать,
Зачем брать силой то, что сам он хочет дать?
Но я в руках у вас — о, клятва страшной мести,
О, гнев Эмилии, отец и голос чести!
Душа моя, рука — во власти все у вас;
Мной только вы одни владеете сейчас,
Вы направляете души моей стремленья,
Лишь ты, Эмилия, дать Августу прощенье
Могла бы — жизнь и смерть его в моих руках,
А ты мной властвуешь в желаньях и мечтах.
О боги, сделали ее вы столь прекрасной, —
Пусть не останется мольба моя напрасной.
И так как мне своей неволи не избыть,
Пусть благосклонною она захочет быть!
Но вот она! Ко мне пускай не будет строгой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эмилия, Цинна, Фульвия.

Эмилия

Терзалась, Цинна, я напрасною тревогой.
Попрежнему тебе верны твои друзья,
И за тебя просить уже не стала я.

Ведь Август Ливии при мне о всем поведал,
И к жизни вновь меня вернула их беседа.

Ц и н н а

И отказалась ты? Дар, что он мне вручил,
Ужели отклонить тебе достало сил?

Э м и л и я

Но все в твоих руках.

Ц и н н а

Твое важнее мненье.

Э м и л и я

Всегда верна себе, не изменю решенья,
Меня тебе вручить — не значит ничего.
Дар этот мог бы ты иметь и без того.

Ц и н н а

А все же ты могла б... Как выразить, не знаю.

Э м и л и я

Чего ж боишься ты?

Ц и н н а

Смущенно я вздыхаю.

Когда бы поняли друг друга мы вполне,
То это объяснять не нужно было б мне.
Боюсь, что для тебя уже не стану милым.
Мне страшно говорить, молчать же нету силы.

Э м и л и я

Мне слушать нелегко.

Ц и н н а

Обоим трудно нам —

И гнев твой на себя я навлекаю сам.
Эмилия, люблю тебя, клянусь богами,
Лишь ты одна зажгла во мне такое пламя,
А страсть, которою горю я все сильней,
Достойна и меня и гордости твоей.
Но если получу твою я руку скоро,

То тяжкой лишь ценой блаженства и позора, —
Ведь Август был так добр...

Э м и л и я

Довольно! Ясно мне,
Что ты колеблешься, раскаялся вполне,
Тирана милости рассудок твой смутили,
И обещаний ты сдержать уже не в силе.
Твой ум доверчивый посмел вообразить,
Что Август и меня тебе бы мог вручить,
Ты хочешь, чтобы он владел моей судьбою?
Не думай взять меня подобною ценою!
Пусть землю под собой он может колебать,
Низвергнуть трон, свое правленье навязать,
Ссылать своих врагов, багрянить кровью воды,
Лик изменять земли, поработать народы, —
Но над Эмилией нет власти у него.

Ц и н н а

Могу ль отречься я от долга своего?
Нет, верен я себе, чисты мои решенья,
Пойти я не хочу на клятвопреступленье.
Теперь покорен я во всем душе твоей.
Желания твои мне собственных важней.
Я мог бы не идти теперь на преступленье,
И ты лишилась бы желанного отмщенья.
Ведь Цезарь, становясь на отреченья путь,
Отвел бы сам клинок, разить готовый прудь.
Тогда б пришел конец решеньям благородным,
И мщение твое осталось бы бесплодным.
Я убедил его власть дальше сохранять,
Я увенчал его, чтобы тебе предать.

Э м и л и я

Ужели хочешь ты, изменник, чтоб сама я
Твой отвела удар, тирану жизнь спасая,
Добычею была, напradoю тому,
Кто власть врагу хотел оставить моему!

Ц и н н а

Зачем клянешь за то, что предан был тебе я?
Я власть тебе вручил над участью злодея.

Что мне все почести? Любовь — вот мой закон!
Хочу, чтоб он погиб иль был тобой спасен.
Но с первым признаком такого подчиненья,
Признательности мне простишь ты изъясленья —
Я недостойный гнев стремился победить,
Тобой плененному любовь тебе внушить.
Душа высокая коварной не бывает,
Неблагодарности, измены избегает,
Неправый путь клянет и счастья покупать
Не хочет, коль на нем есть низости печать.

Э м и л и я

Но правы иногда намеренья такие.
Коварство — все же путь к сверженью тирании,
Коль в пресечение зла идем мы до конца,
То нам нужней всего коварные сердца.

Ц и н н а

Ты доблести полна и в увлеченье местию.

Э м и л и я

По долгу римлянки считаю это честью.

Ц и н н а

Но истый римлянин...

Э м и л и я

Осмелится убить
Тирана, что посмел его поработить.
Смирению раба он смерть предпочитает.

Ц и н н а

Быть Цезаря рабом он доблестью считает.
Цари у наших ног склонялись без венцов
И ждали помощи лишь от таких рабов.
Он поступается для нас своей короной,
Свое могущество нам дарит благосклонно;
Дань с высших он берет, чтоб нас обогатить
И наше же ярмо на них переложить.

Э м и л и я

Напрасно лесть царей тобою столь ценима,
Что ты уже готов забыть свободу Рима!

Найдется ли гордец в любой земной стране,
Кто с римлянином стать посмел бы наравне?
На голову свою навлек наш гнев Антоний
Тем, что с царицею позор делил на троне.
Аттал, пергамский царь, что в пурпур облачен,
Мнил, что от Рима он навек освобожден;
Но к Азии придя владыкою единым,
Не троном горд, а тем, что стал он Рима сыном.
Гордись же именем, достоинством своим,
Которое тебе принес великий Рим,
И знай, что небу так наверное угодно,
Чтоб свергли мы царей и жить могли свободно.

Ц и н н а

Но небо никогда убийства не простит,
Неблагодарным же оно жестоко мстит.
Какие бы питать ни смели мы стремленья,
Оно, воздвигнув трон, мстит за его паденье;
Оно хранит того, кому послало власть,
И на его убийц удар не медлит пасть;
И если наказать преступников решится,
То тотчас гром над их главою разразится.

Э м и л и я

Скажи, что и себя к ним причисляешь ты,
Боишься молнии, грозящей с высоты!
Но что мне говорить? Ступай же к тирании,
Служи ей, исполняй ее причуды злые
И, чтоб спокойствие душе своей вернуть,
Свой род и то, что я тебе сулю, забудь.
Я не воспользуюсь теперь рукой твоею,
За Рим и за отца сама отмстить сумею.
Давно тирана я пролить могла бы кровь,
Когда бы не была помехой мне любовь.
Тебе покорной быть она мне приказала,
И потому я жизнь свою оберегала.
Когда б на Цезаря я руку подняла,
То стражею его убита б я была.
Но смертью не могу порвать я чувства сети:
Лишь для тебя любовь велит мне жить на свете;
И тщетно я хочу, жизнь для тебя храня,
Внушить тебе, чтоб стал достойным ты меня.

Простите, боги, мне. Мечту свою лелея,
Я мнила, что любим был мною внук Помпея,
Но ложный образ мне явила в нем судьба, —
Я сердцем выбрала не мужа, а раба.
Я все ж тебя люблю, и в этом униженье.
И если путь ко мне лежит чрез преступленье,
Кто побоялся бы измен и клеветы,
Чтоб получить меня такой ценой, как ты?
Но знай, не обладать другим рукой моею:
Отдашь тирану жизнь — я все ж умру твоею,
Падет он — с ним моя порвется жизни нить,
Затем, что не посмел меня ты заслужить.
Тирана кровь с моей смешается, я знаю,
Достоинство хранить и в смерти я желаю,
Чтобы сказать тебе, свой не кляня удел:
«Не упрекай судьбу; ты сам того хотел.
В могилу я схожу, что вырыта тобою,
Взяв славу, что тебе была дана судьбою.
Тирана власть сломив, я смерть себе нашла.
Но, если б ты хотел, я б для тебя жила».

Ц и н н а

Ну что ж! Раз хочешь ты — тирану нет спасенья.
Свободы жаждет Рим и твой отец — отмщенья,
Да, должен Цезарь пасть, по праву осужден,
Но ты сама тиран, не менее чем он.
Он может взять у нас жизнь и добро — не боле,
Но души до сих пор он не держал в неволе;
А красота твоя могуществом страшна:
Над волей, над умом владычица она.
Ты хочешь, чтобы я ценил позор ужасный
И ненавидел то, что я любил так страстно,
Чтоб кровь пролил того, кому отдать сейчас
Кровь должен бы свою — и много сотен раз.
Тебе покорен я. Сдержать я должен слово,
И, выхватив клинок, рука моя готова
Того, кто мил тебе, безжалостно сразить
И тем возмездие вослед за злом явить,
Чтоб этим действием, с другим соединенным,
Утратив славу, быть любимым и прощенным.
Прощай же!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эмилия, Фульвия.

Фульвия

В горе весь он погружен душой.

Эмилия

Забудет пусть меня, иль долг исполнит свой!

Фульвия

Готов он слушаться и жизни не жалея.
Ты плачешь, вижу я?

Эмилия

Беги за ним скорее!
Коль хочешь мне, как друг, услугу оказать,
Скажи ему, что он не должен умирать,
Что...

Фульвия

Ради Цинны ты шлешь Августу спасенье?

Эмилия

Ах, ненависть моя иного ждет решенья!

Фульвия

Еще что?

Эмилия

Пусть свершит то, что желаю я, —
А после выберет: смерть иль любовь моя...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Август, Эвфорб, Поликлет, стража.

Август

Все то, что ты сказал, Эвфорб, невероятно...

Эвфорб

Столь ужаса полно, столь дико, непонятно...
Подобной ярости нам верится с трудом,
Приводит в ужас нас одна лишь мысль о том.

Август

Как! Цинна! И Максим! Мои друзья, те двое,
Кому оказывал вниманье я большое,
Пред кем открыл я грудь, кого я сам избрал,
Чтобы могуществен и знатен каждый стал,
Меж тем как всю страну я дал им в управление,
Они на жизнь мою готовят покушенье!
Максим сознал вину, — я извещен о том, —
И он не лжет душой в раскаянье своем,
Но Цинна!..

Эвфорб

Он один упорен в гневе яром,
На вашу доброту ответствуя ударом,
Он заговорщикам стремится помешать —
Как сделал то Максим — свою вину признать.

Пытаясь одолеть их робость и сомненье,
В их души прежнее вдохнуть он хочет рвенье.

А в г у с т

Он ободряет их, в соблазны вводит их!
О, самый дерзкий враг из всех существ земных,
О, ярость фурии и гнев неуправимый!
Предательский удар руки, мной столь любимой!
Тобою предан я, о Цинна... Поликлет!

(Говорит что-то на ухо Поликлету.)

П о л и к л е т

Все будет сделано — вот, Цезарь, мой ответ.

А в г у с т

Максима пусть найдет Эраст без промедленья.
Пусть он придет принять вины своей прощенье.

Поликлет уходит

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А в г у с т, Э в ф о р б.

Э в ф о р б

Он сам себя винит в своем проступке злом.
Едва лишь из дворца он в свой вернулся дом,
Как, с ужасом в глазах, исполненный страданья,
Не в силах удержать ни вздоха, ни рыданья,
Он проклял жизнь свою и заговор. И сам,
Чтоб все я рассказал, меня отправил к вам.
Несчастье предупредить он дал мне порученье:
«Скажи, что гнусное свершил я преступленье —
Не знал еще вины столь тяжелой человек!»
И к Тибру бурному он устремил свой бег.
Он бросился в поток. Но в сумраке неясном
Не мог увидеть я, что случилось с ним, несчастным.

А в г у с т

Так преступлением он сам раздавлен был
И милости моей навек себя лишил.

Сознавшему вину дарую я прощенье,
Но так как сам вины нашел он испуление,
Смотрите за другим. Пусть строго стерегут
Свидетеля, что нам о том поведал тут.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Август.

Август

О небо, где же тот, кому теперь открою
Все помыслы души, все, что живет со мною?
Возьми же от меня такую власть скорей,
Коль, подданных мне дав, ты отняло друзей,
Когда лишь в том судьба властителей на троне,
Что их добро других лишь к ненависти клонит,
И если тех любить они осуждены,
Которые порой их погубить должны.
Все шатко на земле. Для власти все опасно.
Октавий, твердым будь! Колеблешься напрасно.
Пощады хочешь ты? Кого ж ты сам щадил?
Подумай, сколько сам ты в мщенье крови лил?
По Македонии она ручьем струилась,
И не хотел врагам оказывать ты милость.
А сколько пролил Секст! Припомни, сколько в ней
Топил Перузии он смелых сыновей,
Припомни всю свою жестокость при отмщенье,
Казненных, изгнанных ужасные виденья,
Когда для близких ты стал злобным палачом,
Грудь воспитателя пронзив своим ножом.
Не смей же обвинять теперь судьбы удары,
Коль все сподвижники тебе готовят кары,
Коль взять они хотят, твой повторив удел,
Правда, что соблюдать совсем ты не умел.
Они во всем правы, к ним небо благосклонно —
Оставь же, как и взял, свой сан, судьбой врученный.
Позволь неверности неверностью дышать —
Неблагодарность сам ты должен признавать.
Но в этот час меня рассудок покидает,
Мой ум меня винит, тебя же он прощает,

Тебя, чей заговор велит мне сохранить
Ту власть, что вызвала в тебе желанье мстить.
Мне ль мнить себя твоей изменой заклеянным,
Оставить навсегда трон этот незаконный.
И, оправдание придав делам твоим,
Пасть от твоей руки, чтоб был счастливым Рим?
Как мог бы я принять подобное решенье?
И ты, ты будешь жить, внушив мне страх, смятенье?
Нет! Самого себя то значило б предать.
Прощающий дает возможность оскорблять.
Смерть, — главарю, другим — темница! Без боязни
Тогда смогу я жить. Да, но все время — казни?
От крови я устал — а перестать нет сил.
Хотел я страх внушать, но гнев лишь пробудил.
Рим гидрой на меня восстал многоголовой:
Отрубишь голову — родятся сотни снова,
И сколько б крови я ни захотел пролить,
Лишь ненависть внушу. В покое мне не жить.
Октавий, новый Брут твои окончат беды!
Умри, но над собой не дай ему победы.
Умри! Стремленье жить и тщетно и смешно,
Коль гибели твоей ждут лучшие давно,
Коль счастья больше нет для молодежи знатной,
Чем мысль о том, что ты погибнешь безвозвратно
И Римом управлять уже не сможешь впредь.
Умри, коль надо все отдать иль умереть.
Не так уж жизнь важна. Добытое тобою
Не стоило бы брать столь тяжкою ценою.
Умри, но жизнь покинь, исполнен торжеством,
Свой факел погаси в крови, борясь со злом.
Ты можешь отплатить ему и умирая,
Достигнуть цели дай, но порази, карая.
Пусть видом он твоих казнится похорон,
На твой взирая труп, терзается пусть он.
Я наслажусь уж тем, что он не минет казни.
Меня не любит Рим, но полон он боязни.
О римляне, о месть, о данная мне власть!
В борьбе с самим собой душе не дайте пасть
Или отвергнуть все, к чему она влечется;
Совет несчастному пускай у вас найдется.
Какой из двух путей мне следует избрать —
Покорно встретить смерть иль властвовать опять?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Август, Ливия.

Август

Ты знаешь, предан я. Тот, кто злоумышляет,
К несчастью, всю мою уверенность смущает.
Предатель — Цинна.

Ливия

Да. Эвфорб мне все раскрыл.
Я, слушая его, почти лишилась сил.
Совету женщины внимать ты в состоянье?

Август

Ах, могут ли помочь твои мне указания?

Ливия

Без пользы для себя ты часто был жесток
И этим создавал злословия предлог.
Казнь не урок другим, не страх, а лишь обида.
Сальвидий вдохновил на мятежи Лепида,
Мурена встал ему вослед и Цепион,
И то, что каждый был в мучениях казнен,
Игнацию в его не помешало мести —
И Цинна, не страшась, на их быть хочет месте.
Они желали все у черни быть в чести
И замыслом своим величье обрести...
И вышло так, что их ты покарал напрасно.
Над Цинной испытай, насколько милость властна!
Пускай смущение теперь его гнетет,
И заговор тебе лишь пользу принесет;
Казнь вызвать в городе способна лишь волнение,
Но славу большую тебе дало б прощенье,
И те, кого та казнь должна б ожесточить,
Великодушие оценят, может быть.

Август

Так завоюем всех — уйдя от этой власти,
Несущей ненависть, питающей лишь страсти!

Я принял твой совет и долго размышлял.
Ни слова более: я взвешивать устал.
Так не томись, о Рим, о вольности тоскуя:
Я в цепи вверг тебя, и сам их разобью я.
Свободу, от тебя отторгнутую злом,
Я возвращу тебе, но добрым лишь путем.
Коль ненавидишь ты, не нужно притворяться,
Коль хочешь полюбить, не бойся в том признаться.
Честь и могущество, что Суллой возвращены,
Готов я дать тебе для блага всей страны.

Л и в и я

Не слишком ли его пример тебя прельщает?
Иное ведь тебя, быть может, ожидает.
То счастье, что его хранило все года,
И счастьем звать нельзя, коль есть оно всегда.

А в г у с т

Что ж! Коль влечет меня к нему лишь заблужденье,
Я дам всю кровь свою пролить без сожаленья.
Корабль, кончая путь, приходит в порт родной.
Зову одно из двух: иль смерть, или покой.

Л и в и я

Как! Хочешь ты презреть то, что судьба послала?

А в г у с т

Как! Сохранить все то, что ненавистным стало?

Л и в и я

Кто подчинить себя способен так страстям,
Пример отчаянья — не силы явит нам.

А в г у с т

Царить и миловать предателя — конечно,
Не признак доблести, а слабости беспечной.

Л и в и я

Но быть властителем и над душой своей —
Вот доблесть, истинно достойная царей.

А в г у с т

Ты обещала мне помочь своим советом
И слово держишь ты — я убедился в этом.
Поправ своих врагов властительной пятой,
Я правлю двадцать лет и долг в том вижу свой.
Я новый создал строй — разумное правленье —
Вот долг властителя в подобном положенье,
А тайный заговор осудит весь народ,
Одна лишь мысль о нем — и то нам вред несет.
В нем вся страна себе признала оскорбленье.
Мне нужно или мстить, или сложить правленье.

Л и в и я

Обманчивым страстям не должен ты служить.

А в г у с т

Честолюбива ты, а нужно сильной быть!

Л и в и я

Зачем пренебрегать спасительным советом?

А в г у с т

Подскажет небо мне решенье в деле этом.
Прощай, я ухожу.

Л и в и я

Тебя не брошу я,
Должна бы убедить тебя любовь моя.

А в г у с т

То честолюбие. Ты в явном заблужденье.

Л и в и я

Тебя, а не твое люблю я положенье!

(Одна.)

Ушел. Спешу за ним. Хочу, чтоб понял он,
Что милосердием он укрепит свой трон,
Что милости к врагу есть признак несомненный
Величия царей перед лицом вселенной.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эмилия, Фульвия.

Эмилия

Сейчас я счастлива... Откуда же пришло,
Что мой покой смутить не в силах это зло?
За Цинной Цезарь шлет — а я не жду угрозы!
Тревоги нет в душе, я осушила слезы,
Как будто тайный я услышала намек,
Что огорчения не принесет мне рок,
Я не ошиблась, нет? Ты это мне сказала?

Фульвия

Да, жизнь он предпочтет, мне это ясно стало.
Добилась я того, что Цинна, присмирив,
Хотел прийти сюда, чтоб вновь смягчить твой гнев.
Спокойна я была... Как вдруг я Поликлета,
Увидела в дверях, дворцового клеветы;
Тот, к Цинне подойдя, шепнул ему, что он
Немедля к Августу явиться приглашен.
А Цезарь, говорят, сейчас в большом смущенье,
И разные о том высказывают мнения:
Решили, что ему стал чем-то горек свет,
Что Цинну пригласил к себе он на совет.
Одно неясно мне — о том сейчас сказали, —
Что двое воинов Эвандра задержали,
Что схвачен и Эвфорб без видимых причин,
Что в чем-то обвинен его был господин,
Что страшное над ним нависло подозренье,
О Тибре говорят и о каком-то мщенье.

Эмилия

О, сколько поводов для страха, для тоски!
Но от меня сейчас волненья далеки,
И мне спокойствие в тот миг внушают боги,
Когда терзаться я должна была б в тревоге,
И, хоть недавно страх пришлось мне испытать,
Бесстрастна я, когда должна бы трепетать.
О боги! Вижу я, вы волею благою
Хотите, чтобы я была чиста душою.
Лишили вы меня рыданий, вздохов, слез,

Чтоб стала смелой я перед лицом угроз,
Вам нужно, чтоб я смерть с тем мужеством встречала,
Которое меня на подвиг вдохновляло.
Так пусть погибну я, услышав ваш приказ,
Такой, какой меня вы видите сейчас!
О, мой свободный Рим, о, дух отца, мне милый!
Я совершила все, что только в силах было!
На вашего врага я подняла друзей
С отвагой, чуждою досель душе моей.
Успеха не стяжав, я все ж стяжала славу,
Не в силах отомстить, я к вам иду по праву.
Великий, грозный гнев во мне неукротим.
Я гибелью своей тебя достойна, Рим;
И ты во мне признать захочешь, без сомненья,
Героев кровь, во мне текущую с рожденья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Максим, Эмилия, Фульвия.

Эмилия

Как, это ты, Максим? Ты жив и невредим?

Максим

Эвфорб не так донес. Обманут Август им.
Задержанный Эвфорб, боясь разоблаченья,
Так Цезарю сказал, чтоб мне купить спасенье.

Эмилия

А Цинна?

Максим

Говорят, безмерно потрясен,
Узнав, что Цезарь был о тайне извещен.
Но тщетно спорил он, виновность отрицая, —
Эвандр все рассказал, хозяина спасая.
Сам Цезарь приказал тебя схватить сейчас.

Эмилия

Что ж медлит тот, кому был отдан сей приказ?
Идти готова я, мне тяжело ожиданье.

Максим

Он в доме ждет моем.

Эмилия

Как?

Максим

Все скажу заране,
Чтоб не дивилась ты. Тебя судьба хранит.
Он заговорщик наш, и с нами он бежит.
Воспользуемся тем, что нам судьба послала,
Спешим же на корабль, он ждет нас у причала.

Эмилия

Как смеешь мне, Максим, ты бегство предлагать?

Максим

Для Цинны я готов всего себя отдать.
Хотел бы я спасти от высшего несчастья
И ту, в ком для него заключено все счастье.
Бежим! Настанет день — и скоро, может быть, --
Когда, спасенные, мы сможем отомстить.

Эмилия

Но Цинна и в беде достоин восхищенья,
Нам пережить его нельзя и для отмщенья.
Кто остается жить, когда погублен он,
Тот низостью души навеки заклеямен.

Максим

Впадать в отчаянье с такою слепотою,
О, боги! Слабой быть тебе, с твоей душою!
А ты, не чувствуя желанья борьбы,
Готова тотчас пасть под натиском судьбы!
Нет, доблесть высшая в душе моей хранима,
Раскрой глаза, взглядишь внимательно в Максима,
Ведь Цинну нового должна ты в нем открыть,
Любимого тебе он может заменить,
А так как дружба нас в одно соединила,
То, полюбив меня, его б ты полюбила.
Ведь тем же пламенем способен я пылать!
Я...

Э м и л и я

Смеешь ты любить, не смея жизнь отдать!
Ты хочешь многого. Но, высказав признанье,
По крайней мере будь достойным и желанья,
Иль славной гибели не думай убежать,
Иль сердце низкое не смей мне предлагать.
Исполнив твердо долг, достойный восхищенья,
Ты, если не любовь, внушишь мне уваженье.
Будь истый римлянин с отвагою в крови, —
И мил мне станешь ты, хотя и без любви.
Нет! Если с Цинной ты воистину был дружен,
Не думай, что его возлюбленной ты нужен.
Пора о долге здесь договориться нам;
Дай в этом мне пример или внимай мне сам.

М а к с и м

Ты горю предалась безмерно, слишком страстно!

Э м и л и я

Ты хитрость скрыть свою стараешься напрасно,
И возвращенье мне счастливое сулишь,
И в горестях таких о страсти говоришь!

М а к с и м

Едва начав любить, томлюсь я, пламенея,
Ведь друга своего люблю сейчас в тебе я,
И если б так же ты, как некогда пред ним...

Э м и л и я

Не думай, что совсем уж я проста, Максим!
Полна утратой я, но разум сохранила,
Мое отчаянье меня не ослепило.
Высокой доблести полна душа моя,
И знаю то, что знать так не хотела б я.

М а к с и м

Меня в предательстве подозревать ты стала?

Э м и л и я

Да, если хочешь ты, чтоб правду я сказала,
Настолько хорошо продуман бегства план,

Что в праве я считать, что это все — обман.
И много б милости нам оказали боги,
Когда бы без тебя рассеяли тревоги.
Беги один! Любовь мне тягостна твоя.

Максим

Ах! Ты безжалостна!

Эмилия

Сказала б больше я.
Не бойся, что тебя теперь хулить я стану,
Но и не жди, чтоб я поверила обману.
Коль думаешь — с тобой несправедлива я,
Иди со мной на смерть, чтоб оправдать себя.

Максим

О нет. Ты жить должна, и знай, что я повсюду...

Эмилия

Лишь пред Октавием тебе внимать я буду.
Идем же, Фульвия!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Максим.

Максим

О, горечь свыше сил!

По справедливости отказ я получил.
На что ж решиться мне? Я казни столь ужасной
Сам этой хитростью обрек себя напрасной.
Надежды нет, Максим, теперь душе твоей.
Она расскажет все пред гибелью своей,
И тот же эшафот всем явит в смерти близкой
Ее величие и твой поступок низкий.
Навек останется в потомстве с этих пор
Твое предательство, заслуженный позор.
В один и тот же день ты погубил, несчастный,
Владыку, друга, ту, кого ты любишь страстно,
И оттого, что сам ты в низости своей
Тирану в руки мог отдать своих друзей,

В награду получил ты стыд и раздраженье,
Да гнев, который жжет тебя без сожаленья.
Эвфорб, причиною всему был твой совет,
Но доблести в рабах еще не видел свет.
Вольноотпущенник всегда рабом бывает:
Жизнь изменяя, он души не изменяет.
Хотя свободою и был отмечен ты,
Но благородства в ней не мог явить черты.
Неправой власти ты принес мне обольщенье,
Заставил запятнать честь моего рожденья.
Боролся я с тобой, но ты меня сломил,
И сердце ты мое обманом очернил.
И жизнь теряю я и доблестное имя,
Так слепо обольщен советами твоими,
Но, видя зло твое, позволят боги мне
За любящих, Эвфорб, тебе отмстить вдвойне.
Пусть тягостно мое пред ними преступленье,
Я кровь готов свою пролить для искупленья,
И в состоянии отмстить рука моя
За то, что некогда тебя мог слушать я!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Август, Цинна

Август

Сюда, о Цинна, сядь, и трезвою душою
Взвесь то, что выскажу сейчас я пред тобою;
Не возражая мне, словам моим внимай
И речь мою ничем пока не прерывай.
Будь нем; но коль тебя внимание такое
Лишит хотя б на миг душевного покоя,
Когда окончу я, ты можешь возразить.
Хочу лишь этого я у тебя просить.

Цинна

Я повинуюсь.

Август

Но условия такого
Держись — тогда и сам свое сдержу я слово.
Воспитан, Цинна, был ты средь врагов моих,
И мой отец и я зло видели от них.
Средь чуждых мне людей ты получил рожденье,
Ты, перейдя ко мне позднее в подчиненье,
Их ненависть посмел в душе своей сберечь,
И на меня теперь свой обращаешь меч.
Еще с рождения врагом ты мне считался,
Потом, узнав меня, ты все же им остался.

И злота у тебя в крови; в душе своей
Ты держишь сторону враждебных мне людей
И с ними ненависть ко мне питаешь злую.
Но я, любя тебя, мщу, жизнь тебе дарюя.
Я сделал пленником тебя, друга с тобой,
И в милостях моих стал двор тебе тюрьмой.
Сперва я возвратил тебе твои именья,
Потом Антония дал земли во владенье.
Ты знаешь, я всегда с тобою ласков был,
Благоволение и почести дарил.
Блага, которые тебе так милы были,
Ты тотчас получал, не ведая усилий.
Ты стал знатнее тех, кто при дворе моем
Заслугами бы мог гордиться и родством,
Кто мне могущество купил своею кровью,
Кто охранял меня столь преданной любовью.
Я так был добр к тебе, что победитель мог
Завидовать тому, кто побежденным лег.
Когда же небом был лишен я Мецената
И горе пережил, томившее когда-то,
Его высокий сан тебе я передал,
Чтоб ты советником моим первейшим стал.
Еще не так давно, душой изнемогая,
От власти Цезаря уйти навек желая,
С Максимом и с тобой советовался я,
И только за тобой пошла душа моя.
На брак с Эмилией я дал тебе согласие,
Чтоб все здесь твоему завидовали счастью.
Я так тебя взыскал, что, отличен во всем,
Ты б меньше счастлив был, когда бы стал царем.
Ты знаешь это сам; такую честь и славу
Столь скоро позабыть ты не имел бы права.
Так как же можешь ты, все в памяти храня,
Стать заговорщиком, чтобы убить меня?

Ц и н н а

Как, государь! Чтоб я бесчестное желанье
Таил в душе...

А в г у с т

Но ты не держишь обещанья.
Молчи; ведь я не все успел тебе сказать.

Я кончу — и тогда пытайся отрицать.
Теперь же мне внимай, не прерывая боле:
Ты смерть готовил мне у входа в Капитолий,
При приношенье жертв хотел своей рукой
Над чашей нанести удар мне роковой.
И часть твоих друзей мне б выход заслонила,
Другая же тебе б помочь успела силой.
Как видишь, обо всем я извещен сполна.
Ты хочешь, чтоб убийц назвал я имена?
То Прокул, Глабирьон, Виргиниан, Рутилий,
Помпоний, Плавт, Ленас, Альбин, Марцелл, Ицилий,
Максим — которого я другом мог считать, —
А остальных из них не стоит называть.
Вот кучка тех людей, погрязших в преступленье,
Которым тяжело законов проявленье,
Которые, тая бесчестность дел своих,
Законов не любя, стремились свергнуть их.
Вот ты теперь молчишь, но вызвано молчанье
Смущением у тебя, в нем нету послушанья.
Чего же ты хотел, о чем же ты мечтал,
Когда б поверженный у ног твоих я пал?
Свободу дать стране от слишком тяжелой власти?
Коль мысли я твои понять мог хоть отчасти,
Спасение ее зависит от того,
Кто крепко держит жезл правленья своего.
А если замышлял ты родины спасенье,
Зачем мешал ты мне дать ей освобожденье!
Из рук моих ты б мог свободу эту взять —
И было б незачем к убийству прибегать.
Так в чем же цель твоя? Сменить меня? Народу
Опасную тогда приносишь ты свободу.
И странно, что в душе стремленье к ней храня,
Одно препятствие находишь ты — меня!
Коль тяжелой родину я награждал судьбою,
То легче ль будет ей, забыв меня, с тобою?
Когда я буду мертв, ужель, чтоб Рим спасти,
Власть к одному тебе достойна перейти?
Подумай, вправе ль ты довериться расчетам.
Ты в Риме так любим, ты окружен почетом,
Тебя боятся все, готовы угождать,
И у тебя есть все, что мог бы ты желать,
Но и врагам своим внушал бы ты лишь жалость,

Когда бы власть тебе, ничтожному, досталась.
Осмелься возразить, скажи, чем славен ты,
Какой в достоинствах достиг ты высоты,
Чем похвалиться бы ты мог передо мною
И чем возвыситься по праву над толпою?
Тебе могущество, тебе дал славу я,
Тебе опорой была лишь власть моя.
Всеобщее не сам стяжал ты поклоненье,
В тебе моих щедрот все видят отраженье,
И если б я хотел, чтобы ты пал скорей,
Поддержки стоило б лишить тебя моей.
Но уступить хочу я твоему желанью.
Бери отныне власть, предав меня заклянью.
Ужель Сервилия, Метелла славный род,
Потомки Фабия, которых чтит народ,
Потомки тех мужей, какими Рим гордится,
В чьих жилах пламенных героев кровь струится,
Забудут хоть на миг о прадедах своих
И примирятся с тем, что ты стал выше их?
Ну, говори теперь!

Ц и н н а

Я чувствую смущенье.
Не гнев твой страшен мне, не смерти приближенье,
Я в думы погружен. Я кем-то предан был,
И не могу понять, кто делу изменил.
Но мысль о том хочу я отогнать скорее.
Я все же римлянин, потомок я Помпея.
Что деда моего осмелились убить,
И гибель Цезаря не может искупить.
Я предан цели был высокой, благородной.
Коль низостью тебе считать ее угодно,
Не жди, что я себя готовлюсь упрекать,
Бесплодно сожалеть и слезы проливать!
Тебя судьба спасла, меня же погубила.
Мы оба сделали, что сделать нужно было.
Ты славу приобрел для будущих времен
И гибелью моей в опасностях спасен.

А в г у с т

Опять упорствуешь ты в дерзости признаний,
Не каешься в вине, не ищешь оправданий.

Посмотрим, до конца ль отважен ты душой,
Ты свой исполнил долг, и я исполню свой.
Суди же сам себя, возмездье избирая.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ливия, Август, Цинна, Эмилия, Фульвия.

Л и в и я

О заговорщиках все рассказать пришла я.
Эмилия среди них — сейчас узнала я.

Ц и н н а

О, боги, то она!

А в г у с т

Ты тоже, дочь моя?

Э м и л и я

В том, что он совершил, себя винить мне надо:
Ведь я всех дел его причина и награда.

А в г у с т

Как! Лишь сегодня ты успела полюбить —
И жизни для него порвать готова нить?
С какой поспешностью ты жертвуешь собою
Тому, кто только что тебе вручен был мною!

Э м и л и я

Любовь, с которой я пришла сюда сейчас,
Не долг покорности, не отклик на приказ.
И ты не властен в том, чтобы сердца пылали.
Четыре года мы любовь от всех скрывали.
Любила Цинну я, и мне был предан он,
Но ненавистью был союз наш вдохновлен.
Надежду светлую ему я подавала,
За моего отца пусть отомстит сначала.
И он поклялся мне, собрал своих друзей...
Все ж сбыться не было дано мечте моей.
Нет, не с покорностью стою я пред тобою,
Я Цинну не спасу своею головою.

Он за вину свою достойно осужден,
И справедлива казнь презревшего закон.
Но смерть с ним разделить, с отцом соединиться —
Вот то, чего хочу я от тебя добиться.

А в г у с т

Так вот какую мысль тая в душе своей,
Ты мне желала зла под крышею моей!
Я Юлию изгнал, хоть мне и тяжело было,
Эмилия ее мне в сердце заменила,
Но недостойная не ценит свой почет!
Та честь мою взяла, а эта смерть несет.
В обеих страсть горит и горе мне готовит:
Одной был мил разврат, другая жаждет крови.
Так платишь ты за то, что я тебя любил?

Э м и л и я

За доброту отца так сам ты заплатил.

А в г у с т

Усердно я твоим был занят воспитаньем...

Э м и л и я

С таким же он тебя воспитывал стараньем,
Но воспитателя убил ты своего
И путь тем указал для мщенья моего.
Виновны оба мы, в одном лишь расхожденье:
Тобой был мой отец казнен без преступленья, —
Мой справедливый гнев не уставал пылать,
Чтоб за невинного тебе сполна воздать.

Л и в и я

Постой, Эмилия! Исполненный вниманья,
Тебе он оплатил отца благодеянья.
Смерть, за которую ты хочешь мстить сполна,
Вина Октавия — не Цезаря вина.
Пойми, в борьбе за власть губительные страсти
Прощаются тому, кто достигает власти.
Тот, кто высокою удачей вознесен,
Перед грядущим прав, перед былым прощен,
Достигший своего не отягчен виною:
Он сделал только то, что суждено судьбою.

Имеет все права над нашей жизнью он;
Предписывать ему нельзя нам свой закон.

Э м и л и я

В том, что вы слышали, — души моей признание.
Не о защите речь — о грозном воздаянье.
Карай же, Цезарь, тех, чей полный злости пыл
За милости твои коварством отплатил.
И жизнь мою прерви, чтобы не быть в тревоге.
Мной Цинна соблазнен, вновь соблазню я многих.
Тебе опасной быть должна я до конца
Мстя за любовь свою, я мщу и за отца!

Ц и н н а

Я соблазнен тобой, и горько я страдаю,
Тебя, принесшую бесчестье, обожаю.
Но, Цезарь, истину открыть я должен здесь:
Я, не любив еще, задумал эту месть.
Эмилия моим молениям не внимала,
И я решил иным занять ее сначала, —
Твердил, что за отца ей надо отомстить,
Хоть этим я хотел ее к себе склонить.
Для сердца женщины всегда приятно мщенье!
Мне сердце отдала она в вознагражденье.
Коль по достоинствам своим я не был мил,
Как мститель я ее вниманье заслужил.
И в заговор она вошла тогда за мною
Но лишь сообщницей — там, где я был главою.

Э м и л и я

Как смеешь, Цинна, ты! Иль в том любовь твоя,
Что опозоренной должна погибнуть я?

Ц и н н а

Умри, но тем вредить моей не думай славе!

Э м и л и я

Пред Цезарем меня позорить ты не вправе!

Цинна

И мне — позор, когда лишаешь ты себя
Величья подвига, наш замысел губя.

Эмилия

Будь славен им, но я имею тоже право,
На подвиг, и с твоей моя померкнет слава.
Ведь слава, радости мученья, гнет вины
Для любящих всегда быть общими должны.
Мы, Цезарь, римляне, и мы отныне вместе
Должны соединить любовь и чувство мести.
Ведь каждый потерял любимого отца
И вместе доведем мы мщенье до конца;
Друг с другом рядом шли мы к цели благородной,
Мы оба приняли ее душой свободной,
Дана нам вместе честь свой встретить смертный час.
Ты нас соединил, не разлучай же нас!

Август

Я вас соединю — хоть мне горька обида,
Хоть вы враждебней мне Антония, Лепида, —
Я вас соединю, свое согласие дам.
Есть уважение во мне к таким страстям.
Пускай узнает мир души моей волненье,
Пусть удивит его и казнь и преступленье.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Август, Ливия, Цинна, Максим, Эмилия, Фульвия.

Август

Любим богами я. Мне рок удачу шлет.
Спасенный из пучин, Максим еще живет.
Приблизься, друг, скорей. Ты мне остался верным.

Максим

Не нужно доверять друзьям, столь лицемерным.

А в г у с т

Не будем говорить мы о вине сейчас —
Раскаявшийся, ты меня от смерти спас.
Тебе обязан я своею жизнью, властью.

М а к с и м

Я из твоих врагов — опаснейший, к несчастью,
И коль тебе судьба продлила радость дней,
Обязан этому ты зависти моей.
Нет, не раскаянье душой моей владело,
Губя соперника, раскрыл я злое дело.
Солгал Эвфорб, сказав, что был я взят волной.
Боялся он, что ты скорей пошлешь за мной.
Найти к Эмилии хотел я путь обманный:
Внушить ей тайный страх, увлечь в чужие страны;
О бегстве говоря, не уставал твердить,
Что, возвратясь, она сумеет отомстить.
Но, отклонив душой все эти обольщенья,
Удвоила она своей отваги рвенье.
Она все поняла. И все ты знаешь сам.
Зачем бы прибегать я к лишним стал словам.
Так хитрость низкая успеха не добилась.
Но если ты и мне явить хотел бы милость,
Пусть кончит жизнь Эвфорб среди мучений злых,
И пусть умру я сам, но на глазах у них.
Честь, друга, родину, тебя пред целым свегом,
Я предал. Мне Эвфорб помог своим советом,
И был бы счастьем я безмерным награжден,
Когда б пред смертью знал, что он уже казнен.

А в г у с т

О небо, неужель мне суждено судьбою
Еще изменников увидеть пред собою?
Пусть злобный рок зовет сам ад в громах, в огне,
Собой владею я, и мир покорен мне.
Я крепко власть держу. В грядущем сохранится
Моей победы день. Я вправе им гордиться.
Свой справедливый гнев я превозмог сейчас,
Пусть весть о том дойдет, потомки, и до вас.
Дай руку, Цинна, мне. Останемся друзьями!
Врагу я жизнь дарю. Нет злобы между нами.

Пусть низким замыслом чернишь ты мысль свою,
Убийце своему я снова жизнь даю.
Начнем мы спор иной. Пусть каждый в нем узнает,
Кто лучше: кто дает иль тот, кто получает.
Ты милости презрел — я их удвою сам,
Ты много их имел — тебе их больше дам.
С прекрасной девушкой, тебе врученной мною,
Прими власть консула над целою странюю.
Отдай же, дочь моя, ты Цинне всю любовь,
Пусть пурпур консула тебе заменит кровь.
Как я, смири свой гнев. Даря тебе супруга,
Дарю я большее, чем жизнь отца иль друга.

Э м и л и я

О Цезарь, предаюсь твоей я доброте,
Она как свет в моей душевной темноте.
Быть больше не хочу в преступном ослепленьи.
Что казнь мне? Совести ужасны мне мученья.
Одно раскаянье живет в душе моей,
В своей неправоте признаться надо ей,
Богами одарен ты высшей добротою.
Как я хотела бы склониться пред тобою.
И смею думать я — ты будешь добр ко мне,
Ты жизнь мне возвратил, дал счастье всей стране.
Пусть ненависть свою бессмертной я считала —
Она уже мертва, тебе я верной стала.
О мести мысль теперь душе моей страшна,
Желанием тебе служить душа полна.

Ц и н н а

Что я могу сказать, когда всем преступленьям
Ответить захотел ты благостным прощеньем!
О, величайший дух! О, милость без границ!
Как стал ты вознесен! Как я повержен ниц!

А в г у с т

Не стоит повторять то, что забыть решили.
Хочу я, чтоб со мной Максима вы простили,
Он предал нас троих, но дерзостью своей
Невинность вам вернул, мне сохранил друзей.

(Максиму.)

Со мною рядом встань и будь на прежнем месте,
Вновь славой облечен, достоин прежней чести.
Эвфорба же пора простить вам всем троим.
Мы браком любящих теперь соединим.

(Максиму.)

Их счастьем суждено стать казнию твоею.

Максим

Ты слишком справедлив; и я роптать не смею.
Смущен тем более я милостью такой,
Что честолюбиею теперь я чужд душой.

Цинна

Дай добродетели, отныне возрожденной,
Служить тебе, забудь, что я попрал законы.
Пусть небо рушится — она теперь тверда,
И колебаться уж не станет никогда.
Пусть тот, чьей волею все на земле вершится,
Отнимет жизнь у нас, чтоб дням твоим продлиться,
Пусть я, которому завидуют сейчас,
Стократ тебе верну все, чем ты даришь нас!

Ливия

О Цезарь! Твоего величия светило
Пророческим лучом мне душу озарило.
И боги говорят сейчас через меня,
Что счастьем с этого ты насладишься дня.
Теперь уж нечего тебе врагов бояться —
Народ готов тебе без спора покоряться,
И тот, кто больше всех был властью отягчен,
От всей души теперь признает твой закон.
Бесчестный замысел иль заговор ужасный
Уж жизни омрачать не будут столь прекрасной.
Нет более убийц и злобы без конца —
Постиг искусство ты, как привлекать сердца.
Рим, что не чувствует себя отныне сирым,
Тебе готов отдать владычество над миром.
И доброта твоя свидетельство ему,
Что должен быть тебе он верен одному.
От долгих смут ему дано освобожденье —
К единовластию имеет он влечение,

Он ставит алтари тебе, готовит храм,
К бессмертным хочет он причесть тебя богам,
А твой благой пример в потомстве отдаленном
Пребудет, как завет властителям и тронам.

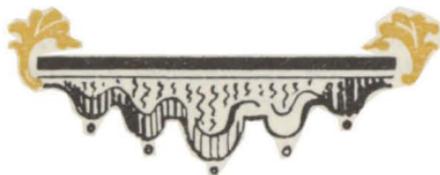
А в г у с т

Пророческим словам поверить я готов.
Внимайте же всегда велению богов.
Пускай умножатся им жертвоприношенья
В дни, полные для нас особого значенья,
И заговорщикам желал бы я внушить,
Что Август все узнал и хочет все забыть.

РОДОГУНА

*Трагедия
в пяти действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клеопатра, царица Сирии, вдова Деметрия Никанора.

Селевк }
Антиох } сыновья Деметрия и Клеопатры.

Родогуна, сестра Фраата, царя парфянского.

Тимаген, воспитатель двух царевичей.

Оронт, посол Фраата.

Лаоника, сестра Тимагена, наперсница Клеопатры.

Действие происходит в Селевкии, в царском дворце.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лаоника, Тимаген.

Лаоника

Итак, нам воссиял счастливый этот день,
Который долгих смут рассеет ночь, как тень,
И ныне Гименей, обуздывая мщенье,
С парфянином для нас готовит соглашение;
Свободу возвратив сестре его, к войне
Он повод устранил и скрепит мир вдвойне.
Настал великий день — себя венца лишая,
Свое упорное молчанье нарушая,
Царица Сирии должна в конце концов
Назвать нам старшего из братьев-близнецов;
И преимущество во времени рожденья,
Лишь ей известное до этого мгновенья,
Счастливицу скипетр взять позволит золотой,
Чтоб стал царем один и подданным — другой.
Но не дивисься ль ты, что мать столь бескорыстно
В супруги сына даст царевне ненавистой
И назовет его царем, чтоб увенчать
С ним ту, которую любила удручать?
Царевну сделала она своей рабыней,
Ее же и на трон она возводит ныне.
Тот из двоих, кто власть возьмет в стране своей,
Приняв ее обет, дать руку должен ей.

Т и м а г е н

Чтоб я дивиться мог, обрадован победой,
О смутах Сирии, прошу тебя, поведай.
Начало видел я и помню до сих пор,
Как в злополучный день победы Никанор,
Преследуя парфяи, разбитых им со славой,
Врагами схвачен был, бежавшими лукаво.
Я не забыл еще, что, этим ободрен,
Поднять мятеж тогда отважился Трифон.
Он, видя плен царя, царицу удрученной,
Помыслил захватить престол их потрясенный,
И умыслу его благоприятный рок
Полцарства покорить изменнику помог.
Царица-мать нашла от этой бури новой
Приют для самого ей в жизни дорогого,
Доверив детство мне двух сыновей своих
И к брату отослав в Мемфис со мною их.
Там лишь по слухам нам бывало все известно;
Они ж, посеяны глухой молвой окрестной,
Весть о событиях хоть донесли до нас,
Но искаженною от тысячи прикрас.

Л а о н и к а

Так знай, что, выиграв четыре битвы с нами,
Трифон, стеснивший нас за этими стенами,
Их тотчас осадил; и, умножая страх,
Разнесся ложный слух, что умер царь в цепях.
Народ встревоженный, и раньше с нетерпением
Внимавший женщины державным повеленьям,
Хотел, чтобы она вступила в брак скорей;
Одной и против всех, что было делать ей?
И мужем стал ей брат сирийца Никанора.
Решенья этого познали мудрость скоро:
Казалось, Антиох, над нами став царем,
С собой удачу нес и счастлив был во всем.
Успех его в войне, стяжавший нам победы,
На лютого врага обрушил наши беды;
И бой решительный, в котором пал Трифон,
Дал новому царю все, чем владел наш трон.
Но если Антиох давал царице слово
Вернуть царевичам престол отца родного,

То он не склонен был теперь его сдержать,
И вызвать сыновей к себе не смела мать.
Прошло семь лет и, полн воинственного пыла,
Разжег он вновь войну, что брата погубила:
Он на парфянина напал, чтоб за тюрьму
И смерть Деметрия теперь отмстить ему.
Он перенес войну в парфянские владенья;
Повсюду там он стал грозой для населения;
Царю он битву дал... Но кончить свой рассказ
О бранных подвигах в другой должна я раз:
Царевич к нам идет.

(Хочет удалиться.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Селевк, Антиох, Тимаген, Лаоника

Антиох

Останься; мне, как другу,
Ты можешь оказать, с ним заодно, услугу.
В душе, исполненной печали и забот,
Не менее тревог, чем чаяний, встает.
По слову одному, творцу моей фортуны,
Достигну иль лишусь венца и Родогуны;
И, тайну нам открыв, несчастней всех живых
Вдруг сделают меня иль радостней всех их.
Готовит случай мне дары иль их утрату;
Но счастлив буду я, лишь дав несчастье брату,
Столь дорогому мне, что, из любви к нему,
Часть горестей его я на себя приму.
Чтоб меньше потерять, я меньшего взыскую,
И, чтобы отвести опасность столь большую,
Я брату уступлю то, что слепит людей,
Себе оставив дар, что мне всего милей,
Тем счастлив, что взамен короны ненадежной
Царевну получу, отвергнув трон возможный,
И, совершив раздел, от горя своего
Избавлю я себя и от обид — его.
Ступай же, Тимаген, скажи ему, что славу
Взамен красавицы отдам я и державу;
И так превознеси ему соблазн царить,

Чтоб, блеском трона дав свой разум ослепить,
Он позабыл о том, что ставлю я ценою
Согласья дать ему господство надо мною.

Тимаген уходит, а царевич продолжает говорить, обращаясь
к Лаонике.

А ты, ты повидай предмет любви моей
И к подданному взор ее склонить сумеи,
К тому, кто, может быть, венец надел бы ныне,
Когда б не приковал к ней взор свой, как к святыне,
Взнеся ее над всем, что может дать венец,
Что кровью всей своей готов купить храбрец.

Тимаген возвращается.

Т и м а г е н

Царевич сам идет; любовь тебе поможет
И без посредника венец ему предложит.

А н т и о х

Я трепещу, и страх отказа так велик,
Что ум смутился мой и онемел язык.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Селевк, Антиох, Тимаген, Лаоника.

С е л е в к

Могу ль я говорить с тобою откровенно?

А н т и о х

Обиден твой вопрос для дружбы несомненной.

С е л е в к

Увы! Из-за нее я ныне полн забот.
Брат, в дружбе равенство — надежнейший оплот;
Как связью служит ей оно, так и залогом;
И, видя, что оно нарушится во многом,
Страшиться должен я, что крепость нежных уз
С утратой равенства утратит наш союз,
И в этот день от нас все счастье прочь умчится,
Стыдом иль завистью наш жребий омрачится.

Антиох

Всегда во всем с тобой мы были заодно;
И этот страх познать мне было суждено.
Но хочешь, от него найду я избавленье?

Селевк

Хочу ли я! Я сам несу нам исцеленье
И все, чем власть красна, даю тебе с венцом.
Да, государь, — теперь я говорю с царем, —
За трон, мной отданный, отдай мне Родогуну,
И ревновать к тебе не стану я фортуны.
Так нашей участи не запятнает стыд,
Так счастья нашего ничто не омрачит;
Мы презрим старшинство и первородства право,
Царевной счастлив я, а ты — своей державой.

Антиох

Увы!

Селевк

Ты огорчен уступкою такой?

Антиох

Назвать уступкою возможно ль выбор твой,
Который мне дает венец родного края,
Единое, к чему стремлюсь я, отнимая?

Селевк

Царевну?

Антиох

Да, ее; те двое подтвердят.

Селевк

Ее ты ценишь так?

Антиох

Ты меньше ценишь, брат?

Селевк

Да, трона, признаюсь, царевна стоит эта.

Антиох

Царевна стоит, знай, одна всех тронов света.

С е л е в к

Ты любишь, брат, ее?

А н т и о х

Ты любишь, как и я, —
Вот что меня гнетет, вот в чем беда моя.
Блеск трона пышного — питал я упование —
Сильней, чем красота, прельстит твое желанье;
Но так же высоко, как я, ее ценя,
Ты в правом выборе предупредил меня.
Ах! Горестный удел!

С е л е в к

Ах! Жребий не по силам!

А н т и о х

Чего б не сделал я с другим, не с братом милым!

С е л е в к

О, милый брат! Врага ль звать именем родным!
Чего б не сделал я, но не с тобой — с другим!

А н т и о х

В какие нас еще ты, дружба, ввергнешь беды?

С е л е в к

Любовь, нам от тебя ль, от дружбы ль ждать победы?

А н т и о х

Пусть победит любовь, а дружба в этот час
Лишь сожаление пусть вызывает в нас.
Великодушные трон отдают со славой:
Венец их памяти — тот подвиг величавый;
Но если любим мы достойную любви,
Ее отдаст лишь трус без пламени в крови.
В обоих нас любовь царица пробудила;
Не будем оскорблять ее излишком пыла:
Ее ни ты, ни я женой не назовем,
Но тот из нас, кому стать суждено царем.
Меж нами спорным был пока венец желанный,
Но подобает ей бесспорно быть венчанной.

А мы, ослеплены надеждою пустой,
Хотим, чтоб мужем ей стал подданный простой!
Полюбим снова власть во имя нашей страсти;
Прекрасно это, брат, как наш отказ от власти;
И трон отвергнутый возжаждем обрести,
Чтоб на него с собой царевну возвести.
Иного здесь для нас не может быть решенья:
Судьбы, хоть и ропща, должны мы ждать свершенья.

С е л е в к

Нет, мало этого: мы праздник тем почтим,
Что дружбе, как любви, торжествовать дадим.
У славных двух осад, огню предавших Трою,
Заливших стогны Фив кровавою волною,
Для бедствий не было других причин, чем те,
Которыми нас рок привел теперь к беде:
Меж нами ревность он посеял ту, чья сила
Разгром для Азии, для греков смерть явила;
Одну питаем мы надежду стать царем,
Одной красавице один обет даем.
Не то же ль Трою сжечь, сгубить подвигло Фивы?
Все выпадет тебе иль мне в удел счастливый.
Пытался тщетно ты свершить раздел, как друг;
И, смею ли сказать, лишь титул, только звук,
Лишь первородства в нас сомнительное право
Низвергнет одного, другого взыщет славой.
Какие жалобы, закончив этот спор,
В несчастном вызовет случайный приговор!
Какую ненависть! Представь размеры бедствий
И устрись со мной их гибельных последствий;
Иль лучше сделаем усилие над собой
И сердце на борьбу вооружим с судьбой.
Наперекор любви и всем соблазнам трона
Даруем дружбе власть державного закона,
Чтоб, подавляя боль тлетворную утрат,
В блаженстве брата мог найти блаженство брат.
Так то, что Трою встарь и Фивы погубило,
Нам сердце радостью исполнит с новой силой;
Так, торжествуя в нас, и дружба в свой черед,
Любви послушна, верх над ревностью возьмет,
И, беспощадное презрев судьбы решенье,
В скорбях, сужденных нам, найдем мы утешенье.

Антиох

Ты мог бы сделать так?

Селевк

Ах, брат мой, не спеши!
Довольно, что того хочу я от души.
Мой разум сохранит над сердцем власть такую,
Что, чуть оно вздохнет, я пламя в нем задую.

Антиох

Я разделяю чувств возвышенных порыв;
Дадим же прочность им, их клятвами скрепив,
Чтоб боги дружбе вняв, ее святым обетам,
Ей дали уцелеть и в испытанье этом.

Селевк

Пойдем к их алтарям — наш дружеский союз
Скрепить могуществом священных, вечных уз.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лаоника, Тимаген.

Лаоника

Заслуживал ли кто венца столь справедливо?

Тимаген

Чем ты поражена, то для меня не диво:
Наперсник братьев двух, предвидя их удел
И постоянство их, я втайне их жалел.
Но ждать не заставляй рассказа окончанье.

Лаоника

Итак, продолжу я свое повествованье.
Парфяне, нашими к борьбе принуждены,
То одолев почти, то вновь побеждены,
Все не могли считать победу несомненной,
И долго длился бой с удачей переменной;
Но, наконец, настал миг роковой для нас.
Несчастный Антиох, пронзенный много раз,

Едва не взятый в плен врагом на бранном поле,
Окончить жизнь свою не пожелал в неволе:
Предпочитая смерть со славою цепям,
Своей рукою он с собой покончил сам.
Царице принесли известье роковое,
И вслед за ним пришло сразить ее другое—
Что Никанор был жив; что мертвым мужа счесть
Заставила ее обманчивая весть;
Что, тяжело уязвлен замужеством супруги,
Решил он взять пример с бывшей своей подруги,
И, чтоб избавиться от вражеских оков,
С сестрой парфянина он в брак вступить готов,
С той Родогуною, которая сумела
Двух братьев покорить, как их отца, всецело.
Царица тщетно шлет к нему послов своих:
Он к оправданьям глух, он глух к молениям их;
Он для нее — судья, пощаде недоступный:
Страсть новая велит считать жену преступной,
Ошибку — за вину; чтоб кару отягчить,
Брак на ее глазах он хочет заключить
И, с головы ее сорвав венец, столь чтимый,
В ее присутствии венчать чело любимой,
Быть может, для того, чтоб месть усилить так,
Быть может, для того, чтоб сделать крепче брак
И Сирии престол той мерою суровой
Упрочить за детьми своей супруги новой.
Но между тем как, полн любви и гнева, он
Спешит к ней, чтоб отнять у сыновей их трон,
И полчище парфян, добычей привлеченных,
Ликует, устремясь сопровождать влюбленных,
Царица, сердце в нем отчаявшись смягчить,
Решает умереть иль путь им преградить.
О муже позабыв, ее презревшем ныне,
Желавшем властвовать над ней, как над рабыней,
И с сожалением любовь преодолев,
Она вся — ненависть и справедливый гнев.
Она в засаде им устраивает встречу
И вносит ярость в бой, сама вмешавшись в сечу
И бешенству исход давая роковой.
Что мне сказать еще? — Враг сломлен, кончен бой;
Царь гибнет, умерщвлен, как говорят, царицей;
Ей ненавистная соперница — в темнице.

Не будь тогда меня, все бедствия раба
Царевну претерпеть заставила б судьба.
Ей пытки измышлять — царице наслажденье;
Лишь мне их приводить давала в исполненье;
Но что б царицына ни приказала страсть,
Я обещала все, а исполняла часть.
Меж тем Фраат, клянясь свершить расправу с нами,
Немедленно на нас обрушился с войсками;
Напал и осадил, и так умел стеснить,
Что город в крайности о мире стал просить.
Он слушать не желал, победой упоенный;
Но участью сестры-заложницы смущенный,
Он, за нее страшась, снисходит слушать нас;
И завершить с ним мир готовы мы сейчас.
С чужбины сыновей вернул приказ царицы,
Чтоб старший получил все царство до границы,
И Родогуна к нам явилась из тюрьмы,
Как солнце, над страной встающее из тьмы.
Парфянин, сняв свой стан, ушел в свои владенья,
Где дерзкий армянин свершал опустошенья;
Из лютого врага он стал опорой нам;
С войной покончил мир. Вдобавок же к дарам
Судьбы, — не ведаю, благой для нас иль гневной, —
Селевк и Антиох увлечены царевной.

Т и м а г е н

Они, лишь ко двору явились в цвете дней,
Увидели ее, а я — любовь их к ней.
Но если в них жалеть соперников мы можем,
Я, зная доблесть их, боязнию не тревожим.
Тебе поручен был предмет желаний их...

Л а о н и к а

Я не заметила, кто люб ей из двоих.

Т и м а г е н

Со мной не хочешь ты той поделиться тайной.
Но вот она идет, и, верно, не случайно.
Прощай: велит мне сан, сужденный ей судьбой,
Дать на свободе ей беседовать с тобой.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Родогуна, Лаоника.

Родогуна

Какая-то беда грозит мне в день венчанья
И тайным холодом мне леденит мечтанья.
Я трепещу; с тобой хочу поговорить,
Чтоб свой рассеять страх иль сердце ободрить.

Лаоника

Как! В день, исполненный надежд и славы чудной!

Родогуна

Он столько благ сулит, что им поверить трудно.
Так дивно милостив ко мне судьбы закон,
Что подозренье мне внушают брак и трон.
Мне мнится, Гименей таит род пытки новой,
Трон бездной мнится мне, разверзнуться готовой;
Я новых жду цепей, храня от снятых след,
И в этих благах всех провижу столько ж бед;
Короче говоря, страшит меня царица.

Лаоника

В ней ненависть теперь должна была смириться.

Родогуна

Нет, редко ненависть смиряется в царях;
Бывает часто мир у них лишь на словах.
В венце я для нее опасна, без сомненья,
И опасаюсь я царицы опасенья.
Не то, чтоб ненависть за причиненье зла
Я в жертву бы принести двум царствам не могла, —
Забвенью полному я предаю, что было, —
Но такова уже большой обиды сила,
Что оскорбленному обидевший всегда
Приписывает боль от гнева и стыда;
И, хоть по внешности их что-то примиряет,
Обидчик, страх тая, ему не доверяет;
И, этим призраком встревожен и смущен,
Ему при случае готовит гибель он.
Так и царица — мне.

Л а о н и к а

Такое подозреньё,
Клянусь, царевна, ей наносит оскорбленьё.
Забудь отчаяньё ея ревнивых мук,
В которое поверг ея, предав, супруг.
Ведь если, кровь его пролив, карала гневно
Она соперницу свою в тебе, царевна, —
Порыва первого неукротимый пыл
К такой жестокости царицу побудил.
И нужен повод был и нужно было время,
Чтоб гнев ея смирить; когда ж, признаюсь, бремя
Повиновения слагала я с себя,
Чтоб, изменяя ей, оберегать тебя, —
Быть может, в резкости раскаиваясь крайне,
Часть сердца лучшую она держала в тайне;
Притворно хитрости не видела моей:
Быть может, жалостью я угождала ей.
Теперь, когда любовь к царице гнев сменяет,
Тебя с ея детьми взор матери равняет;
И лишь предай она любовь к тебе свою,
Тебя предупредить я клятву вновь даю:
Ты знаешь, я навек тебе верна всецело.
И царь допустит ли неправедное дело?

Р о д о г у н а

Кого бы ныне рок ни увенчал венцом,
Царице-матери покорен он во всем.

Л а о н и к а

Кого б ни увенчал, — ты им боготворима;
Страшиться можешь ли, обоими любима?

Р о д о г у н а

Союза брачного страшусь с одним из них.

Л а о н и к а

Как! Пламенных они не стоят чувств твоих?

Р о д о г у н а

Одни достоинства, одно происхожденье
Равно велят мне дать обоим предпочтенье,

Но и меж равными поработенный дух
Всегда лишь к одному склоняется из двух.
Есть в душах склонности, чьим тайным вверясь узам,
Они увлечены и, нежным тем союзом
Друг с другом связаны, не порывают нить
Невыразимого, чего не объяснить.
Вот почему и мной один из них отличен;
Другой же, кажется, пока мне безразличен;
Но безразличие то я назову враждой,
Лишь стану сравнивать с ним страсть свою порой.
О, обольщение! Любви слепая сила!
Не будь мне мил один, другого б я любила,
И никакая так мне не страшна беда,
Как нелюбимому достаться навсегда.

Л а о н и к а

Могу ль я послужить твоей любви прекрасной?

Р о д о г у н а

Ты тайну выведать пытаешься напрасно:
Кого бы небо мне ни выбрало в мужья,
Себя избраннику отдам всецело я.
И если не тому достанусь, кем жива я,
Не изменюсь в лице, согласие давая.
Едва вступлю с ним в брак, мне дорог станет он;
Коль не любовь, так долг предпишет мне закон;
И не грозит упрек моей душе угрюмой
В том, что другой, не муж, моей владеет думой.

Л а о н и к а

Боишься, что дерзну в том упрекнуть тебя?

Р о д о г у н а

О, если б я могла скрыть тайну от себя!

Л а о н и к а

Как ни скрывай, она разгадана уж мною;
И то, что думаю, я, наконец, открою:
Царевич...

Родогуна

Называть его ты не должна:
Румянец выдаст мой, кем я побеждена.
И мне вражду к тебе внушит твое старанье
Насильно, хитростью разбить мое молчанье.
Чтоб из случайных слов узнать ты не могла,
Какая сердце мне поранила стрела,
Я разговор прерву, грозящий оскорбленьем.
Прощай; но не забудь, твоим лишь увереньям
Доверься, я покой своей душе даю.

Лаоника

Царевна, положись на преданность мою.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеопатра.

Клеопатра

Спасительная ложь, коварство клятв обманных,
Внушенных силой бед и мной из страха данных,
Притворство, скрывшее неистребимый гнев,
Пустые призраки, рассейтесь, отлетев!
Страх пред опасностью заставил вас родиться;
Она прошла, и вы должны исчезнуть, скрыться.
Как лживый тот обет, который в бурю дан
И тотчас позабыт, лишь стихнул океан.
А ты, которую скрывала ложь благая,
Оплот бессильного, ты, ненависть глухая,
Достоинство царей и тайна их двора, —
Час пробил: проявись! Пришла для нас пора!
Не подданными мы себя покажем обе,
Но какова ты есть и какова я в злобе.
Парфянин далеко, и я могу дерзать:
Бояться нечего и нечего скрывать;
Еще я царствую, я ненавижу. Славный
Оставим след, с себя снимая сан державный;
Блистательный уход с величием свершим;
Для той, что ждет его, он станет роковым.
Опять, опять она, мой враг, моя забота,
В бесчестии моем искавшая почета, —

Она, что, злобствуя, желает править мной,
Над нами царствовать, приказ исполнив мой.
Напрасно думаешь, соперница слепая,
Что я унизиться могла бы, допуская,
Чтоб брак с царевичем — обманчивый посул, —
Дав мести меч тебе, на трон мой посягнул.
Смотри, чья кровь на нем, за что я им владею,
К чему приводит страсть, — и трепещи пред нею;
Да, трепещи и знай, — тебе не дам я трон;
Нет, слишком дорого мне обошелся он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клеопатра, Лаоника.

Клеопатра

Готовится ль народ к торжественности пышной
Большого празднества? Что, Лаоника, слышно?

Лаоника

Да, радуются все, и все восхищены,
Сердца к царевичам у всех обращены;
Достоинствами рок их одарил такими,
Что каждый в выборе колеблется меж ними,
И предпочтение, заметное в иных,
Влеченья слабого порыв минутный в них.
Их выбор, к одному клонясь и на другого
Уже готовый пасть, ждет твоего лишь слова;
Так мало склонны все стоять за выбор свой,
Что всех объединишь, — им тайну лишь открой.

Клеопатра

Ты знаешь, что не в том, в чем мыслят, тайна эта?

Лаоника

Как все, я на вопрос о старшем жду ответа.

Клеопатра

Средь царственных особ тебя взрастил наш двор,
Но вникнуть в тайны их твой неспособен взор.
Наперсница моя, познай царицу ныне:

Пока не разрешен вопрос о старшем сыне,
Пока неведомо веленье всеблагих, —
Не сыновья царят, а я царю за них.
Хоть к благу этому тот и другой стремится, —
Не требуют его, боясь его лишиться;
Его мне вверила сомнительность их прав,
Мне судьбы сыновей и скипетр их отдав.
Вот тайна в чем моя. А по какой причине,
Ты знаешь ли, я их скрывала на чужбине?

Л а о н и к а

Я думала, вдали держал их твой супруг,
Чтоб власть добытую не выпускать из рук.

К л е о п а т р а

Он занимал их трон, страшась их появления,
И этот страх за мной упрочивал владенья.
Ни в чем из воли он не выходил моей,
Когда грозила я возвратом сыновей:
Поняв, какой удар ему мой гнев готовил,
На что бы я ни шла, он мне не прекословил;
Невольно титулом довольствуясь пустым,
Он царствовал за них, я ж управляла им.
И больше я скажу: без гнева и без спора
Я б допустила брак с царевной Никанора,
Когда б, презрев меня и ей внушая страсть,
Он в царстве жил ее и мне оставил власть.
Не брак меня гневил, — возврат его неожиданный;
Ее любила б я, но только не венчанной.
Ты знаешь, для нее добился ль он венца...
Я шла на многое, пошла бы до конца,
Когда б нашелся путь, бесчестный или правый,
Мне преступлением указанный иль славой,
Как блага сохранить, из-за которых я
Кровь мужа пролила, к ним страсть свою тая.
Но ныне в крайности, униженной, мне надо
Сказать венцу: «Прости, души моей услада».
Так должно, так велят, но скоро горький плод
Виновница всех бед получит в свой черед.
Моя любовь к венцу — к ней ненавистью стала,
И эта тем лютей, чем та сильней пылала;

А так как выместить утрату есть на ком,
Она не тяжела, и я мирюсь со злом.

Л а о н и к а

Как! Ненавидишь ту, той хочешь мстить, которой
Подаришь ты сама венец царицы скоро!

К л е о п а т р а

Как! Ей царя отдать, венец на них надев,
Чтоб на себя навлечь царевны правый гнев?
Когда научишься ты, низкая, тупая,
Иначе рассуждать, — не так, как чернь слепая?
Ты, — видевшая, как на поле битв народ
Знамена женщины трусливо предает:
Когда бы Антиох не поднял дух в нем слабый,
Трифоном лишена владений я была бы, —
Поймешь ли, что затем царь будет избран мной,
Чтоб, покоряясь мне, шел за меня он в бой?
Дать власть со старшинством возможность я имею
И, если должен царь опорой стать моею
И без него нельзя разжечься вновь войне,
Я правом выбора воспользуюсь вполне.
Мой сан получит тот, кто гнев и жажду мести,
А не соперницу мою возьмет с ним вместе;
Кто за меня отмстит, тот мой похитит сан;
Кто хочет мне служить, тому он будет дан.

Л а о н и к а

Не знала я тебя...

К л е о п а т р а

Познай же совершенно!

Когда я вверила тебе царевну пленной,
Не жалость и не страх пролить в ней кровь царей,
Мне руку удержав, жизнь сохранили ей:
Со смертью мужа я всех войск лишилась главных,
И гибель большинства из тех сирийцев славных,
Которых за собой я к мщенью увлекла,
Меня парфянину всецело предала.
Лишь в ней, заложнице, я видела спасенье:
Явился он, и в нем возникло опасенье;
Он клятв потребовал, закон свой предписав;

Чтоб время выиграть, я отеклась от прав.
Да, цену времени мы знаем слишком мало:
Я с помощью его победу одержала.
Вдохнула я вольней и, правду затая...
Но вот царевичи, — их вызывала я.
Послушай и узнай, каким мы гименеем
День славный завершить намеренье имеем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеопатра, Антиох, Селевк, Лаоника.

Клеопатра

Садитесь. Наступил счастливейший из дней,
Сладчайший для надежд и для любви моей,
Когда один из вас увенчан будет даром,
Мной сохраненным вам среди стольких бурь недаром,
И я вручу вам то, что в дни прошедших гроз
Мне стольких стоило забот о вас и слез.
Вы вспомнить можете еще мои рыдания,
Когда Трифон нас вверг в такие испытанья,
Что, от опасностей оберегая вас,
Решилась с вами я расстаться тот же час.
Каких мучений я не претерпела, боги!
Что день, то новые утраты и тревоги.
Вмещалось царство все за эту стеной;
В смерть вашего отца поверив вслед за мной,
Народ потребовал, восстав, царя другого.
Я не могла презреть желанья рокового,
Хоть и звала народ трусливым, подлым, злым:
Не сделай выбор я, он был бы сделан им.
Чтоб царство вам спасти, на что мне б сил не стало!
Глазами матери супруга я избрала
И, Антиоха взяв, надеялась, что он
Поддержит и спасет ваш падающий трон.
Но только он успел предотвратить паденье,
Как рок через него шлет новое тоненье:
Он царство ваше спас, и в нем, как властелин,
Трон восстановленный он занимал один:
Кто вспоминал о вас, тем он грозил цепями.

Трифона он разбил, чтоб стать, как тот, над нами;
И, трона вашего спаситель и оплот,
Он узурпатором, тираном предстает.
Он сам себя казнил. Простим печальной тени.
К тому ж беда влечет ряд новых злоключений.
Отец ваш, Никанор, супруг мой первый, он...
Но разве стоит тот столь сладостных имен,
Кто словно для того от мнимой смерти ожил,
Чтоб их с себя совлечь, кто беды нам умножил?
Оставим, — я дрожу, лишь вспомню, как сейчас,
Удар, который мной был отвращен от нас.
Не знаю, ужас ли внушает иль почтенье,
Угодно ль то богам, то казнь иль преступленье, —
Как бы то ни было, но верно лишь одно:
Моей любовью к вам все было свершено;
Ни страсть моя к венцу, ни жизнелюбья сила
Не придавали мне столь яростного пыла.
Устала я от бед, к которым трон ведет,
Все новых горестей обрушивая гнет.
Жизнь кончена моя, остаток же ничтожный
Там, где скрывались вы, нашел приют надежный.
Но видеть, как, поправ столь долгих лет труды,
Похитит ваш отец моих забот плоды;
Но знать, что ваш престол он детям предоставит,
Которых новый брак к его семье прибавит!
При оскорбленье том запреты все презрев,
Чтоб вам сберечь ваш трон, я не сдержала гнев.
Примите же престол, вам матерью спасенный
И гибелью отца за вами утвержденный.
И, если не отец, у вас отнявший трон,
А я — преступница, кем вам он возвращен,
Да соизволит власть всевышняя, благая
Меня за то казнить, вам плод предоставляя;
Заслуженный перун пусть на меня падет
И благоденствие на вас судьба прольет.

А н т и о х

Никто в твоей любви до этого мгновенья
И в подвигах ее не возымел сомненья.
Мы им обязаны — уверены мы в том —
Надеждой на престол и жизни каждым днем.
Пленяет твой рассказ, постичь нам помогая,

Как мы должны ценить твои труды, их зная.
Но, чтоб навек мы их благословить могли,
Последнего из них нам помнить не вели:
Дух силам роковым покорствуем, смущенный,
Нередко к большему, чем хочет, принужденный.
На краски темные мрачнейшей из картин
Завесу опустить, стереть их должен сын.
Рассматривать же их для сына — преступленье.
И каково ни будь небес соизволение,
Я мысль о том гоню, и, думается мне,
Не плакать мы должны, — молчать, забыть вполне.
Мы оба ждем венца с надеждою ревнивой,
Но если ждем его, то ждем мы терпеливо:
Жить можем без него счастливей всех людей.
То — плод твоих трудов, подольше им владей;
Он будет наш, когда пресытишься ты властью,
И рады будем мы тогда ему, как счастью,
А взяв его сейчас, упрек заслужим в том,
Что возвратились мы, чтоб завладеть венцом.

С е л е в к

К тому, что брат сказал, могу я лишь прибавить,
Что, если с радостью надемся мы править,
То честолюбие в нас не слепая страсть.
Цари, охотно мы тебе уступим власть.
Так за могущество с достойным основаньем
Тебе оплатим мы хотя бы послушаньем,
И старшего из нас, избранного судьбой,
Искусству царствовать пример научит твой.

К л е о п а т р а

Скажите, дети, все: венец вам не по нраву.
Не тяжесть в нем, не блеск таит для вас отраву,
Нет, отвращенье вам внушается другим:
Позором, связанным с венцом, столь дорогим.
И власть вам кажется постыдной, если ею
Делиться вы должны с противницей моею
И если брак на ту венец заставит пасть,
Которая пришла его у вас украсть.
О, благородство чувств в сердцах великодушных!
О, мать счастливая детей, столь ей послушных!
Судьба отца ясна вам стала, наконец:

Невинен он, и мать невинна, как отец.
Он вас любил всегда и предал вас, не скрою,
Иль братом принужден, иль обольщен сестрою;
И вашему отцу в засаде роковой
Она же нанесла удар моей рукой.
Бесчестной их любви губительная сила
Меня в преступницу, вас в сирот обратила;
И, если бы на все для вас я не пошла,
Она бы все отнять поздней у вас могла,
Невинность и почет вы мне вернете вместе,
Казнив виновницу моей преступной мести.
Я руку, спасшую вам трон и бытие,
Омыла бы в крови столь мерзостной ее;
Но, зная, что у вас есть доля в оскорбленье,
Я предоставила вам долю и в отмщенье.
Чтоб ум ваш истину немедленно обрел,
Скажу вам наконец: вот плата за престол.
Нет ни в одном из вас, мне милых, превосходства;
Вступиться за меня — вот право первородства.
Укажет старшего смерть Родогуну вам.
Как! Трепеща моим вы внемлете словам?
Вас брат ее страшит? Мир заключив позорный,
Блюсти его клянясь с душою непокорной,
Собрала я войска, тайком отдав приказ,
Готовые всегда и всюду стать за вас;
И между тем как враг пошел на армянина,
Без страха свергнем мы здесь иго властелина.
Что вас повергло в дрожь при вести о цене?
То — состраданье к ней? Иль ненависть ко мне?
Хотите ль в жертву дать меня ее гордыне
И видеть жизнь мою в руках моей рабыни?
Молчите вы в ответ? Так знайте, сыновья,
Которым трон отдать мечтала тщетно я:
Как дядю вашего, могу венчать любого;
Не ваше, но мое еще здесь властно слово.

С е л е в к

Но, мать, для первого из наших славных дел...

К л е о п а т р а

А вспомни, чем бы ты без матери владел.
Та кровь, которой жду от вас без промедленья,

Высокой доблести не стоит проявления;
Но мне обязаны вы жизнью, саном, всем.
Убив, любовь ко мне докажете вы тем,
Иль разуверюсь я совсем в любви сыновней.
Мне оправданье — в том, кто сам меня виновней.
Ваш изумленный вид мне руку не отвел;
Я повторяю вам; вот плата за престол.
Я как трофеем им распорядиться вправе:
Царевны кровь — цена и праву и державе.
И так как я одна могу вас вознести,
Зло должно завершить, чтоб пользу в нем найти.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Селевк, Антиох.

Селевк

Чья твердость выдержит перун, в угрозах скрытый,
Которым навсегда надежды в нас разбиты?

Антиох

С перуном ли сравним удар, которым нас
Жестокий приговор сразил навек сейчас?

Селевк

О, ярость, ненависть, достойные мегеры!
О женщина, ты — мать, но этому нет веры!
Свою преступную над всем поставив страсть,
Ты не позволишь взять рукой невинной власть?
Иль думаешь, в венце так много обаянья,
Что купим мы его ценою злодеянья?
К каким злодействам трон нас должен привести,
Коль надо стать тобой, чтоб на него взойти?

Антиох

Нет, будем уважать сильней права природы
И лишь одной судьбе припишем мы невзгоды.
Мы звали злой ее, — была она благой,
Пока боролись мы с самими лишь собой.
Друзья — соперники в одно и то же время!

На нас тягчайшее, казалось, пало бремя.
Но, находя один соперника в другом,
Мы с худшим не были еще знакомы злом.

Селевк

В такой почтительной и сдержанной печали
Чувствительности нет и пылкость есть едва ли;
И нужен смелый ум, чтоб вопреки себе,
Причину зная бед, их приписать судьбе.
Что до меня, я слаб; чем я люблю сильнее
Причину бед моих, тем мне от них больнее.
Не то, чтоб за себя осмелился я мстить, —
За мать я и сейчас готов всю кровь пролить,
Я сознаю свой долг, — но, полный сожаленья,
Дам волю жалобам, хоть удержусь от мщенья.
И полагаю я: тот мать довольно чтит,
Кто, ею оскорблен, лишь сетует, не мстит.
Ты видишь ли, мой брат, к какой постыдной роли
Нас злоба женщины толкает против воли
И обращает нас, ее родных детей,
Злодейства нового алкая, в палачей?
И можешь ты молчать, и видя то и зная?

Антиох

Я вижу болсе: то — мать моя родная.
И чем ее вина гнуснее, тем сильней
Кровь сына в матери осквернена моей.
От этого растет жестокое страданье;
Но чувств смятение внушает мне молчанье,
Когда ее злодейств постыдная печать
Здесь, на челе у нас, являет нашу мать,
Пытаюсь я тогда утратить ум и зренье,
Убийству мужа дать иное объясненье,
Скрываю от себя чрезмерный гнет обид,
Страданью моему равняющийся стыд,
И, взор свой отвортив от матери, горюю,
Во всем виня судьбу, что мать дала мне злую.
Но не утрачена еще надежда мной;
То — мать: большая власть у крови есть родной.
Какой бы ни была она бесчеловечной,
Сын может злобу в ней смягчить слезой сердечной.

Селевк

Не горяча любовь к тем сыновьям, мой брат,
Которых далеко в изгнании взрастят
И, там их воспитав едва ль не в рабской доле,
Вернут, чтоб матери служили против воли.
Притворство слез ее раскрыто ныне мной.
Брат, в сердце матери нет места нам с тобой.
Пусть хвалится она любовью к нам безмерной,
Но любит лишь себя она нелицемерно;
И, расточая нам речей сладчайших мед,
Нам ничего не даст, а все себе возьмет.
Царит в ней ненависть, она притворно любит;
Целуя сыновей, безжалостно их губит.
В ней — злоба к той, к кому питаем мы любовь,
Ценой венца она царевны ставит кровь.
Без воли матери венцом мы завладеем.
Он наш, он будет наш, лишь взять его посмеем.
Нет преступленья в том: один из нас с тобой
Возьмет венец, когда согласие даст другой.
Решимся: царствуя, в ней пыл смирим мы гневный, —
Лишь так мы отвратим опасность от царевны.
Пойдем же, брат мой, к ней и будем заодно;
Зло будет только так навек пресечено.
Любовью мне внушен мой замысел прекрасный,
Но дружбе надлежит быть с ней во всем согласной.
Любовь, столь жалости достойная сейчас,
Восторжествует, брат, лишь через дружбу в нас.

Антиох

Предостеречь меня научен ты сомненьем,
Но недоверие встречаю я с терпеньем.
Идем, и верь, что смерть порвать бы не могла
Тех уз, которые любовь не порвала.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Родогуна, Оронт, Лаоника.

Родогуна

Так вот как на любовь царица гнев сменяет,
Как взор ее меня с детьми ее равняет,
Как любит мир она, как отдает венец,
Как пользуется мной и ими наконец.
Так оскорбляла я царицу подозреньем?
Спасая жизнь, она прибегла к преступленьям?
Притворно хитрости не видела твоей?
Ах! Я была права, не доверяя ей!
И это видишь ты.

Лаоника

А ты, моя царевна,
Ты видишь, что тебе я предана душевно,
Что, злобу в ней признав и свой самообман,
Я с дрожью ужаса, сквозь боль сердечных ран
И нарушая долг блюсти царицы тайны,
Тебе открыла их и мой обман случайный.

Родогуна

Признанья твоего отрадны мне слова.
Благодаря лишь им останусь я жива.
Но мало сделать мне о том предупрежденье, —

Я от опасности должна найти спасенье.
Мне нужен твой совет, чтоб, руку отстраня...

Лаоника

Царевна, нет, уволь от этого меня.
Довольно и того, что ей я изменила;
Не требуй, чтобы ей советом я вредила.
С тобой Оронт, посол: он брака твоего
Обязан был почтить святое торжество;
И так как царь, твой брат, ему на это время
О жизни дорогой забот доверил бремя,
Я оставляю вас все обсудить вдвоем.
Что ни решите вы, знать не хочу о том.
В любви царевичей не может быть сомненья;
Чтоб не предать тебя, все отдадут владенья.
Но я не поручусь, что при отказе их
Мать, чтоб тебя сразить, не сыщет рук других.
Я трепещу сейчас: застигнута с тобою,
Погибну я, тебе ж опасность я удвою.
Царевна славная, прости; беги скорей.

Родогуна

Ступай же, я тебя вознагражу поздней.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Родогуна, Оронт.

Родогуна

Что делать нам, Оронт, в час, гибелью чреватый,
Когда царевны кровь за трон считают платой?
Бежим ли к брату мы? Иль смерти будем ждать?
Иль попытаемся отпор ей смелый дать?

Оронт

Царевна, нам бежать отсюда слишком трудно:
Я видел воинов в столице многолюдной.
Готовя смерть тебе, здесь за тобой следят.
А если гибели твоей и не хотят,
То Лаоника лжет из хитрости придворной
И служит госпоже, тебе служа притворно.

Царица, чтоб тебя от власти отстранить,
Угрозами тебя желает удалить
И, узы брачные порвать приняв решение,
Стремится на тебя навлечь в том подозренье,
При помощи твоей получит все она;
За мир нарушенный ответишь ты одна.
Царь будет уязвлен не ею, но тобою,
И, новою тебе обязанный войною,
За легкомыслие осудит нас, за страх,
За то, что договор развеяли мы в прах.
Быть может, он, войной с царем армянским занят,
Освободить тебя, ее карать не станет.
Не должно прибегать к постыдному пути.
Ты здесь должна царить иль здесь же смерть найти.
Нигде в других краях не ждет тебя корона.
Кто отвергает трон, тот недостоин трона.

Р о д о г у н а

Ах! Как бы мужеством был твой совет мне мил,
Когда б на то у нас довольно было сил!
Но как противостать царице разъяренной
Со свитой небольшой, мне братом уделенной?

О р о н т

Безумен был бы я, осмелясь утверждать,
Что с горсточкой людей мы можем устоять.
Умрем у ног твоих, — вот все, что на чужбине
Мы можем предложить в бессилье нашем ныне.
Но что тебя страшит, когда среди врагов
С тобой владычица царей, как и богов?
Любовь свершит, что мы свершить должны бы сами,
Лишь огради себя от матери сынами.
Их пламень береги, они в руках твоих;
Светила новые, — все обожают их.
Какой бы властью здесь их мать ни обладала, —
Над ними властвуя, над ней ты властна стала.
Но в этой крайности ты дай согласие мне
Соединить парфян, рассеянных в стране.
Их мало, храбрецов, но гнев царицы ярый
Перед отпором их смирит свои удары.
Не бойся! Если ты царить желаешь въявь,
В великий этот день царить любовь заставь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Родогуна.

Родогуна

Как! Мне унизиться до хитрости трусливой
И у царевичей молить поддержки лъстиво!
Взгляд обольщающий бросая на двоих,
Защиты для себя искать в сердцах у них!
Кровь царственная в нас обман не терпит ловкий;
Отважной, ей претят все нежные уловки.
Какую бы у них я помощь ни нашла,
Довольно, что ее принять я б снизошла.
Я силу их любви подвергну испытанью,
Не мысля угождать их пылкому желанью;
И если может стать опорой мне она,
Я дам царить любви, царя над ней одна.
Вы, ненависть и гнев, забытые царевной,
Зажгите факел свой от чувств царицы гневной,
Нарушьте мой запрет насильственный, горя,
Чтоб успокоить тень великого царя!
Верните образ мне его окровавленный,
Любви исполненный и гневом распаленный,
Каким он был, когда вскричал, на смерть пронзен:
«Отмщения! Прости! Я за тебя сражен!»
Тень милая, увы! Забыв и месть и муку,
Я стану целовать твоей убийце руку,
Почтительна, как дочь, к пролившей кровь твою?
Прости, что сан мешал мне месть свершить мою:
Чем больше знатный род к венцу нас приближает,
Тем нас величие полней поработывает;
Ни ненавидеть мы не смеем, ни любить —
И страсти наши все должны мы подчинить.
Отмщенья сделана орудием сначала,
Я мира лживого затем залогом стала.
Закрыв глаза на все преступные дела,
В дар государству я свой жребий принесла.
Но в этот день, когда рука убийцы мерзкой
Исчерпать жизнь твою замыслившей столь дерзко,
Стремится грудь мою несчастную пронзить,
Чтоб сердце в ней твое, твой дар мне, поразить, —
За мир нарушенный я не в ответе боле,

Я разбиваю цепь блистательной неволи,
И ненавидеть вновь я смею и любить,
И лишь тебе хочу я волю подчинить.
Ты не рассердишься, что я свой пламень скрою,
Живой портрет его, боготворимый мною,
Царевич дорогой, чье имя и в мечтах
Назвать среди этих стен мне запрещает страх?
Я знаю, ждут тебя печаль и опасенья,
Я слышу жалобы, я вижу злосключенья.
Прости, — так хочет тот, кем жизнь дана тебе
И за меня своя утрачена в борьбе.
Тревоги те же я познаю, те же грозы;
О чем ты лишь вздохнешь, о том пролью я слезы.
Но, боги! Я дрожу при виде их двоих!
Любовь, смутив меня, свой пламень скрой от них
И, сердца моего покорностью довольна,
В моих глазах себя не обнаружь неволью.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Антиох, Селевк, Родогуна.

Антиох

Обиды против нас, царица, не имей
За то, что скажем мы про власть твоих очей.
По ним сердца у нас вздыхать не ныне стали,
При первом взгляде их к ним оба в плен попали,
Но уваженье нас заставило молчать;
Оно ж снимает с уст молчания печать.
Счастливым близок миг, в который судьбы наши,
С твоею связаны, коснутся общей чаши.
От права первенства, столь спорного для нас,
Мы ждем венца, а ты — супруга ждешь сейчас.
Для нашей госпожи то был бы путь бесславный, —
От пленников своих принять венец державный.
С тем не мирясь, любовь, иной закон творя,
Царице нашей даст избрать из нас царя.
Не унижай себя, приемля в дар корону;
Венчай нас, чтоб не быть лишь добавленьем к трону.
Ошибку высших сил исправь у нас в судьбе;
Вот право первенства — понравиться тебе.

Столь чистым пламенем наш пыл питая юный,
Твой выбор предпочли мы выбору фортуны
И в жертву принесли избранию тобой
Мы честолюбие, надежду и покой.
Венчай царя, открой свою, царевна, волю;
Мы примем, не стыдясь, нам выпавшую долю.
Кто божество в тебе утратит, презрен им,
Тот первым подданным останется твоим.
Бессмертная любовь подскажет без коварства,
Что подданство тебе любого стоит царства.
За честь он то почтет, и в горести своей
Найдет, служа тебе, он облегченье ей.

Родогуна

Я благодарна вам за ваше предложенье
Надежды верить мне и честолюбья рвенью;
И не без радости б его я приняла,
Когда б царевна взять иль отказать могла.
Нас не спросясь, цари располагают нами,
Чтоб утвердить свой трон иль мир скрепить с врагами.
Зависит жребий наш от судеб царств подчас;
Державный договор царит в сердцах у нас;
И моему в закон вменяет он корону:
Я полюблю царя по этому закону.
Мне тайна, явной став, над ним подарит власть,
И долг любовную во мне пробудит страсть.
Не ждите большего, — напрасно ожиданье:
Приняв от вас права царицы на избранье,
Я посягну на то, что ей принадлежит.
Ее ужасный гнев от вас, быть может, скрыт,
Но я по опыту его настолько знаю,
Что возбуждать его всемерно избегаю.
Что делала она, что я перенесла!
Я верить вам хочу, что нет в ней больше зла;
Но знайте, подстрекнуть избранье мной могло бы
К злодейству новому пыл угасавшей злобы.
Простите слово мне, сломавшее печать
Того забвения, что мир готов нам дать.
Погаснув с виду, спит огонь под слоем пепла;
Тех пламя обожжет, по чьей вине окрепло;
И разожги лишь я огня угасший пыл,
Я заслужила бы, чтоб он меня спалил.

Селевк

Как может гнев ее, ожив, тебя тревожить,
Когда всю силу в нем ты властна уничтожить?
Взведи на трон царя и царствуй вместе с ним.
Так ненависть ее опоры мы лишим,
И весь царицын гнев с его бесплодным жаром
Растает в воздухе, как дым бесследный, даром.
Но что, казалось бы, ей в выборе твоём?
Зачем трепещешь ты пред вымышленным злом?
Трон — наш. Не нанеся царице оскорбленья,
Не нарушая прав природы и рожденья,
Друг другу уступить свою мы можем часть,
То, что нам случай дал, вручив тебе во власть.
Что нам до этого пустого превосходства?
Твоя любовь важней, чем право первородства;
И слишком в нем тебе большое было б зло,
Когда б оно в разрез твоим желаньям шло.
Достойной жалости, тебе б рукоплескали;
Корону царскую тебе б насильно дали,
По принуждению царить бы стала ты,
И ядом были бы дары все облиты.
Во имя пламени, что нас сжигает властно,
Избавь надежду в нас от горечи напрасной.
Пусть счастье вдвойне познает твой супруг,
Когда получит он его из милых рук.

Родогуна

Сжигая, пламя вас обоих ослепило
И, к цели устремив, от цели отдалило.
Вы верите, что даст вам счастье выбор мой,
Что будет рад один и не вздохнет другой.
Но опасаясь я, — хоть сильны вы душою,
Вздохнете оба вы, лишь сердце я открою.
Не потому, что вам мой не внимает слух, —
Я рада б одному принадлежать из двух, —
Но дайте выполнить мне царственную волю,
Иначе слишком я взнестись себе позволю.
Исполнить мне легко властителя приказ,
Но заслужить меня не так легко для вас.
Каких трудов и дел, — вы знаете ли, — ныне
Потребуется от вас каприз моей гордыни?

Каким вы подвигом могли б меня стяжать?
Какие бедствия вам стали б угрожать?
Мою любовь с венцом вам получить возможно;
Но, верьте, волю ей давать неосторожно.
Вы оба от любви откажетесь моей,
Когда скажу вам — что ценою ставлю ей.

Селевк

Каких трудов и дел мы б не свершили ныне,
Все в жертву принося тебе, своей святыне?
Какие бедствия нас могут устрашать,
Когда они тебя помогут нам стяжать?

Антиох

Открой же сердце нам и не суди пристрастно
О дивном пламени, что нас сжигает властно.
Скажи, какой ценой позволишь ты сейчас
Счастливейшим царем стать одному из нас?

Родогуна

Хотите этого?

Антиох

Лишь это нам желанно.

Родогуна

Но вы раскаетесь в горячности обманной.

Селевк

Мы не раскаемся, скорее мы умрем.

Родогуна

Итак, хотите вы?

Селевк

Да, молим мы о том.

Родогуна

Прекрасно! Для меня час наступил открыться.
Послушна я тому, кто должен воцариться.

Но если станете роптать вы, я возьму
В свидетели богов, что вы виной всему;
Что, вопреки себе, отныне беззаветно
Я страсти отдаюсь, еще вчера запретной;
Что мне напомнили о долге, с этих пор
Дающем силы мне нарушить договор.
При имени отца дрожите, если живы! —
Из-за меня убит он той, кем рождены вы.
О нем забыла я, приняв закон иной.
Уплачен будет долг ему свободной мной.
Любовь иль ненависть на выбор предлагаю:
Люблю детей царя, царицы ж — проклинаю.
Решайтесь же, к моим прислушавшись словам,
Отречься от отца ль, от матери ли вам.
За вашим выбором свой сделать я согласна:
Чту вашего отца, а мать — клянусь ужасно.
Пусть дух и честь царя люблю в вас, их ценя, —
Лишь сын, достойный их, достоин и меня.
И ваша кровь и трон с его наследной властью
Должны вас научить к судьбе отца участью.
Того же требуют и слава и любовь.
Кто б против них в вас ум мог возмутить и кровь?
Когда вы матери даете предпочтенье,
Так будьте щедрыми, как мать, на преступленье.
Вы, осудив ее, должны ее карать;
Вы, оправдав ее, должны ей подражать.
Как! Вы вздыхаете? В вас нет былого пыла?
Я все предвидела, я вас предупредила.

Антиох

Царевна...

Родогуна

Не вернешь, раз слово сорвалось.
Молчать хотела я, но мне не удалось.
Пусть этот долг для вас — жестокость, воля злая, —
Получите меня, лишь за отца отмщая.
Дерзните заслужить меня такой ценой;
Посмотрим, кто из вас владеть захочет мной.
Прощайте.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Антиох, Селевк.

Антиох

Ах, так вот каков ответ надменной
На проявление любви столь совершенной!

Селевк

Жестокая бежит от нашего лица.

Антиох

Бежит, но в Парфию, пронзая нам сердца.

Селевк

Как рок несправедлив! Той, в ком так сердца мало,
От нашей матери родиться надлежало.

Антиох

Брат, сетуй без хулы.

Селевк

Как мучишь ты меня,
Упорно сдержанность в своих речах храня!
Должны ль мы царствовать? Должны ль любить
отныне?

Антиох

Благоговеть сильней должны мы пред святыней.

Селевк

Питать к венцу иль к ней большую надо страсть,
Чтобы такой ценой снискать ее иль власть.

Антиох

Остыть к венцу и к ней нам надо совершенно,
Чтоб против них восстать всецело и мгновенно.

Селевк

Когда нечестие — покорность оказать,
Необходимостью является восстать.

Антиох

Нет нужды восставать тотчас же, неотложно,
Раз отменить закон, не нарушая, можно.
И слишком в дерзости зашло бы далеко
Желанье получить все блага так легко.
Трудами небеса велят взноситься к славе;
И только победив, мы ждать триумфа вправе.
Но тщетно силюсь гнет приуменьшить скорбей!
Несчастья наши, брат, всех хитростей сильней.
Пучиной мрачною мне мнится их зиянье,
Где ненависть венчать готова злодеянье,
Где доблестей не чтут и славы темен след,
Где счастья без вины и без убийства нет;
И, видя призрак зол, струящий холод в жилы,
Слабею я, стремясь тебе прибавить силы;
Колемлюсь, трепещу, и сердце, смущено,
То тяжкой горести, то мужества полно.
Прости мне, брат, речей несвязное теченье:
В них выдает себя моей души смятенье.

Селевк

Такие ж я бы вел, когда б мой ум, смущен,
То бремя не стряхнул, которым отягчен.
Хоть честолюбия исполнен я и страсти,
Но верно я сужу о женщине и власти.
Я погасил в себе, испуган их ценой,
И честолюбие и пыл любовный свой.
Их с радостью тебе я отдал бы, без слова,
Когда б моей душе, теперь свободной снова,
Боязнь тебя сгубить подарком роковым
Не причиняла боль укором огненным.
Жестоких женщин двух покинем, брат мой, вместе
И предоставим их раздорам их и мести.

Антиох

Любя, с надеждою расстаться я не мог;
Ей не погаснуть там, где пламень так высок;
И смутный свет ее мне помогает ныне
Верней, чем судишь ты, судить об их гордыне.
Поверь мне, наших слез они боятся, брат.
От вздохов наших прочь бежать они спешат;

И, если б наших слез они дождались обе,
Пред такой горестью пришлось бы сдаться злобе.

Селевк

Вздыхай пред ними, плачь на их глазах, стеной.
На что надеешься, того страшусь я, знай.
Какая б ни была от них слезам награда,
С враждой взаимной их тебе бороться надо.
Меж ними встав, спасай их друг от друга, брат:
Быть может, лишь тебя удары их пронзят.
Вот что достойно слез. Теперь над нашей долей
Ни мать, ни милая уже не властны боле.
Чего б ни требовал их гнев от нас с тобой,
Ты — Родогуны муж, в цари ты избран мной.
Избавь от слез своих как ту, так и другую.
Я к счастью твоему тебя не приревную:
Я своего достиг, и дружеский мой взор
Лишь жалости к тебе исполнен с этих пор.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Антиох.

Антиох

Как был бы счастлив я, любви не зная к брату!
Когда не хочет он сознать свою утрату,
То слепоте его противлюсь я как друг.
Брат, дружеских тебя я не лишу услуг
И не воспользуюсь твоим негодованьем,
Заставившим тебя расстаться с упованьем.
Бывает, тяжкий нас удар ошеломит:
Разит все глубже он, хоть мнится, что отбит;
Ты правой гордости внушеньям верить волен,
Но кто не чувствует боль, тот тем опасней болен.
В здоровье призрачном яд сильный затаен;
И смерть грозит тому, кто мнимо исцелен.
О небо, не дозволяй исполниться предвестью!
Посмотрим, пред грозой мы устоим ли с честью,
И, наш смиряя гнев, столь мощный в этот час,
Природа и любовь заступятся ль за нас.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Антиох, Родогуна

Родогуна

Я не ослышалась? Так, если я вздыхаю,
Посмели думать вы, что я любовь питаю!
Кто мог из вас двоих так дерзко вознестись,
Чтоб возомнить...

Антиох

Оставь, царица, не гневись.
Никто бы не дерзнул из нас вознестись, что счастье
Имел он пробудить твое к нему пристрастье.
Не стою, знаю я, сравнения с тобой;
То ж знает о себе соперник милый мой.
Но если молвила ты нам от сердца слово,
Оно дает нам знать, что полюбить готово,
И что иным мольбам не прочь внимать твой слух,
Раз хочешь одному принадлежать из двух.
И если веровать в то чудо — дерзновенье,
То не кощунство ли — в оракуле сомненье?
И тот все бедствия свои бы заслужил,
Кто б данную тобой надежду погасил.
Во имя всех богов и пламени святого...

Родогуна

Душевной глубины не обнажает слово.
Надеждой увлечен, с излишней быстротой
Гордишься ты моей учтивостью простой.
Да, я сказала так; но как бы то ни было,
Вы заслужить должны дары любви, вам милой.
Вздыхая, думала тогда я не о вас:
Супруга тени я шлю вздохи и сейчас,
Как дань, как следствие того воспоминанья,
Которым смерть его живит мои терзанья.
Отмстите за него, с ним доказав родство.

Антиох

Отец нам сердце дал, прими от нас его;
То сердце, что тебя любило беззаветно,
И о котором ты теперь вздыхаешь тщетно,
То сердце, что всю кровь излить могло, любя,
Вновь ею полнится, чтоб вновь любить тебя.
В нем наша кровь; ожив, оно тобой пленилось,
Показывая тем, что в нас не изменилось.
В том положении, в какое вверг нас рок,
Чем лучше с ним родство сын доказать бы мог?

Родогуна

Раз сердце в вас — отца, и мной, ожив, пленилось,
Будь тем, чем был бы он, коль в нем бы сердце
билося:

Служи ему рукой, не бойся ничего.
Как, с сердцем тем в груди, не слушаться его?
А если не понять, чего оно желает, —
Чтоб пояснить, оно мой голос занимает.
Вторично говорит через меня оно:
Царевич, надо мстить.

Антиох

Согласье мной дано.
Лишь назови убийц, отмщу.

Родогуна

Как, мстить согласный,
Ты матери своей не признаешь, пристрастный?

Антиох

Ах! Если смерти ты не хочешь для двоих,
Убийц иль мстителей ты назови других.

Родогуна

Ах! Вижу хорошо, ты предан ей душевно;
Царевич, ты — за мать.

Антиох

Да, за нее, царица.

И я во власть тебе отныне отдаю
Мне ею данную на горе жизнь мою.
Исполни же сама то тайное веленье,
Которому в своем дала ты поясненье,
И поспеши ко мне — суд истинный твоя —
Царицу покарать, отмщая за царя.
Но, умертвив меня, чтоб долг исполнить свято,
Другому долгу вняв, счастливым сделай брата.
Ты одного из нас, исполненных любви,
Возьми себе в мужья, другого умертви.
Карая одного за мать его сурово,
За преданность отца вознагради другого;
И завещай пример потомству навсегда
И справедливого и строгого суда.
Как! Ты глуха к любви и к гневной неприязни?
И ни награды я не вымолю, ни казни?
И с сердцем любящим, отвергнутым тобой...

Родогуна

Увы!

Антиох

Не о царице ль ты все скорбишь душой?
И вздох твой вызвала не эта ли утрата?

Родогуна

Ступай иль позови по крайней мере брата.
Борьба моей душе была не так страшна,
Когда я поборошь двоих была должна.
Один сильнее ты, чем вы вдвоем, — не скрою:
Не побоявшись вас, дрожу перед тобою.
Люблю. Признание быть тайною должно.
Невольно вырвалось сквозь ненависть оно;

Но все же вырвалось: как я ни осторожна,
Перед тобой молчать мне было б невозможно.
Да, несмотря на гнев, люблю, душой скорбя,
И вздох мой говорит, что я люблю тебя.
Суровый долг стоит между тобой и мною.
Не обвиняй меня, — ты сам тому виною:
Напомнил ты о нем, прося решить ваш спор,
Чем нарушался бы ваш мудрый договор.
Отца погибшего пойми отныне долю.
Я отомстить должна, коль мне дадите волю.
И пусть тем возмущен душевный пламень мой,
Себя отдать могу лишь этою ценой.
Но нет, не от тебя должна я ждать расправы:
В своем отказе — ты, я — в просьбе, оба правы;
Ты из сыновних чувств в любви мне изменил;
Ты, повинувшись мне, меня бы прогневил:
Не за такую честь я почитаю мщение,
Чтоб дать наградою себя за преступленье.
Исполним миром нам предписанный закон,
Иль я лишусь тебя, лишь будет погран он.
Я больше для тебя не в силах сделать ныне:
Источник мужества мой в царственной гордыне;
Какую б власть любовь над сердцем ни взяла,
Мне не забыть, что я на трон царя взвела.
Люблю тебя, но жду, чтоб ваша мать без спора
Решила, кто из вас мне даст корону скоро.
До той поры желать я буду лишь тебя;
Лишась тебя, вздыхать лишь о тебе, скорбя.
Вот все, что гордость мне в любви позволить может;
Все, чем моя любовь твоей любви поможет.

Антиох

Чего ж еще желать? Пусть будет счастлив брат.
Я счастьем своему не больше был бы рад.
То страшно для любви, а не для дружбы к брату.
Благословлю богов за тяжкую утрату,
И, отогнав соблазн надежды роковой,
От горя я умру, но примирен с судьбой.

Родогуна

А я, когда судьба отдаст меня другому,
Чтобы досталась я душе моей чужому,

Любовь моя... Прощай; мой бедный ум смущен.
Царевич, если ты, как я, воспламенен,
Будь за любовь мою признателен душою
И до венчанья встреч ты не ищи со мною.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Антиох

Антиох

Исполнились мои заветные мечты.
Но не гордись, любовь, что победила ты:
Чтоб сделать полную победу недалекой,
Природу ты заставь торжествовать в жестокой;
И чувства нежные к нам матери внуши,
Те чувства, что хранишь для любящей души,
Ту жалость, слабость ту великую, чья сила
Отнять умеет мощь у мстительного пыла.
Но вот она. Любовь, природа, боги, вас
Молю смягчить ее иль смерть мне дать сейчас.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеопатра, Антиох, Лаоника.

Клеопатра

Так что же, Антиох, отдать тебе державу?

Антиох

Ты знаешь, мне ль она достанется по праву.

Клеопатра

Но стоишь ли ее — ты лучше должен знать.

Антиох

Я знаю, что погиб, коль мне не внемлет мать.

Клеопатра

Немного запоздав свершить за мать расплату,
Опередить тебя ты в том позволил брату:
Он за меня отмстил, пока ты рассуждал.

Ему должна я дать все то, чего ты ждал.
Мне жаль тебя, мой сын, твоя беда безмерна;
Да, потерять венец, то — гибель, это верно.
Известен выход мне один из бед твоих,
К тому ж сомнительный, прискорбный для двоих.
Погибну я скорей, чем выдам, в чем лекарство;
Но мы теряем все, когда теряем царство.

Антиох

Ты можешь нас спасти: в том выходе из бед
Прискорбного для нас, сомнительного нет.
Твой гнев нас вверг в беду; подобен он перуну.
Мать, мы теряем все, теряя Родогуну.
Мы чтим ее: суди, в какие беды нас
Повергнуть должен был суровый твой приказ.
Я оскорбил тебя в своей любви признаньем,
Но наши бедствия умножены молчаньем;
А ты, ослеплена пристрастием вражды,
Не можешь нас жалеть, не видя всей беды.
Лишь в жалости твоей для нас от бед спасенье.

Клеопатра

В какое сам ты впал слепое исступленье!
Ты, верно, позабыл, кто говорит с тобой?
Иль возомнил, что ты уже властитель мой?

Антиох

Хочу почтительно открыть тебе, в чем сила
Любви, которую сама ты пробудила.

Клеопатра

Я разожгла сама столь дерзкую любовь?

Антиох

Зачем же сыновей к себе взяла ты вновь?
Не вызвала ль ты нас, чтобы, согласно праву,
Мог старший получить царевну и державу?
И только ль? Нет, ее нам показала ты
И нас сама во власть повергла красоты.
Кто б мог из нас двоих тому сопротивляться,
Раз ты велела нам царевны домогаться?
Когда бы не могла она красой своей

Воспламенить наш дух, нас долг привлек бы к ней;
Желанье царствовать того ж достигло б вскоре.
Стремиться велено нам в мирном договоре
Царевной завладеть по долгу, по любви,
Иль честолюбием сменяя страсть в крови.
Любя, мы думали в тебе найти участие.
Страшило нас одно — что брат отнимет счастье.
Но этот страх затем пред дружбою утих;
И ныне жалости прошу я для двоих.
Что, несмотря на мир, царевну ненавидеть
Способна втайне ты — могли ли мы предвидеть?

К л е о п а т р а

О, нет, но забывать о том вы не должны,
Что от бесчестия вы мною спасены;
Что, отступи лишь я пред вашею царевной,
Вас довела б она до участи плачевной.
Я думала, что вы, обиды не стерпев,
Тайте на сердце свой мужественный гнев;
И лживой кротостью его я усмиряла,
Чтоб, вырастая в вас, подавленный сначала,
Негодования и ярости поток
С тем большей силою затем прорваться мог.
Я больше делаю — прошу и угрожаю;
Я требую, но чем ваш вызвать гнев — не знаю.
Венец, который вам в награду прочит мать,
Ни на минуту вас не мог поколебать.
Презрели вы его, как и мою невзгону:
Любовь заставила замолкнуть в вас природу.
Как мне любить детей, мою презревших кровь?

А н т и о х

Разделены в правах природа и любовь;
В нас властвует одна, другой не обделяя.

К л е о п а т р а

Нет, где любовь царит, должна молчать другая.

А н т и о х

Их чары сладостны для нас равно во всем.
Мы оба за тебя с готовностью умрем;
Но так же...

Клеопатра

Продолжай, сын дерзкий и суровый!

Антиох

Мы оба умереть и за нее готовы.

Клеопатра

Умрите ж! За мятеж достойны вы скорей
Негодования, чем жалости моей.
Не проронив слезы, я вашу смерть увижу,
В вас видя только ту, кого я ненавижу.
Мне будет торжеством смерть сыновей двоих,
Ее поклонников и недругов моих.

Антиох

Так что же? Торжествуй и распростишься с пощадой!
Иль дрогнула рука? Моей тебе не надо?
Скажи — и выполню я волю, мать, твою:
Пронзая грудь себе, изменника убью.
Угодное тебе свершу охотно дело —
В моей крови твой гнев я утоплю всецело.
Но если ты зовешь любовь к ней мятежом,
В негодовании ожесточась своим,
То не забудь, что мы оружием избрали
Лишь вздохи, слезы лишь беспомощной печали.

Клеопатра

Железо и огонь избрать бы лучше вам!
Мне легче было бы нанести удар врагам!
В сыновних же слезах такая скрыта сила,
Что мстительный мой пыл едва ль не угасила.
Могу ль твоим слезам во вздохах отказать?
Я вижу скорбь твою и чувствую: я — мать.
Довольно, я сдаюсь, мой гнев стихает правый;
Тебе судьба владеть царевной и державой.
Благодари богов за право старшинства:
Возьми ее, цари.

Антиох

Мгновенье торжества!
Счастливейший конец безвыходной печали!

Благодарю богов, что гнев твой обуздали.
Возможно ль это, мать?

Клеопатра

Не устояла я!
Сильна природа в нас: где ненависть моя?
На этом кончу я. Ты к матери привязан
И промолчишь о том, о чем молчать обязан.

Антиох

Как! Рок не гибель мне, но торжество сулит?
Рука разившая теперь меня целит?

Клеопатра

Да, увенчать хочу я этот пламень юный.
Ступай и поделись вестями с Родогуной.
Как ты, она внимать с отрадой будет им:
Ты не любил бы так, не будь ты сам любим.

Антиох

Счастливец Антиох! Счастливая царица!
Да, радуемся мы с ней заодно, душевно.

Клеопатра

Ступай же! Сколько здесь минут ты потерял,
У счастья своего ты столько же украл.
И вечер нынешний, срок брачного обряда,
Покажет всем, как я с враждой покончить рада.

Антиох

Тебе ж покажем мы, что наша цель — в одном:
Чтоб, и нося венец, быть в подданстве твоём.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клеопатра, Лаоника.

Лаоника

Великодушие в ней гнев преодолело.

Клеопатра

Над сердцем матери сын властвует всецело.

Лаоника

Ты плачешь все еще! В смятенье чувств таком...

Клеопатра

Пришли Селевка мне и нас оставь вдвоем.
Предвижу: ждет его сейчас большое горе;
Но горечь усладить я постараюсь вскоре.
Не объясняйся с ним: я сыну моему
Все расскажу сама — приятней так ему.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клеопатра.

Клеопатра

В великодушии ты не прочла угрозы!
Я, правда, слезы лью, но это злые слезы:
Чтоб ослепить тебя, им злоба течь велит,
Хотя ты думаешь, что мною гнев забыт.
Доверюсь лишь себе. — А ты, о легковерный,
Ты, очарованный приманкой лицемерной,
Чье легкомыслие готовит торжество
Коварным выдумкам притворства моего,
Что ж, торжествуй в мечтах с царевною своею
И славе предпочти удел счастливый с нею,
Меж тем как, изощрясь в отмщенье за себя,
В несчастья новые повергну я тебя.
Гордыни мстительной не сломишь без отпора:
Жди козней от того, кто сдался слишком скоро;
И надо чувств от слов не отличать пустых,
Чтоб верить в искренность столь быстрой смены их.
Увидишь, как их всех я, изменясь, простила.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Клеопатра, Селевк.

Клеопатра

Ты знаешь ли, Селевк, — я за себя отмстила.

Селевк

Царевна бедная!

Клеопатра

Тебе царевну жаль?

Ты любишь?

Селевк

Смерть ее внушает мне печаль.

Клеопатра

Еще ты можешь ей служить любовью верной:
Не ей я за себя отместила беспримерно.

Селевк

О, небо! Но кому ж отместила ты?

Клеопатра

Тебе,

Чья цель в одном — ее в супруги взять себе;
Тебе, избравшему ее своей святыней,
Не пожелавшему служить моей гордыне;
Тебе, чья страсть встает наперекор моей,
Противясь мщению, лишив утехи всей.

Селевк

Как, мне?

Клеопатра

Да, лжец, тебе! Скрывай свой пламень жгучий,
Не знай беды, тебе грозящей, неминучей.
Но если думаешь неведением спастись,
То, хоть узнав о ней, беду встречать учись.
Ты трон наследовал по праву первородства;
Царевне бы пришлось признать твое господство;
Ты был бы царь, тебе женой была б она!
Но так как тайною владею я одна
И дать кому хочу на трон могу я право, —
Соперник твой владеть стал милой и державой.

Селевк

Мой брат?

Клеопатра

Да, я за ним признала старшинство.

Селевк

Не огорчишь меня венчанием его.
И по неведомой еще тебе причине
Моя любовь уже свершила это ныне:
Каких услад и благ меня ты не лиши,
Все брату до тебя я отдал от души.
И если в этом ты пределы видишь мести,
В своих желаниях с тобой мы будем вместе.

Клеопатра

Вот так досаду скрыть пытаются всегда,
Представить, что она исчезла без следа;
И думают в обман ввести терпением лживым
Того, кто слушает с сомнением справедливым.

Селевк

Как! В сердце затаил я неизжитый гнев?

Клеопатра

Как! Ты бы потерял ее, не пожалев, —
Ее, с которой брак тебе судили боги,
Чью гибель мнимую оплакал ты в тревоге?

Селевк

О гибели ее могу я сожалеть
И не стремиться все ж царевной овладеть.

Клеопатра

Соперник или смерть — кто б ни похитил милой,
Скорбь ощутит о том любовник с равной силой.
Кто, пережив ее, вновь радость обретет,
Сопернику отдать ее не мог бы тот:
Глубоко уязвлен, стремился б он упорно
Любимой завладеть, к ней охладев притворно;
Тем более, когда утраченное им
По праву он бы мог уже считать своим.

Селевк

Быть может. Но зачем, любовью к нам объята,
Натравливаешь ты мою печаль на брата?
Иль горе хочешь ты до вспышки довести?

Клеопатра

Хочу, его узнав, ему пресечь пути.
Хочу спасти плоды моих трудов и бдений
От ярости твоих ревнивых покушений.

Селевк

Хотелось бы, чтоб так. Но что за смысл двоих
Нас делать старшими, по воле чувств твоих?
Кому из нас ты лжешь? Какому правосудью
Угодно, чтоб удар своей я встретил грудью
И чтобы за любовь к красавице одной
Он был вознагражден, а я казнен тобой?

Клеопатра

Царица, я вольна и в милости и в казни;
И я дивлюсь, что ты не ведаешь боязни,
Что сын, изменой мне свой запятнав удел,
Отчета от меня потребовать посмел.

Селевк

Но ты простишь меня за этот пыл нескромный.
Нет, не завидую я милости огромной;
И лучше мне твоя любовь известна к нам,
Чем полагаешь ты, чем я хотел бы сам.
Мне правду высказать мешает уваженье.
Не изменило мне ни мужество, ни зренье.
Но ты увидишь впредь, что дружбу я дарю
Лишь брату моему, а преданность — царю.
Прощай.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Клеопатра.

Клеопатра

Могу ль я быть еще сильнее язвима?
Любовь их мне тяжка, их дружба нестерпима.
Я против ярости своей встречаю в них
Союз соперников и бунт детей моих.
Как! Трон и милую теряет он безгневно?
Чем ты чаруешь так, проклятая царевна?

Кто право дал тебе, воспламеняя их,
Взять одного себе, меня ж лишитъ двоих?
Но ненависть моя так скоро не смирится:
Хоть над двумя царишь, еще ты не царица.
Из слов моих детей мне истина ясна:
Чтоб одолеть тебя, я их убить должна.
Ну что ж, убив отца, — оскорблена отказом
Служить мне, — я теперь возьму две жизни разом.
Опасны для меня равно и сыновья;
Я начала с него, а кончу ими я.
Из сердца вырву их, коль мне не покорятся:
Пусть за меня отмстят, иль с жизнью распростятся.
Но уж постиг один, что кара здесь их ждет;
Кто медлит, тот себя предупредить дает.
Иду, чтоб совершить скорей обряд закланья
И счастье обрести ценою злодеянья.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеопатра.

Клеопатра

Итак, хвала богам! Повержен враг один.
Наполовину месть свершилась — умер сын.
И может он отцу от матери нелживо
И брата обещать с царевной нечестивой:
Они вослед идут; и все в руке моей,
Чтоб разлученных мной соединить скорей.
О ты, обряда лишь дожидаться принужденный,
Чтоб бросить мне к ногам соперницу казненной;
При чьем посредстве рок для любящих двоих
Готовит брак, и трон, и смерть от рук моих,
Яд, — ты вернешь ли мне венец мой с властью милой?
Послужишь ли, как мне железо послужило?
Ты не предашь меня? А ты, возврат смешной
Нелепой нежности, что делать мне с тобой,
Дар добродетели досадной и опасной?
Не сын отныне мне супруг царевны властной:
В нем крови нет моей, когда венец и трон,
Их вырвав у меня, дает царевне он!
Ты, в ком струится кровь отца-прелюбодея,
Одной с ним страстью к ней преступно пламенея,
Люби ее, умри, как он, ее любя:
Чтоб повалить ее, я подрублю тебя.

К тому ж я погублю себя без промедленья,
Как только отступлюсь, не кончив преступленья!
И навлекла бы я, дав сыну власть венца,
Мечь на себя его за брата и отца.
Мы близим казнь свою, не до конца отмщая;
Осудим ненависть иль завершим, венчая!
И пусть разгневанный за смерть царей народ
Всей кровью жил моих гробницы их зальет;
Пусть не найду ни в ком защиты от Фраата;
Пусть уравниется с моей виной расплата, —
Не уступлю я трон, не станешь ты царем!
Нет, лучше пусть перун меня сразит на нем!
Пусть жребий заслужу отвергнутый пощадой.
Лишь отомстить бы мне, а там хоть небо падай!
Спокойно жду удар, и в сердце страха нет:
Погибнуть сладостно за недругами вслед;
И сколь бы ни была судьба ко мне сурова,
Смерть подданству врагам я предпочесть готова.
Но Лаоника здесь; пока я скрыть должна
Все, что в ближайший срок узнается сполна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клеопатра, Лаоника.

Клеопатра

Идут любовники?

Лаоника

Приблизилась, царица.

Веселия души исполнены их лица;
Величие любви на них отражено.
И вот, как в Сирии в обычай введено, —
Осанкой царственной одна другого краше, —
Идут они сюда испить из брачной чаши,
Чтоб после, лишь они покинут свой дворец,
Их в храме сочетал навеки старший жрец.
Там ждет он их, чтоб дать чете благословенье.
Встречает радостно народ их появленье
И громко молится за них богам о том,
Чего им следует желать пред алтарем, —
Горя желанием за них, чтобы скорее

Начался брачный чин и кончился быстрее.
Парфяне, смешаны с сирийцами в толпе,
Всю старую вражду искоренив в себе,
Благословенья шлют чете счастливой, юной,
Вслед за царевичем спеша и Родогунной.
Но вот они. Тебе, царица, надлежит
Начать здесь празднество, что радость нам сулит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеопатра, Антиох, Родогуна, Оронт, Лаоника,
толпа парфян и сирийцев.

Клеопатра

Приблизьтесь, дети, — так двоих вас именую,
Царевна, полюбив тебя как дочь родную.
Надеюсь, угожу я именем таким...

Родогуна

Я буду дорожить и после смерти им,
Так сладок звук его; мне будет наслажденьем —
Тебя, как мать, почтить своим повиновеньем.

Клеопатра

Довольно и любви; вам будет власть дана:
Не вы меня, но я вас ныне чтить должна.

Антиох

Ах! Мы не для того приходим к высшей власти,
Чтоб долг наш пред тобой нарушить хоть отчасти.
Ты будешь царствовать, когда мы примем сан;
Не наш, но твой закон здесь нами будет дан.

Клеопатра

Надеюсь я, что так. Но час настал обряда:
Пора мне приступить к тому, что сделать надо.

Антиох садится в кресло, Родогуна слева от него в том же ряду, Клеопатра справа от него, но на один ряд ниже, что указывает на некоторое неравенство. Оронт садится слева от Родогуны, также на один ряд ниже. В то время как они занимают места, Клеопатра говорит что-то на ухо Лаонике, которая уходит за чашей, наполненной отравленным вином. После ее ухода Клеопатра продолжает.

Сирийцы, мой народ, и вы, парфяне, кем
Царевны правит брат, я говорю вам всем:
Вот он, мой старший сын, которому законы,
Взведя его на трон, дают царевну в жены.
Я отдаю ему спасенный мной престол.
Я, мать, с него сошла, сын на него взошел.
Пусть больше власть за мной не признает столица:
Вот он, твой царь, народ, и вот твоя царица.
Живи, чтоб им служить, люби их, почитай,
А, если нужно им, и жизнь за них отдай.
Оронт, как видишь, я вполне чистосердечно
Им уступаю власть, с себя сложив навечно;
И, вникнув в то, что здесь увидишь с этих пор,
Признаешь: так велит наш мирный договор.

Лаоника возвращается с чашей в руке.

О р о н т

Да, искренность твоя видна; я не премину
Об этом рассказать царю и властелину.

К л е о п а т р а

Теперь нам гименей в сладчайший долг вменен.
Обычай требует, чтоб здесь начался он.
Итак, из рук моих примите чашу эту,
Чтоб жрец вас сочетал затем и внял обету.
Залогом ваших чувств и дружбы к вам моей
Да будет чаша вам, лишь прикоснетесь к ней.

А н т и о х (беря чашу)

Чем только матери я не обязан, боги!

К л е о п а т р а

Пора, не медлите у счастья на пороге.

А н т и о х

Так пусть же дивные мгновенья поспешат:
Вот проба первая блаженнейших услад.
Но если бы мой брат мое увидел счастье...

К л е о п а т р а

Желать ему того — жестокость, не участие:
Он сделал хорошо, мученья избежав;
И скорбь права, от мук Селевка удержав.

А н т и о х

Нет, счастья моего он не считал бедою.
Но завершим обряд.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клеопатра, Антиох, Родогуна, Оронт, Тимаген,
Лаоника, толпа.

Т и м а г е н

Царевич!

К л е о п а т р а

Что с тобою?

Как смел ты, Тимаген?

Т и м а г е н

Царица!

А н т и о х (*отдавая чашу Лаонике*)

Говори.

Т и м а г е н

Дай мне прийти в себя, минуту подари...

А н т и о х

Но что произошло?

Т и м а г е н

Твой брат, Селевк, под властью..

А н т и о х

Как! Вздумал моему противиться он счастью?

Т и м а г е н

Ища его везде, чтоб грусть рассеять в нем,
Которую питать он в сердце мог своим,

Нашел я, государь, царевича в аллее,
Где свет небес всегда нам кажется тусклее.
От слабости простерт на слое дерна, он
В скорбь об утраченном был, мнилось, погружен;
Казалось, весь в одно ушел он помышленье;
И на руку склонив главу свою в томленье,
Любовник горестный, задумчив, недвижим...

А н т и о х

Кончай же свой рассказ; скажи скорей, что с ним?

Т и м а г е н

Из царственной груди, мечом насквозь пронзенной,
Багряная струя текла на дерн зеленый...

К л е о п а т р а

Он умер?

Т и м а г е н

Да, он мертв.

К л е о п а т р а

О, как, враждебный рок,
К тому, что я себе сулила, ты жесток!
Вот роковой удар, меня страшивший втайне,
Вот завершение любовной скорби крайней.
Он без тебя не мог, царевна, жить, любя,
И вот своей рукой он умертвил себя.

Т и м а г е н *(Клеопатре)*

Он говорил со мной: его рука безвинна.

К л е о п а т р а *(Тимагену)*

Преступна же — твоя; и ярость так бесчинна,
Что недостаточно тебе его убить, —
Ты, подлый, мертвого заставил говорить!

А н т и о х

Прости ей, Тимаген, скорбь матери святую
И подозрительность гневливую, слепую:
Ведь, если не было свидетелей других,
И я бы думал так, не знай я чувств твоих.
Но что же он сказал? Прошу, вернись к рассказу.

Т и м а г е н

Сраженный зрелищем таким, я вскрикнул сразу.
И вдруг царевич наш, вздохнув в ответ на крик,
С трудом глаза свои чуть приоткрыл на миг;
И взором, меркнувшим на грани мглы неверной,
За брата милого приняв меня, наверно,
Полн думы о тебе, слова промолвил он,
В которых гнев его был дружбой побежден:
    «Рука, нам очень дорогая,
Мстит этим за отказ в расправе роковой.
    Брат милый, царствуй, избегая
    Злодейства от руки родной.
То...» Прерван паркою он был на слове этом.
Дух отлетел его, расстался он со светом.
А я, ошеломлен ужасным тем концом,
К вам с вестью поспешил столь тяжкою о нем.

А н т и о х

Да, весть твоя тяжка, конец ужасен брата.
Веселье общее в плач обратит утрата.
О брат, любимый мной превыше бытия!
Соперник, милый мне, как и любовь моя!
Я потерял тебя, и я обрел в утрате
Несчастье большее, чем скорбь моя о брате.
О, темный, жуткий смысл его последних слов!
Ты в бездну ужаса меня увлечь готов.
Когда я о руке убийцы размышляю,
Все, что б ни думал я, в вину себе вменяю.
По признакам, каких ты мало мог мне дать,
Смысл темен слов его! Кого подозревать?
    «Рука нам очень дорогая!»

(Родогуне.)

Твоя ли то рука, иль матери — «родная»?
Желали обе вы расправы роковой.
Мы отказались вам помочь своей рукой.
Кто за себя отмстил? На это преступленье
Чья поднялась рука, за наш отказ в отмщенье?
В тебе ль преступницу мой должен видеть взор?
Тебя ли избегать мне нужно с этих пор?

Клеопатра

Подозревать меня?

Родогуна

Я страх тебе внушаю?

Антиох

Любовник я и сын, люблю и уважаю.
Но как ни сладостны такие имена,
По верным признакам на вас лежит вина.
Не лжешь ты, Тимаген? И ты расслышал ясно?

Тимаген

Скорей бы умер я, чем обвинил напрасно
Любимую твою иль мать. Но мой рассказ
Содержит только то, что слышал я сейчас.

Антиох

Кто б ни свершил его, злодейство беспримерно!
Не смею верить в то, что знаю я наверно.
О, кто б из вас двоих ни пролил кровь его,
Вам не пролить уже кровь сердца моего.
Не согласился я вам оказать услугу,
Чтоб утолить ваш гнев и ненависть друг к другу.
Но если я отверг служенье целям злым,
Себе во зло служить хочу я вам двоим:
Примите жизнь мою; ее ценнейшей части
Меня навек уже лишили ваши страсти.

(Вынимает меч и хочет убить себя.)

Родогуна

Ах, нет, остановись!

Тимаген

Что делаешь с собой?

Антиох

Служу им, предварив удар их роковой.

Клеопатра

Живи и будь царем.

Антиох

Рассей мои сомненья,
Скажи, — от чьей руки страшиться мне отмщенья?
Кто помогает мне, чтоб после погубить,
Меня от рук моих спасает, чтоб убить?
Как мог бы жизнь влачить я в пытке неотступной,
Не отличая в вас невинной от преступной?
Вас видя, чувствовать смятенье всякий раз?
Обеих вас любить, страшась обеих вас?
Жить с этой мукой — то ж, что умирать все время.
Дай муки мне забыть иль жизни сбросить бремя,
Чтоб горя моего великодушный дар
С вас снял ответственность за роковой удар.

Клеопатра

В тот день, когда один мой сын навек уходит,
Другой, увенчан мной, на мать вину возводит!
При виде слез ее, не только не смущен,
Но принуждает мать оправдываться он!
Когда не можешь ты мне радость дать иную,
Как с чужестранкою равняя мать родную,
Скажу я, государь (иначе как же я
Могу назвать того, кто царь мне и судья?),
Что следствие ты зришь вражды неистребимой,
Жестокосердием ее ко мне таимой.
Ту ненависть живет в ней память о былом;
И я была права, беду предвидя в том.
Знай, кровь мою пролить она была готова.

(Родогуне.)

О чем узнала я, то для меня не ново;
Но я твоим слезам себя смягчить дала.
Поверив им, в тебе не видела я зла.
Но в ярости твоей, о боги, что за сила!
Взяв сына у меня, другого ты убила;
И угнетенную лишить желаешь мать
Поддержки слабой той, какую мог он дать!
К кому прибегну я, из-за тебя несчастна?
Царю ль пожалуюсь? Ты над судьей всевластна.
И, может быть, увы, рассказ прослушав мой,
Он будет умерщвлен все тою же рукой.
Я — мать им, ты им — враг: бесчестья им обоим

Желала ты всегда, я — славы, как героям;
И не люби я так двух сыновей своих,
Ты, к нам сюда прибыв, лишила б трона их.
Различием таким избавлен от сомненья,
Пусть он рассудит, кто достоин подозренья,
Кому из нас двоих не должно доверять;
Иль чарами себя попробуй оправдать.

Родогуна (*Клеопатре*)

Защита мне трудна: невинные едва ли
Способны допустить, чтоб их подозревали;
И, не предвидя зла, в нем могут быть всегда
Они обвинены без всякого труда.
Я не дивлюсь тому, что с Тимагена снята
Тобой вина, и я вдруг стала виновата.
Чтоб оказалась я вершительницей зла,
Достойным веры ты его рассказ сочла.
Его винила ты, со страхом полагая,
Что сын тебя назвал, от раны умирая;
Узнав же, как темны его слова, ты, мать,
Велишь одну из нас преступною признать.
Когда желаешь ты, чтоб за убийство это
Одна из нас несла все тягости ответа, —
Тебя, почтительна, винить не стану я;
Но к злу твоя рука привычней, чем моя:
Чьим первым опытом убийство мужа было,
Та, завершая труд, и сына бы убила.
Не стану отрицать законных чувств моих,
Взлелеянных в душе, — ты знаешь тайну их:
Ты кровь мою пролить, а я твою хотела.
Известно хорошо царю, как было дело.
Из осторожности он все смягчил, любя;
Быть может, как меня, он знает и тебя.

(*Антиоху.*)

Вот средство, государь, снискать любовь супруга:
В дар брачный заколоть родного брата, друга.
Но мало этого: мной умерщвлен твой брат,
Чтоб вслед убит был ты, — вот в чем меня винят.

(*Клеопатре.*)

Злодейства совершив, куда бы я бежала,
Царица, от тебя? И что бы делать стала

Вся Сирия твоя, когда руки ничьей...
Но ты не слушаешь, о царь, моих речей!

Антиох

Нет, я не слушаю, и в умерщвление брата
Не буду вам судьей, — мое решение свято.
Убит ли будет сын иль умерщвлен супруг,
Остерегаться я не стану ваших рук.
Без рассуждения приняв мой жребий мрачный,
Всему покорствуя, обряд закончим брачный.
Брат милый, для меня то смертная стезя:
Мне от убийц твоих пощады ждать нельзя.
Не защищаться, нет, хочу с тобой быть вместе,
Твоей убийце дать меня убить из мести, —
Мечтая, чтоб она, сгубившая тебя,
Покончив и со мной, тем выдала себя,
И чтобы на нее второе злодеянье
Исторгло у небес перун, ей в воздаянье!
Дай мне...

(Протягивает руку к чаше.)

Родогуна *(удерживая его)*

Как, государь!

Антиох

Со мной ты не борись.

Дай!

Родогуна

Ах! И той руки и этой берегись!
Царицы это дар — не доверяй же чаше
И тайных зол страшись от ненависти нашей.

Клеопатра

Ты обвинить меня решаешься сейчас!

Родогуна

Все должен отвергать он от обеих нас.
Считаю я тебя к убийству непричастной,
Но это доказать сейчас должна ты ясно;
И так же в свой черед я поступлю потом:
Страх за царя велит предвидеть зло во всем.

Сними с себя вину и, вместо оправданья,
Из чаши дай слуге отпить для испытанья.

Клеопатра (*беря чашу*)

Я отопью сама. Что ж! Все еще беды
От гнева моего страшишься втайне ты?
С терпением снесла я это оскорбленье.

Антиох (*принимая чашу
из руки отпившей из нее Клеопатры*)

Прости, царица, ей невольное сомненье:
Она старается, тобой обвинена,
Чтоб пала на тебя столь тяжкая вина;
И то ль любовь ко мне, то ль пыл самозащиты, —
Но пятна крови той с нее как будто смыты.
А я, в смятении лишь бездну видя бед,
Пучину горестей, которым меры нет,
Я жду, чтоб истина открылась ныне взору,
Доверясь в том богов премудрых приговору,
И не замедлю я...

Родогуна

Взгляни в ее зрачки, —
Как помутились вдруг, как стали широки!
Какой ужасный пот лицо покрыл, стекая!
Как грудь вздымается! Ах, ярость роковая!
Погибнуть, чтобы тем тебя сгубить верней!

Антиох (*отдавая чашу Лаонике*)

Что в том? Она мне мать. Помочь должны мы ей.

Клеопатра

Нет, жизни не вернет мне никакая сила:
Так ненависть моя мне верно послужила,
Так быстро, что убить не удалось тебя,
И умираю я, об этом лишь скорбя.
Но облегчается обида тем отчасти,
Что не увижу я соперницу у власти.
Цари! Путем злодейств ты был избавлен мной
От брата, от отца и от меня самой.
Да изберет перун двоих вас для удара,

И за мои грехи вас да постигнет кара!
Да будет ваш союз исполнен с этих пор
Лишь отвращения, и ревности, и ссор!
И, чтобы пожелать все беды в зле едином, —
Да наградит вас рок со мною схожим сыном!

А н т и о х

Живи, чтоб ненависть сменилась на любовь.

К л е о п а т р а

Я прокляну богов, дай жизнь они мне вновь.
Пусть унесут меня. Смерть близко. Если ныне,
Злоумышления забыв моей гордыни,
Ты, Лаоника, мне захочешь услужить,
Позор — к ногам их пасть — не дай мне пережить.
(Уходит, поддерживаемая Лаоникой.)

О р о н т

Казня ее судьбой столь злополучной, боги
К тебе, о государь, в их правоте не строги.
На грани гибели они тебя спасли
И величайшую опасность отвели.
По милости небес и воле их верховной,
Невинен в казни ты, свершенной над виновной.

А н т и о х

Не знаю, что в судьбе злой матери моей, —
То ль жизнь, то ль смерть ее, — гнетет меня сильней:
Чревата каждая бедою беспримерной.
Скорби со мной, Оронт! — А вы, скорбя безмерно,
Сменив веселие на плач, идите в храм —
Чин похорон начать вслед брачным торжествам;
И убедимся мы по жертвам принесенным,
Угодно ль небу к нам быть ныне благосклонным.

НИКОМЕД

*Трагедия
в пяти действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Прусий, царь Вифинии.
Фламиний, римский посол.
Арсиноя, вторая жена Прусия.
Лаодика, царица Армении.
Никомед, старший сын Прусия от первого брака.
Аттал, сын Прусия и Арсиной.
Арасп, начальник стражи Прусия.
Клеона, наперсница Арсиной.
Стража.

Действие происходит в Никомахии

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Никомед, Лаодика.

Лаодика

Царевич, я горжусь, что вы, герой войны,
Своей возлюбленной попрежнему верны,
Что мною побежден любимец бранной славы,
Который разгромил врагов своей державы
И лавры всех побед сложил к ногам моим,
Воитель, что в боях с врагом непобедим.
Но чем любовь моя и страсть моя сильнее,
Тем больше мучусь я, от страха цепенея.
Немедленно должны вернуться вы назад.
Здесь вам опасности со всех сторон грозят,
Здесь ваша мачеха царит самодержавно,
И все вокруг нее безгласно и бесправно;
Лишь прихотям жены внимает ваш отец...
Нет, безопасности вам не сулит дворец!
Из-за меня она вас ненавидит вдвое, —
Я встала на пути царице Арсиное.
Царевич, сын ее, вернувшись, возмечтал...

Никомед

Хотел бы вас назвать супругою Аттал.
О, Рим его держал в заложниках недаром;
Он для республики был выгодным товаром,

Который матери Фламиний передал,
Когда в обмен ему был отдан Ганнибал.
И был бы предан вождь, властитель Карфагена,
Когда бы яд его не вызволил из плена,
Не отменила смерть навеки торжество,
С которым римляне пришли встречать его.
Едва покончил я с последнею войною
И Каппадокию связал с моею странюю,
Услышав эту весть, я понял без труда:
Учитель мой погиб, а вам грозит беда.
И даже не успев с дружиною проститься,
Сюда я полетел — спасти мою царицу.
Как видно, во дворец явился я не зря:
Фламиний все еще преследует царя.
Республика его за пленником послала,
Но нет уже теперь на свете Ганнибала.
Остался при дворе Фламиний в этот раз —
Аттала поддержать в его борьбе за вас.

Л а о д и к а

О да, ваш младший брат, который вырос в Риме,
В стремлениях своих поддержан будет ими.
Царицей за него был предан Ганнибал,
И он сообщником предательницы стал.
Но, как ни рвался б он вам перейти дорогу,
К лицу ль, царевич, вам испытывать тревогу?
А верности моей — какая же цена,
Когда при вас одном незыблема она,
Когда б я предпочла Аттала Никомеду,
Который одержал над Азией победу, —
Аттала, коего властолюбивый Рим
Взрастил заложником, — верней, рабом своим,
Лишь научив его угодливой боязни
Стать жалкой жертвою господской неприязни!

Н и к о м е д

Нет, нет, уж лучше смерть, чем каждый день и час
Постыдной ревностью терзать себя и вас!
Не вашей слабости, — страшусь его насилья;
А если Рим решил и нам подрезать крылья...

Л а о д и к а

Пускай бушует он, но царский мой венец
Не властны отобрать ни Рим, ни ваш отец!
Меня ж родитель мой вручил в предсмертной муке
Царю Вифинии в надежнейшие руки;
Мне предназначил он стать вашею женой,
И это отменить позволил мне одной.
Да, так он повелел: армянская царица
Должна с наследником вифинским обручиться,
И не унижится она вовеки так,
Чтоб с подданным своим вступить в неравный брак.
Спокойствие, мой друг!

Н и к о м е д

Спокойствие, когда вы
Во власти женщины свирепой и лукавой,
Способной совершить любую злую месть,
Чтоб сына своего на царский трон возвесть!
Для этой женщины уже ничто не свято.
Был предан Ганнибал судилищу сената,
А если гость ее был предан в этот раз,
С такой же легкостью она предаст и вас.

Л а о д и к а

Но защитят ли вас священные законы,
Хранящие права наследника короны?
Внезапный ваш приезд, вас не обороня,
Поставит под удар, царевич, и меня.
Не испросив на свой приезд соизволения,
Вы дали повод в нем увидеть преступленье.
Его использовать стремятся сын и мать
В бессилии своем со мною совладать.
О да, вы мне нужны, но вас должны страшиться
И государь-отец и мачеха-царица.
Вернитесь к армии и покажите вдруг,
Что могут защитить меня сто тысяч рук.
Вдали двора сильны вы силой полководца;
Здесь вы у них в руках, здесь вам нельзя бороться.
Не думайте, что вас оборонит от бед
Блестящий ореол бесчисленных побед.
Как вы ни доблестны, сегодня для сраженья

Всего лишь две руки у вас в распоряженье.
Пусть вы кумир солдат, гроза врагов, храбрец, —
Подвластен лишь царю вступивший во дворец.
Вернувшись к армии, поступите вы здраво.
Пускай останется здесь только ваша слава!
Спасите же себя, меня спасти стремясь;
Чтоб не страшилась я, пускай страшатся вас.

Н и к о м е д

Вернуться к армии! Я знаю Арсиною,
Которая убийц повсюду шлет за мною.
И я, схватив двоих, привез их во дворец, —
Прозреет, может быть, обманутый отец!
Пускай он ей супруг, отец же он, однако!
Но если цепь родства слабее цепи брака,
Тогда заговорят короны трех держав.
Царю вручил их я, победу одержав.
Но, может быть, и здесь подстерегает случай,
Убийца, посланный мне ненавистью жгучей...
А коль и там и здесь — отравленный клинок,
Не лучше ль умереть мне здесь, у ваших ног?

Л а о д и к а

Мой друг, я не страшусь ее коварной мести.
А гибель подойдет, — ну что ж, погибнем вместе!
Бесстрашны будем мы, и нужно тем дрожать,
Кто в низости своей нас вздумал унижать.
Народ не терпит их, а вы им так любимы,
Что с этой силою вы здесь непобедимы.
Но вот идет Аттал; он чем-то удручен.

Н и к о м е д

Молчите обо мне, — меня не знает он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лаодика, Комед, Аттал.

А т т а л

Опять, сударыня, вы смотрите с укором!
Ужели никогда не встречусь с нежным взором,

Отбросившим свою жестокость до конца,
И покоряющим суровые сердца?

Л а о д и к а

Не покоряла я царевича Аттала!
Поверьте, захотев, пути бы я узнала.

А т т а л

О, вами покорен царевич с давних пор!

Л а о д и к а

Зачем же нужен мне какой-то нежный взор?

А т т а л

Хотите бросить то, что вы завоевали?

Л а о д и к а

Таким трофеем я воспользуюсь едва ли.

А т т а л

Вы дар любви моей отвергли, не ценя.

Л а о д и к а

За искренность мою корите вы меня.
Царевич, не хочу я прибегать к обману.
Нет, ваше сердце в дар я принимать не стану.
Что место занято, я говорила вам,
И, если б вы к моим прислушались словам,
Не стали вы твердить одно и то же боле!

А т т а л

Как счастлив баловень, вкусивший этой доли!
Как счастлив был бы тот, кто, одолев его,
Познал бы сладостной победы торжество!

Н и к о м е д

Какие б на себя обрушили вы беды!
Умеет этот вождь хранить свои победы;
Напрасно всякий враг мечтает отобрать
Ту крепость, что берет навеки наша рать.

А т т а л

О, этой крепости ворота мы откроем,
Каким бы ни был он блистательным героем.

Л а о д и к а

Вы так уверены?

А т т а л

Приказ царя — закон.

Л а о д и к а

Царь хочет лишь того, что может сделать он.

А т т а л

Бессильна разве здесь державная десница?

Л а о д и к а

Вы забываетесь: он царь, но я — царица.
Лишь тон учтивости и просьбы сохраняя,
Способен в чем-нибудь он убедить меня.

А т т а л

Что ж, и царицу он просить, пожалуй, вправе,
Которая, как вы, живет в его державе.
А если просьб царя вам мало, вместе с ним
Сумеет за меня замолвить слово Рим.

Н и к о м е д

Царевич, Рим?

А т т а л

Да, Рим. А вас берет сомнение?

Н и к о м е д

Боюсь, услышит Рим о вашем увлеченье.
Узнав про эту страсть, сжигающую вас,
Захочет ли сенат издать такой указ?
Вы лишь возбудите негодование в Риме,
Вы, римский подданный, презревший это имя!
Вам римляне такой измены не простят,
Гражданства вас лишит на завтра же сенат.
Как! Для того ли там воспитаны вы были,

Чтоб здесь армянскую царицу полюбили?
Иль вы не знаете, что царь и царский сын
Не так значительны, как римский гражданин?
Вы, живший там, должны запомнить были твердо,
Как этот сан звучит торжественно и гордо!
Так будьте же, Аттал, достойны всякий раз
Названья «римлянин», пугающего нас.
Не может вас пленить прекрасная девица,
Хотя б она была армянская царица.
Чтоб тронуть сердце вам, красавица должна
В семье трибуна быть, не меньше, рождена.
Вы только сын царя, но любит вас фортуна:
Рим хочет вас женить на дочери трибуна;
Ведь, вас усыновив, вам оказал он честь
Превыше всех царей — до римлян вас вознестъ.
Разбейте же скорей оковы низкой страсти!
Презренные цари пусть спорят из-за власти.
Лишь оценив свой сан, который все мы чтим,
Заслужите вы то, что вам готовил Рим.

А т т а л

Кто этот человек? Откуда он, царица?
Быть может, вы ему велите удалиться?
Я слушал до сих пор, себя преодолев,
Безмолвной гордостью обуздывая гнев;
Но если продолжать он будет эти речи,
Боюсь, что я ему несдержанно отвечу.

Н и к о м е д

Что ж, если правда вам видна из этих слов,
Не все ли вам равно, Аттал, кто я таков?
Вы сами можете решить без колебанья,
Что званье «римлянин» — возвышенное званье:
Царице и царю недешево оно,
Как видно, обошлось, раз было решено,
Что ради этого единственное средство —
Лишиться радости лелеять ваше детство.
В четыре года вас отправили туда, —
Возможно ли теперь, когда прошли года,
Лишить родителей, женившись на царице,
Такой возможности к величью приобщиться,
Подобную мечту отнять у них навек?..

А т т а л

Прошу, ответьте мне, кто этот человек?
И неужели же, во имя развлечения,
Необходимы вам такие поученья?

Л а о д и к а

Вам слушать невтерпеж, что Рим вас воспитал, —
Тогда как царский сын послушайте, Аттал.
Вы — младший сын царя, и старшему должны вы
Покорно следовать, сдержав свои порывы;
Должны не забывать, что он ваш господин,
Что кровь у вас одна, но брат ваш — старший сын,
И что в отсутствие воинственного брата
То, чем владеет он, для вас вовеки свято.

А т т а л

Владеет честью он принадлежать лишь вам?
О, как бы вашим я покорствовал словам!
Вы можете мне дать все то, о чем тоскую,
Исправить возраста ошибку роковую...
Но если для меня он только царский сын,
Тогда отвечу вам как римский гражданин:
Лишь римлянам дано повелевать судьбою,
Самодержавия не зная над собою;
И лишь в любви моей я вижу гордый путь,
Чтоб брата подданным не стать когда-нибудь;
Лишь...

Л а о д и к а

Ясно мне давно: причина вашей страсти —
Не красота моя, но сладость царской власти.
Но и мою красу и царский мой венец
Уже завоевал воинственный храбрец;
И, если б он был здесь, тогда, весьма возможно,
Вели бы вы себя не так неосторожно.

А т т а л

Нет, он не страшен мне! О, если б здесь он был...

Никомед

Умерьте лучше ваш неукротимый пыл;
Пожалуй, если б он услышал это слово,
То мог бы за него вас покарать сурово.

Аттал

Осмелиться со мной принять подобный тон!

Никомед

Не знаю, кто из нас был первый оскорблен.

Аттал

Но кто я — знаешь ты, и грубыми словами...

Никомед

Я в преимуществе, царевич, перед вами.
Ведь вы не знаете, к кому ведете речь, —
Об этом и хочу я вас предостеречь.

Аттал (к Лаодике)

Я в бешенстве таком, что не могу сдержаться...

Лаодика

Царица вам во всем поможет разобраться.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Никомед, Арсиноя, Лаодика, Аттал, Клеона.

Никомед

Ваш сын Аттал, вступив со мною в разговор,
О том, кто я таков, не знает до сих пор.
Несдержан он и груб; так вот, пред нами стоя,
Хочу, чтоб он теперь от вас услышал, кто я.
Мне жаль его...

Арсиноя

Вы здесь? Вы бросили отряд?

Никомед

Я здесь, сударыня. Со мною — Метробат.

А р с и н о я

Как, Метробат? Подлец!

Н и к о м е д

Должны ли показанья
Такого подлеца вам причинять страданья?

А р с и н о я

Поспешен ваш приезд! Изумлена я им.
Но с кем же армия?

Н и к о м е д

С помощником моим.
Я знал, что были здесь преследуемы Римом
Любимая моя с учителем любимым.
Вы одного из них сумели извести;
Другую я пришел из ваших рук спасти.

А р с и н о я

Вы здесь — для этого?

Н и к о м е д

И верю, что готова
Царица за меня царю замолвить слово.

А р с и н о я

Вы правы, я подам ему благой совет.

Н и к о м е д

О, в вашей благости у нас сомнений нет.

А р с и н о я

Надеюсь то свершить, к чему я так стремилась.

Н и к о м е д

Ужель обоим нам окажете вы милость?

А р с и н о я

Зачем тревожиться? Я помню все вполне.

Н и к о м е д

Царица, веря вам, прошу вас верить мне.

А т т а л

Как, это Никомед? Мой старший брат? Ужели...

Н и к о м е д

Я — тот, которого увидеть вы хотели.

А т т а л

Простите, я стыжусь! Сегодня в первый раз...

Н и к о м е д

Я больше гордости хотел бы видеть в вас,
Царевич. Если вы атаковали крепость,
Внезапно изменить намеренье — нелепость.
Я, стоя здесь один у стен ее с мечом,
Прошу вас не грозить ни Римом, ни царем.
Я защищаю сам, вы нападайте сами,
В единоборстве спор решится между нами.
Готов и старшинство свое я позабыть,
И что мне суждено царем над вами быть.
И преимущества тогда предстанут зримо
Уроков моего учителя — иль Рима.
Теперь, надеюсь, все должны вы понимать.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арсинья, Аттал, Клеона.

А р с и н о я

Прощенья просишь ты! Как, позабыв про мать...

А т т а л

Я был, сударыня, охвачен изумленьем.
Ваш план разбит его внезапным появленьем!

А р с и н о я

О нет! Но чтобы с ним бороться я могла,
Немедленно найди сенатского посла;
Пусть он придет ко мне. Ты не тревожься боле,
И о твоей сама я позабочусь доле.

А т т а л

Но если надобно...

А р с и н о я

Не бойся ничего

И, чтоб исполнить план, зови скорей его.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

А р с и н о я, К л е о н а.

К л е о н а

Как, вы царевича не приобщите к плану?

А р с и н о я

Нет, ничего ему я открывать не стану,
Чтоб в римской доблести воспитанный Аттал
Мои намеренья оспаривать не стал.
Но если овладел преступник царским тронном,
То преступление становится законом.

К л е о н а

Да так ли доблестен и благороден Рим?
Ведь Ганнибал убит столь вероломно им.

А р с и н о я

В неблагородстве Рим не обвиняй за это:
То римлянин свершил по моему совету.
Сенат бы не убил! Да, уважал бы он
Гостеприимности божественный закон.
Коварно притаясь, он не занес бы руку
Над тем, кого ценил за ратную науку;
И несмотря на то что грозный Ганнибал
Воспоминаньями республику пугал,
Она бы предпочла, чтоб он, обезоружен,
Жил при дворе царя, который с Римом дружен.
И лишь Фламинию, что жаждал с давних пор
Отмстить за смерть отца и за его позор
(Наверно знаешь ты: в бою у Тразимена,
Где Рим разгромлен был войсками Карфагена,

Отец Фламиния командующим был,
И Ганнибал его своим мечом убил), —
Так вот, Фламинию, лелеявшему мщенье,
Вполне пришлось мои по нраву наущенья.
Мечтая власть над ним завоевать один,
Добился он того, что возвращен мой сын.
Он римлян заразил и ревностью к победам,
Одержанным в боях с жестоким Никомедом,
И лютой яростью к возлюбленной его,
В которой видели наследницу всего.
Когда ж сенат узрел, глухой тревогой мучим,
Державу грозную с ее вождем могучим,
Фламиний дал зарок разрушить этот брак,
Где силу новую обрел бы новый враг, —
И к нам его послом республика прислала.

К л е о н а

Теперь я поняла намеренья Атталы.
Но почему же Рим бездействовал, пока
Царевич Никомед на приступ вел войска?

А р с и н о я

Победоносного разгневать полководца,
С которым армия повсюду насмерть бьется, —
Мы не решились бы на это никогда.
Я знала: я должна завлечь его сюда.
И вот тогда к нему в военный лагерь мною
Был послан Метробат — донести на Арсиною:
Он, дескать, должен был всадить в героя нож...
Царевич Никомед, поверив в эту ложь,
Вернулся, требуя, чтоб нас постигла кара;
Но не уйти ему от страшного удара.
Того не знает он, что это — западня,
Что жалоба его лишь укрепит меня.
Его увидев, я искусно побледнела,
Я потрясенною прикинулась умело.
Поймав меня врасплох, он правит торжество,
Хотя вернуться я заставила его.

К л е о н а

Но вырвет ли Аттал, и даже Рим великий,
Согласие на брак у пленной Лаодики?

А р с и н о я

Не будет этого; намереньем таким
Лишь ослепить хочу царя, и двор, и Рим.
На трон Армении не зарюсь я, Клеона;
Меня влечет к себе вифинская корона.
Ах, лишь бы не ушел венец из наших рук, —
Потом ее пускай берет любой супруг.
Ее неволю я, чтоб в ней проснулась злоба,
И чтоб любовники негодовали оба.
Когда начнет царя подогрывать посол, —
Боясь обидеть Рим, царь будет лют и зол;
А старший сын его, борясь за Лаодику,
Не сдержит ярости и оскорбит владыку;
Он вспыльчив, но и царь легко впадает в гнев, —
На сына, разъярясь, он кинется как лев;
Я буду разжигать сильнее эти страсти,
И рухнет Никомед, и стану я у власти.
Открылась я тебе, секретов не храня...
Теперь пора идти — Фламиний ждет меня.
Но не проговорись кому-нибудь случайно.

К л е о н а

Клянусь вам, что во мне умрет и эта тайна.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прусий, Арасп.

Прусий

Вернуться во дворец! Нарушить мой приказ!

Арасп

Напрасно, государь, тревожит это вас.
Царевич — доблестный и мужественный воин,
И он поэтому доверия достоин.
О, если б это был не славный Никомед,
Пожалуй, мы могли б тогда страшиться бед.
Такой приезд бы нас встревожил чрезвычайно,
Нам все казалось бы, что тут сокрыта тайна.

Прусий

Мне ясно все! В его поспешности я зрю
Надменный вызов мне, державному царю.
Что государь ему? Страх подданных неведом
Военачальнику, привыкшему к победам.
Не хочет гнуться сын и думает, что он
И сам себе монарх и сам себе закон.

Арасп

Герои таковы: они познали славу,
Покорствовать царям им вовсе не по нраву.
Пред ними грозные противники дрожат,
Они привыкли быть в кругу своих солдат

Владыками сердец, единственным законом, —
Легко ли им самим склоняться перед троном?

П р у с и й

Не кончил ты, Арасп! Еще скажи о том,
Что зваться подданным им кажется стыдом,
Что, даже если им престол сужден рождением,
Их души и сердца трепещут нетерпеньем;
Что мог бы уступить давным-давно отец
Свой трон наследникам, измученным вконец;
Потом среди челяди придворной почему-то
Ползет за слухом слух, и нарастает смута...
И, если не дошло покамест до того,
Чтоб свергнуть власть отца иль дни пресечь его,
То все же эту власть наследник непокорный
Похитит дерзостью и кротостью притворной.

А р а с п

Да, государь, другой, когда бы захотел,
Другой бы натворил, пожалуй, черных дел.
Но вам ли мучиться тревогою напрасной?
Царевич доблестен, а вы — отец прекрасный.

П р у с и й

Отцовскую любовь изведал он вполне,
И доблестью своей обязан только мне.
Да, только жизнь его воздать отцу способна
За нежную любовь — любовно или злобно...
Но эта доблесть — мне сдается, что она
Пустым тщеславием уже побеждена,
Что все в душе его растоптано и смято.
Кому не свят монарх, тому ничто не свято.
История царей недаром говорит:
Пред жаждой властвовать ничто не устоит.
О, если в сердце к нам она нашла подходы,
Тогда молчит любовь и нем язык природы.
Его победы мне вернули мой венец;
Царевич дал мне все — и разорил вконец.
Признаться ли, Арасп? Царю я над странюю,
Но давший мне престол — владыка надо мною.
Конечно, это он мою державу спас,
Но мы не любим тех, кто осчастливил нас.

Его увидев, я в волнении жестоком;
Его присутствие мне кажется упреком.
Он подарил мне три короны, не одну,
Он дал мне больше благ, чем я ему верну,
И я в предсмертный час отдам венец державный
Тому, кто трижды мне его вручал, как равный.
Краснею я в душе, меня терзает стыд,
И все мне кажется, что кто-то мне твердит,
Что кто-то шепчет мне настойчиво, тревожно:
Тому, кто трижды дал, однажды взять несложно.
Я знаю, может все, что только хочет он;
И если б он хотел, то захватил бы трон.

А р а с п

К другим бы, не к нему, я применил суровый
Закон политики, единственно здоровой:
Едва лишь подданный сильнее стал других, —
Пусть он и чист еще во всех мечтах своих,
А все ж он должен быть поставлен на колени;
Не преступленье ли — возможность преступлений?
Разумный государь провидит без труда,
Какая на страну обрушится беда, —
Он зло созревшее и зреющее разом
В зародыше убьет спасительным указом.
Но Никомед такой исполнен красоты,
Так добродетелен...

П р у с и й

Ручаешься ли ты,
Что младшим братом он не возмущен нимало,
Что не захочет он отмстить за Ганнибала?
Ты думаешь, Арасп, царевич очень рад,
Что умер Ганнибал и возвратился брат?
Не будем лгать себе: в нем месть заговорила;
Есть повод у него, а также есть и сила.
Он для страны моей почти что божество,
Народ и армия боготворят его.
Пленивший армию своей победной славой,
Он мог бы весь народ поднять на бунт кровавый.
Мне мало силы он оставил, но пока
Способна действовать еще моя рука;
Способна обуздать — не грубо и с почетом —

Того, кто рвется ввысь, к заоблачным высотам;
Способна удалить в изгнание храбреца,
Который возбудит жестокий гнев отца;
А если б он посмел явить непослушанье,
Я позабыл бы все его завоеванья,
И пусть над всей страной нависла бы беда...

А р а с п

Вот он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Прусий, Никомед, Арасп

П р у с и й

Как, вы? Но что вас привело сюда?

Н и к о м е д

Стремленье к вашему возвышенному трону
Смиренно положить еще одну корону,
Стремленье, чтобы вы мне оказали честь
Впервые от меня услышать эту весть.
И я, вифинские раздвинувший границы,
Заставивший врагов пред вами преклониться,
Я вас благодарю, мой царь и мой отец,
Что Каппадокии сверкающий венец
Позволили вы мне завоевать со славой,
Доставив сыну честь победы величавой.

П р у с и й

Без благодарности мы б обошлись вполне,
К тому же, вы могли письмо отправить мне.
Зачем, прославившись блистательным сраженьем,
Пятнаете вы блеск победы преступленьем?
Кто бросил армию, тот изменил стране;
Бежавший командир ответственен вдвойне.
О, всякий вместо вас, — я этого не скрою, —
Ответил бы за свой проступок головою.

Н и к о м е д

Закон я преступил, но только потому,
Что любящему внял я сердцу моему.

Сыновней нежностью, любовью ослепленный,
Посмел я, государь, нарушить долг законный.
О, если б я не так стремился видеть вас,
Безвинен был бы я вдали от ваших глаз.
Так лучше заслужить мне после лютой сечи,
Ценой провинности — большую радость встречи;
И если, как меня, вас чувства увлекут,
Не будет слишком строг ваш справедливый суд.

П р у с и й

Отцу, конечно, льстит подобная причина;
Она в его глазах оправдывает сына.
Мой сын, я вижу в вас единственный оплот,
Пусть нынче почести вам каждый воздает!
Аудиенции просил посланник Рима, —
Мое доверье к вам ему предстанет зримо.
Сегодня вы один его принять должны,
Вы — настоящий царь, правитель всей страны.
Увы, я не монарх, давно уж только тень я,
Лишь седина моя внушает всем почтенье.
Быть может, я царем пробуду два-три дня, —
Правление принять пора вам от меня.
Но на плечи свои приняв такое бремя,
Не забывайте свой проступок в то же время.
И, чтобы вам своей не отягчать вины,
Вернуться к армии вы завтра же должны.
Престолу царскому верните блеск и силу!
Дождитесь, чтоб я сам, уже сходя в могилу,
Вручил наследнику сияющий венец,
Как мне его вручил когда-то мой отец.
С вас любящий народ и двор не сводит взгляда;
Дурного подавать примера им не надо.
Примером собственным вы научите их,
Что первый подданный покорнее других.

Н и к о м е д

Извольте, государь, исполню повеленье;
Но за покорность я прошу вознагражденья.
Народ Армении свою царицу ждет,
Мечом открыли мы в Армению проход.
Звезда должна к себе на небо возвратиться.
Прошу, дозволейте мне сопровождать царицу.

П р у с и й

Почетен этот долг; такое торжество
Возглавить должен царь иль старший сын его.
Конечно, только вы достойны этой чести.
Вернитесь к армии и ждите там известий,
Что все обрядности уже завершены,
И вы с царицею отправиться должны.

Н и к о м е д

Без пышности она готова в путь пуститься.

П р у с и й

Такой обиды я не нанесу царице!
Но вот идет посол, он будет здесь сейчас.
Позднее мы решим, какой издать указ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прусий, Никомед, Фламиний, Арасп.

Ф л а м и н и й

Перед отъездом мне, по требованью Рима,
Напомнить, государь, о том необходимо,
Что в Риме ваш Аттал познал впервые свет,
Что среди римлян рос он целых двадцать лет;
Достоинства его возвышенны и редки,
Гордиться могут им прославленные предки.
В искусстве царствовать его наставил Рим,
И нами будет он попрежнему любим.
Взойти на царский трон он должен непременно;
Об этом, государь, мы просим вас смиренно.
За сына вашего Рим был бы оскорблен,
Когда бы подданным и жил и умер он.
Хочу я донести сегодня же сенату,
Где предназначено царить меньшому брату.

П р у с и й

О нем заботились сенат и ваш народ,
И благодарность к ним за это не умрет.
Я знал, что может он принять бразды правленья,
А после ваших слов отбросил все сомненья.

Но перед вами здесь стоит мой старший сын;
Он укрепил мой трон, он — честь моих седин,
Он снова одержал блестящую победу.
Позвольте же ему теперь вести беседу.
Хочу, что б за царя ответил Риму он.

Н и к о м е д

Великий государь, лишь вам подвластен трон.

П р у с и й

Нет, ваши лишь права задел он в этой речи.

Н и к о м е д

Я, помня лишь о вас, Фламинию отвечу.
Чего желает Рим и требует сенат?
Над вами, государь, они царить хотят?
Живите долгие и радостные годы,
А там уж власть придет от Рима иль природы.

П р у с и й

Я многое готов отдать таким друзьям.

Н и к о м е д

Кто делит вашу власть, желает смерти вам.
Подобные друзья лишь выжидают случай...

П р у с и й

Вы сорите меня с республикой могучей,
Так непочтительно о Риме говоря.

Н и к о м е д

Нет, не могу терпеть униженность царя!
Пускай Аттал умен, и смел, и сердцем жарок, —
Республике бы я вернул ее подарок.
Искусству царствовать обучен младший брат?
Что ж, для сената он — неоценимый клад.
Ведь римлянам нужны подобные натуры,
Порой — для консульства, порой — для диктатуры.

Ф л а м и н и й (*Пруссию*)

В речах наследника я без труда узнал
Науку, что ему преподавал Ганнибал.

Он, ненавидевший нас всех непримиримо,
И сыну вашему внушил презренье к Риму.

Н и к о м е д

О нет, он мне внушил: Рим надо уважать,
Но перед ним нельзя от ужаса дрожать.
Я ученик его, я им горжусь поныне!
Умершего вождя черните вы, Фламиний.
Не скрою, я теперь узнал, по чьей вине
Он смерть свою нашел в отравленном вине.
Припомните войны зловещее начало,
Смерть вашего отца, победу Ганнибала.

Ф л а м и н и й

Я не могу терпеть...

Н и к о м е д

Но терпит же мертвец!

П р у с и й

Ах, не ищите ссор! Ответьте, наконец,
Послу республики на предложение это.

Н и к о м е д

Вы ждете от меня удобного ответа?
Ну что ж, Аттал взойдет на трон: таков приказ.
Что молвил Рим — закон для каждого из нас.
Цари должны ему внимать в священной дрожи.
Аттал велик умом, велик и сердцем тоже,
Велик, вполне велик, чтоб сделаться царем.
Но это говорят лишь римляне о нем!
Пусть он докажет сам, что этого достоин.
А если храбрый он и мужественный воин,
Пускай он сделает для самого себя
Все то, что сделал я, вас, государь, любя.
Пусть он, начальствуя над вашим славным войском,
Покроет славою себя в бою геройском.
А я готов ему свой предоставить меч,
И брата поддержать в огне кровавых сеч.
И в Риме было так: ведь вел же в бой когда-то
Великий Сципион войска родного брата.
Когда ж обоими был свергнут Антиох,
То старший младшему в борьбе за власть помог.

Богаты берега великого залива,
И там, где Геллеспонт вздувается бурливо,
Просторы Азии раскинулись пред ним...

Ф л а м и н и й

Отныне это все обороняет Рим;
Вы продолжаете свои завоеванья,
Рискуя возбудить у нас негодованье.

Н и к о м е д

Не знаю, каково желание царя,
Но вовсе не к лицу, по правде говоря,
Монарху вольному таких угроз страшиться.
Сооружайте рвы, и башни, и бойницы;
Пускай везде стоят, закрыв дорогу мне,
Отряды римские, готовые к войне.
А ежели опять возглавит их Фламиний, —
Что ж, тразименский бой он не забыл поныне.

П р у с и й

Вы забываетесь! Вы уважать должны
Высокого посла союзной нам страны.
Вам честь великая дана не для такого...

Н и к о м е д

Позвольте все сказать иль отнимите слово!
Но, видя, что царя неволят, как слугу,
Иначе отвечать я, право, не могу.

П р у с и й

Я вами оскорблен! Передо мной должны вы
Стараться сдерживать подобные порывы.

Н и к о м е д

О, видеть, как у вас хотят похитить власть,
И как меня хотят заставить в прах упасть,
Сенаторам в ответ бессильные лить слезы,
Не отвечая им угрозой на угрозы,
И благодарностью, быть может, им воздать
За то, что не велят мне больше побеждать!

П р у с и й (Фламинию)

Простите юношу, я вас прошу, краснея, —
С годами станет он разумней и скромнее.

Н и к о м е д

С годами я прозрел, острее стал мой взор,
Яснее вижу я ужасный наш позор.
Когда б я жил, как брат, беспечный и счастливый,
Как брат, чьи доблести в одних лишь мыслях живы
(Ведь этих доблестей еще не видел свет,
А их-то, может быть, на самом деле нет;
Героям лучше бы он подражал делами,
Не упиваясь их пустыми похвалами!), —
Так вот, когда бы жил я в праздности такой
И знал бы лишь, как он, беспечность и покой, —
На трон взошел бы я с благословенья Рима,
Вифиния бы вся осталась неделима.
О, если б я для вас врагов не побеждал,
Зачем бы Рим хотел, чтоб царствовал Аттал?
Но три Вифиния венца соединила,
И слишком возросла сегодня эта сила:
Пора ее делить. И вот, ваш младший сын —
Он прирожденный царь, мудрейший властелин!
Он оттеснит меня! О, значит, он, двуликий,
Мудрей и доблестней, чем Александр Великий!
А мне велят отдать, чтоб увенчать его,
Корону прадедов и даже старшинство!
Конечно, римлянам и все мои сраженья
И будущность моя внушают подозренья;
Что ж, успокойте их. Но никогда я сам
На это, государь, согласия не дам.
Наставник, что меня учил законам чести,
Не воспитал во мне искусства низкой лести.

Ф л а м и н и й

Теперь я понял все: на ратные дела
Не мужество, корысть царевича вела.
Все эти подвиги одной служили цели:
Владения отца расширить вы хотели.
Богатства своего отец — недолгий страж,
И край, что вами был расширен, будет ваш.
Вы шли и шли вперед в неистовой отваге,
Забываясь об одном: о вашем личном благе.
Я, право, полагал, что бескорыстней вы;
Но римской доблестью я мерил вас, увы!

Нет, Сципион, придя к разбитым грозным стенам,
Не захотел царить над павшим Карфагеном;
Лишь «Африканским» был он гордо наречен
За бранный труд, за все, что сделал Риму он.
Такие доблести бывают только в Риме.
А прочим всем дано лишь восхищаться ими.
Вы говорите, Рим испытывает страх,
Что власть вы сможете сплотить в своих руках?
Попробуйте сказать кому-нибудь об этом, —
Улыбка будет вам наверное ответом.
Я больше при царе сказать не смею вам,
Но вы прислушайтесь к моим прямым речам.
Пусть пламя ваших дел струит поменьше дыма, —
И будет все для вас яснее различимо.

Н и к о м е д

Решение свое года произнесут;
Они одни вершат нелицемерный суд.
Ну, а сейчас...

Ф л а м и н и й

Сейчас, когда бы вы хотели
Победоносный меч прославить в ратном деле,
Мы не стесняем вас; мы просто говорим:
Друзьям своим в беде всегда поможет Рим.
Чтоб не дивила вас внезапность нападения,
Прошу не забывать сего предупреждения.
Вы, впрочем, можете не сомневаться в том,
Что будет вашим все, что взяли вы трудом:
Галатия и Понт, недавно покоренный,
И Каппадокия с Вифинией зеленой.
Ни прадедов земель, ни кровью ваших ран
Не будет освящен Аттала царский сан.
Несправедливости мы вовсе не хотели.
А если вам претят и мысли о разделе, —
Получит он венец, но не из ваших рук.

(Пруссию.)

Владычице армян необходим супруг.
Наш план вы можете осуществить прекрасно;
Она живет у вас, и вам она подвластна.

Н и к о м е д

Так вот как может стать царем мой брат Аттал,
Не трогая того, что я монарху дал!
У тех, кто выдумал так хитро все и ловко,
В коварстве, видимо, немалая сноровка!
Но я отвечаю вам, что почести должны
Царице этой быть по-царски возданы.
Не оскорбляйте в ней наследственного права, —
Я сам готов его оборонять кроваво.
Монарх — почетный гость в чужой стране, и он
Не может быть ее законам подчинен.
Надеюсь, ей самой вы все решить дадите.

П р у с и й

Вы больше ничего ответить не хотите?

Н и к о м е д

Одно лишь, государь, — и это не слова:
Я отстаю ее законные права.

П р у с и й

Вы много вольностей себе берете снова!

Н и к о м е д

Я волен замолчать и волен молвить слово.
Прошу вас, государь, прошу, чтоб в этот раз
Воздать ей почести вы отдали приказ.
Об этом просит сын!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Прусий, Фламиний, Арасп.

Ф л а м и н и й

Как, снова затрудненья!

П р у с и й

Я должен вас, посол, просить о снисхожденье.
Царицу любит он, да и к тому ж его
Пьянит блистательной победы торжество.

Но есть у нас судьба, нельзя бороться с нею;
Цари покорствовать не смеют Гименею.
Монарший долг сильнее, чем пагубная страсть,
И жертвою любви монарх не должен пасть.

Ф л а м и н и й

Способна сделать все влюбленная царица!

П р у с и й

За Лаодику я могу вам поручиться.
И все же мы должны — сомнений в этом нет —
Стараться соблюсти известный этикет.
Она в моих руках, но я хочу сначала,
Чтоб приказание как просьба прозвучало.
Пойдемте к ней со мной; вы, представляя Рим,
Предложите ей то, о чем мы говорим.
Я Риму помогу, царица в нашей власти;
Бушующие в ней нам не опасны страсти.
И, я надеюсь, вам она ответит так,
Что обнародуем мы завтра этот брак.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прусий, Фламиний, Лаодика.

Прусий

Царица, если так венцом вы дорожите,
То неприятных вам придется ждать событий:
Недолго быть царем спесивому царю.

Лаодика

За это, государь, я вас благодарю.
Взойдя на трон отцов, я непременно сразу
Такому мудрому последую наказу.

Прусий

Но что вы сделали, чтоб на престол взойти?

Лаодика

О, если я иду по ложному пути...

Прусий

Не презирайте Рим, и будьте мягче нравом,
И почитайте тех, что заменил отца вам.

Лаодика

Поймете вы, к моим прислушавшись словам,
Что должное могу воздать ему и вам.

Но принимать послов у вас мне не годится:
Вы сами скажете, что здесь не я царица,
Что вашему венцу я наношу урон
И хитростью хочу поколебать ваш трон.
Я лишь в Армении царица, и по праву
Готова там принять и почести и славу.
Я во дворце моем достойно бы могла
Почтить республику в лице ее посла,
По-царски дать ответ, уважив полководца,
Того, кто речь ведет, и тех, о ком ведется.
Искусство это здесь не удается мне!
Посла я не могу принять в чужой стране.
И дорог мне мой сан — я в этом вам покаюсь —
Лишь тем, что, никаким царям не покоряясь,
Я независима, и управляют мной
Лишь боги, я сама и вольный разум мой.

П р у с и й

Мне боги вечные и царь, отец ваш, сами
Вручили вашу жизнь, вручили власть над вами.
А что касается до разума царей,
Его поймете вы надежней и быстрее,
Узрев его плоды в Армении несчастной.
Со свитою я вас отправлю в путь опасный.
Готовьтесь, завтра же вы будете в пути.
Готовьтесь, скоро вам удастся обрести
Армению свою, увидеть трупов горы,
И кровь, залившую бескрайние просторы,
И ненависть врагов, и дикую резню.

Л а о д и к а

Престол утрачу я, но сан свой сохраню.
Беда, которую призвала я гордыней,
Меня не подданной отдаст вам, но рабыней.
Не сан мой, только жизнь вы держите в руках.

П р у с и й

О, вашей гордости придется пасть во прах!
Когда, придя в себя от ужаса и боли,
Аттала на своем узрите вы престоле,
Вы будете просить, чтоб сохранить свой трон,
Руки царевича, но вам откажет он.

Лаодика

Надеюсь, даже вы своей войной не скоро
Меня бы довели до этого позора.
Однако, может быть, помогут, государь,
Нам боги вечные, как помогали встарь.
Вас вдохновят они для праведного боя,
Иль против римских войск нам ниспошлют героя.

Прусий

Вас не спасет гордец в тяжелый этот час;
Нет, погибая сам, погубит он и вас.
Царицей стать нельзя, оставшись Лаодикой.
Заломните: Аттал взойдет на трон владыкой.
Последний мой совет примите посему:
Хотите царствовать — отдайте трон ему.
Прощайте.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фламиний, Лаодика.

Фламиний

Мужество, царица, нам не всюду...

Лаодика

Нет, господин посол, я слушать вас не буду;
И повторяю вам, не тратя лишних слов,
Что не желаю здесь я принимать послов.

Фламиний

И я пришел сюда не как посланник Рима,
Но к женщине, что так высоко мною чтима, —
Пришел, узнав, что вы идете по пути,
Который к гибели вас может привести.
Доставьте другу честь недлительной беседы:
Не всюду мужество приносит нам победы,
И осторожность все учитывать должна, —
В какой стране живем, в какие времена.
Без осторожности геройская отвага
Монарху не сулит спокойствия и блага.
Ведь самое себя ее лучи слепят;
Со счастьем у нее мучительный разлад;

Плоды побед она отдаст в одно мгновенье
И, жалость нам внушив скорей, чем восхищенье,
Промолвит, подавив в груди тяжелый стон:
«Я царствовать могла, но потеряла трон».
Зачем вы грозного гневите властелина?
Ему покорствуем могучая дружина,
Вы при его дворе, и вы в его руках.

Л а о д и к а

И все-таки пред ним меня не мучит страх?
Что ж, сударь, как друзьям поговорить нам можно.
Вы думаете, я совсем неосторожна?
Я не могу понять, ввиду каких причин
Вы так опасливы, вы, римский гражданин.
Но я уверена, и вам понять нетрудно
Что мужество мое не столь уж безрассудно.
Ведь если мне права на царский трон даны,
То мне без мужества не отстоять страны.
Победоносную я вижу здесь дружину, —
Она, сказали вы, послушна властелину.
Но кто ведет ее? И на каких врагов?
Не верит государь покорности полков.
О, если эта рать в мою страну ворвется,
Придется выбирать другого полководца.
Вам кажется, что здесь я у царя в руках,
Что он внушает мне непобедимый страх?
Да, я в его руках, но поздно или рано,
Достоинство найдет защиту от тирана:
Народу ведомо, что худшее из зол
Для блага всей страны — монарший произвол.
Все знают, что герой приносит им победу,
Что злобу мачеха питает к Никомеду,
Что над царем она завоевала власть,
Что ложные друзья царю желают пасть.
Вам кажется, что я у края бездны встала
И что из прихоти отвергла я Аттала.
Он был бы жалок мне, по правде говоря,
Приняв из рук моих достоинство царя.
Он был бы для меня презретен и ничтожен,
В глазах жены своей он был бы уничтожен;
Он подданным моим, не мужем мог бы стать,
Ему бы не дал брак со мною вровень встать.

Народ бы вслед за мной питал к нему презренье.
Могу ль обречь его на горькие мученья?
Отказ мой — милостив; царевич никогда
Не должен будет знать терзания стыда.

Ф л а м и н и й

О, если это так, тогда здесь вы — царица:
И двор и армия должны вам покориться;
Царь — только звук пустой; лишь тем владеет он,
Чем был по милости царицы наделен,
Вы осчастливили царевича отказом...
И мне, сударыня, подсказывает разум,
Что вы, которая здесь правите царем,
Окажете послу приветливый прием.
Вы скажете, что здесь вы женщина простая?
Как римлянин простой, отвечу вам тогда я,
Что в наши дни царить способен только тот,
Кому великий Рим — союзник и оплот.
Такой монарх умен, друзья его богаты,
Народ его счастлив, трепещут супостаты;
Лишь тот, кого почтил высокой дружбой Рим,
В сражениях своих всегда непобедим.
На этой дружбе трон Аттала обоснован,
Не то, что трон того, кто с детства коронован...

Л а о д и к а

Я поняла, к чему стремится ваш сенат:
Лишь те, которые угодны вам, царят.
Рим подчинил царей оружию солдата, —
Но что же получил царевич от сената?
Тому, кто так могуч, чей жребий так высок,
Зачем, как нищему, выпрашивать кусок?
Ваш Рим не слишком щедр с царевичем любимым!
Зачем в придачу трон мне не предложен Римом,
Чтоб подданного я супругом назвала?
Да я бы подлинным царем пренебрегла,
Когда бы состоял у вас он под началом!
Нет, не удастся вам прельстить меня Атталом.
Мне более всего свобода дорога.
Не нужен мне ваш царь, покорный, как слуга.
И раз я вам теперь открылась поневоле,
Угроз и просьб своих, посол, не тратьте боле.

Ф л а м и н и й

Царица, очень жаль, что вы ослеплены.
О мощи Рима вы задуматься должны.
Все может сделать он, страшна его досада, —
Поберегитесь же, гневить его не надо!
Низвергнут Антиох, разрушен Карфаген,
Врагам республики теперь не встать с колен.
И, в неприятелей вселяя страх священный,
Отныне грозный Рим — властитель всей вселенной.

Л а о д и к а

Вселенной! Даже я была бы смущена,
Когда б не знала, как Армения сильна,
Когда бы свой секрет одерживать победу
Великий Ганнибал не отдал Никомеду.
Да, тайну грозных Канн, повергших Рим во прах,
Оставил этот вождь в надежнейших руках,
В руках ученика, чей дерзновенный гений
Сумеет всех врагов поставить на колени.
Он это доказал, подряд завоевав
Царю Вифинии короны трех держав.
Лишь силу до сих пор он пробовал, не боле, —
Но перед ним уже трепещет Капитолий,
Быть может, близок день...

Ф л а м и н и й

Нет, этот день далек,
Сударыня; и я вам рассказать бы мог,
Как в пропасть небеса вождей бросают грозных,
Как после Требии и Канн победоносных
Сам карфагенянин в предчувствии дрожал...
Но вот он, ваш герой, ваш новый Ганнибал.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Никомед, Лаодика, Фламиний.

Н и к о м е д

Я вижу, вам, посол, так доверяют в Риме,
Что полномочьями вас облекли большими.

Ф л а м и н и й

Превысил я права посланника иль нет,
Об этом я другим, не вам, держу ответ.

Н и к о м е д

Покорно вас прошу отсюда удалиться,
Даруйте счастье мне поговорить с царицей.
Глубоко в душу ей проникла ваша речь,
Вы красноречием смогли ее увлечь,
И ныне лишь ценой мучительных усилий
Я уничтожу то, что вы наговорили.

Ф л а м и н и й

Ей уготовил друг пучину страшных бед,
И я поэтому ей дал один совет.

Н и к о м е д

Упорно ей давать любезные советы, —
Со стороны посла весьма похвально это.
Какие подлости советовал вам он
Свершить?

Ф л а м и н и й

Забылись вы! Я, сударь, возмущен!

Н и к о м е д

Забылся я?

Ф л а м и н и й

Закон повсюду неизменен,
И сан посла всегда в любой стране священен.

Н и к о м е д

Фламиний, я хочу напомнить вам о том,
Что кто дает совет, не может быть послом.
Превысив власть свою, вы быть им перестали.
Царица, вы ему ответ достойный дали?

Л а о д и к а

О да!

Н и к о м е д

Так знайте же, Фламиний, для меня
Вы вовсе не посол с сегодняшнего дня,
Вы состоите здесь на службе у Аттала.
Еще вы для меня — убийца Ганнибала.
Нет, почестей иных я вам не подарю.
Теперь ступайте вон и жалуйтесь царю.

Ф л а м и н и й

Он ваш отец, но мне поможет, негодую.
Иначе в римлянах помощников найду я.

Н и к о м е д

Идите к римлянам, валяйтесь у их ног.

Ф л а м и н и й

Поберегитесь! Вы получите урок!

Н и к о м е д

Получит свой урок вифинская царица.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Никомед, Лаодика.

Н и к о м е д

Терпение мое сегодня истощится.
Я до сих пор молчал, но, наконец, должны
Раскрыться для царя дела его жены.
О, с заговором я разделаюсь проклятым!
Направил я к царю Зенона с Метробатом,
И, не желая вдруг поверить чудесам,
Царь изучает все и проверяет сам.

Л а о д и к а

Теперь увидит царь, кто был всему виною.
Однако как понять царицу Арсиною?
Чем больше мачеха страшиться вас должна,
Тем меньше с каждым днем страшится вас она.
Чем лучше знаете вы замыслы царицы,
Тем яростней она на вас напасть стремится.

Н и к о м е д

Царица хочет так супругу все поднести,
Чтоб обличение мое сошло за месть,
Испуг и слабость — вот единственно причины
Притворной смелости, обманчивой личины.

Л а о д и к а

Ах, тайны во дворце такой объемлет мрак,
Что даже мудрецу их не понять никак.
Когда еще меня вы здесь не защищали,
Не приходилось мне и думать об Аттале;
Рим обо мне забыл и не терзал меня.
Но возвратились вы, — с тех пор ведь нет и дня, —
А Рим уж требует, пугая нас войною,
Чтоб согласилась я Атталу стать женою.
Их планов не могу понять я до сих пор.
Ведь скоро вы должны покинуть царский двор, —
Зачем же ждут они, чтоб из дворца ушли вы?
Мне чудятся грозы зловещие порывы.
Боишься Рима царь, боготворит жену...
Конечно, для него ведете вы войну,
Но, вынужденный быть примерным семьянином,
Возвысил он жену, пренебрегая сыном.
Однако для чего идет сюда Аттал?
Чего желает он? Зачем он нас искал?
Я не могу понять, чего опять он хочет,
Но ненависть к нему в груди моей клокочет,
Уйду.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Никомед, Аттал, Лаодика.

А т т а л

Сударыня, я понял вас, увы!
Я здесь — и разговор стремитесь кончить вы.

Л а о д и к а

Навязчивость иных известна мне прекрасно.
Мое второе я, мой друг вам скажет ясно,
Все скажет, за меня свободно говоря,
Как говорил с посланцем от имени царя.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Никомед, Аттал.

Аттал

Я вынужден уйти, — царица мне не рада.

Никомед

Нет, нет, постойте; мне сказать вам нечто надо!
Я, отказавшись от права старшинства,
На трон Вифинии утратил все права.
Но, за жену свою желая сам сражаться,
Просил я вас со мной лишь в одиночку драться;
Просил в помощники себе не призывать
Ни римлян, ни царя и ни царицу-мать.
Но или памятью вы вовсе ослабели,
Иль, пренебрегши всем, решили рваться к цели.

Аттал

Я вами принужден так быстро все забыть.
Царевич, никогда нам равными не быть.
О да, вы отреклись от царственного права,
Но не от высших благ, что вам дарует слава,
И не от почестей возвышенной молвы,
И не от сердца той, кем так любимы вы,
И не от трех корон, захваченных с боями,
Не от шести побед над славными врагами.
С такой опорой вы всех сразить должны.
Что ж, помогите ей понять, что мы равны, —
Пусть не слепит ее бессмертная победа,
Которая огнем венчает Никомеда,
Пожалуй, пусть она забудет навсегда
Отвагу, бравшую любые города, —
Иначе, чтобы страсть уравновесить вашу,
Придется бросить Рим с царем в другую чашу,
Но так они легки, что, если нет чудес,
То не удастся им создать противовес.

Никомед

Вы в Риме стали так изысканно учтивы,
Что, видно, с пользой там время провели вы.
Отменно вы умны, хотя и не храбрец.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Арсинья, Никомед, Аттал, Арасп.

Арасп

Вас хочет видеть царь.

Никомед

Как, царь?

Арасп

Да, ваш отец.

Арсинья

Царевич, совладать не трудно с клеветою!

Никомед

Зачем о клевете вам говорить со мною?
Ведь это я давно отлично знаю сам,
Царица.

Арсинья

Если бы известно было вам,
Что клевету купить не удастся златом,
Не привезли бы вы Зенона с Метробатом.

Никомед

Сударыня, я все пытался скрыть сперва,
Но истине пришлось вступить в свои права.

Арсинья

Вам оба поклялись, но не сдержали слова.
Им истина ценней подарка дорогого.
Они сказали все, что мнили скрыть, увы!

Никомед

Я огорчен за вас, но так хотели вы.

Арсинья

Конечно, но одним я смущена немало, —
О, как бы истина вам честь не запятнала!

Об этих подкупках узнает царский двор,
Который доблестным считал вас до сих пор.

Н и к о м е д

Как, я их подкупил? Но это просто вздорно!

А р с и н о я

Как горько для меня, для вас же как позорно!

Н и к о м е д

Теперь хотите вы убить доверье к ним?

А р с и н о я

Царевич, этого мы вовсе не хотим.

Н и к о м е д

Что ж говорят они, каким вас тешат вздором?

А р с и н о я

Два слова правды, вас пятнающих позором.

Н и к о м е д

Могу ль у вас узнать значенье этих слов?

А р а с п

Царь ожидает вас, он гневаться готов.

А р с и н о я

Он скажет вам о них, он разобрался в деле.

Н и к о м е д

Так вот какие вы преследуете цели:
Вас обелив, меня представив подлецом,
Супруг одержит верх над любящим отцом;
Однако...

А р с и н о я

Сударь, что ж? Кончайте: что — однако?

Н и к о м е д

Два слова правды; в них спасение от мрака.

А р с и н о я

Могу ль узнать у вас значенье этих слов?

Н и к о м е д

Царь скажет вам о них, он гневаться готов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

А р с и н о я, А т т а л.

А р с и н о я

Мы победили, сын, ваш Никомед великий
Сам против самого себя нам дал улики.
Двух лжесвидетелей царю представил он,
Убийц, которыми он был бы умерщвлен
По слову моему и злему наущенью.
Но правда, победив, дала свершиться мщенью.
Сперва хотелось им поймать меня в капкан,
Но выдали рабы его зловещий план.
Как быстро тает ложь под взором властелина!
Как блещет истина, бесстрашна и едина!
План этот, стойвший ему немало сил,
Не погубив меня, его же погубил.

А т т а л

Я горд и счастлив тем, что ныне ваша слава,
Наветам вопреки, все так же величава.
И все же, если б вы, забыв про боль обид,
Прислушались к тому, что брат мой говорит,
Ужели б вы могли, отбросив все сомненья,
На веру принимать такие обвиненья?
Злодеи продались, коль верить их словам,
И брату старшему и, в то же время, вам.
Как можно доверять подобным душам черным,
Их обвинениям бессмысленным и вздорным?
Тому, кто предал раз, я верить бы не стал.

А р с и н о я

О, как смиренны вы и как добры, Аттал,
К соперникам своим и даже супостатам!

А т т а л

Но этот супостат мне был и будет братом.
Одна течет в нас кровь, и не могу я вмиг
Поверить, будто он — презренный клеветник.

А р с и н о я

О, вы не можете, конечно! То ли дело
Поверить, будто я убить его хотела!

А т т а л

Уж если я почти не верю в этот раз,
То мог ли я внимать и клевете на вас?
Вы добродетельны и выше подозренья.
Позвольте же к нему хранить мне уваженье.
Не может знать он всех завистников своих,
Героя погубить решил один из них;
Подлец, которому претит его победа,
Решился бросить тень на славу Никомеда.
Обычно по себе мы судим о другом, —
Я все, что есть во мне, угадываю в нем.
С таким соперником я действую открыто;
Я не хочу, чтоб честь его была разбита;
Я, не таясь, себе помощников беру,
И он ведет со мной открытую игру.
Надеюсь твердо я: его влечет лишь слава,
И защищает он свое святое право.

А р с и н о я

Вы мало знали свет, и вам неведом двор.

А т т а л

По-царски любят так — считал я до сих пор.

А р с и н о я

Вы влюблены, мой сын, как всякий в ваши лета.

А т т а л

Учился в Риме я, вдали большого света.

А р с и н о я

Научит время вас, такого храбреца,
Какие доблести нужны вам для дворца.
Но если он ваш брат, как вы сказали гордо, —
О том, что я вам мать, прошу вас помнить твердо;
И, хоть терзают вас сомнения во всем,
Пускай вам скажет царь о мнении своем.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прусий, Арсиноя, Арасп.

Прусий

Пусть он войдет, Арасп.

Арасп уходит.

Сударыня, едва ли,
Вздыхая, вы мои уменьшите печали.
Зачем рыданьями терзать вам сердце мне?
О, здесь без всяких слез вы госпожа вполне.
Зачем же слезы лить? Ведь нет во мне сомнений
В том, что не вы, а он — источник преступлений.
Иль думаете вы, что, вняв его словам,
Поколебался я в моем доверье к вам?

Арсиноя

Возможно ль, государь, стереть с души невинной
Печать позорной лжи, лукавой, беспричинной?
Возможно ли стереть бесследно клевету,
И доблести вернуть былую чистоту?
О, ложь всегда жива и, разнося отраву,
Пятнает самую возвышенную славу.
Немало при дворе завистников у вас,
Друзей царевича, готовых всякий час
Во имя клеветы меня забрызгать кровью,
Крича, что я спаслась лишь царскою любовью.

А если запеклось хотя бы лишь одно
На имени моем позорное пятно,
Тогда достойна ли я вашей быть женою?
Теперь вы, государь, узнали, что со мною.

П р у с и й

Вам справедливее к супругу надо быть,
Который любит вас и должен вас любить.
Нет, слава после лжи сиять не перестала;
Чем клевета черней, тем слава ярче стала.
Но Никомед идет, и я сейчас решу...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Прусий, Арсиноя, Никомед, Арасп, стража.

А р с и н о я

Простите, государь, простите! О, прошу,
Помилуйте того, кто расширял границы,
Кто перед вами всех заставил поклониться,
Кто...

Н и к о м е д

Как, меня простить? За то, что трон я спас,
За то, что три венца завоевал для вас,
За то, что даже ваш хваленый Рим не может
Скрыть зависть, что его волнует и тревожит,
За то, что защищал царя по мере сил,
Что славою своей престол ваш озарил,
Что шел, грома врагов, дорогой Ганнибала?
Вот преступления, — смотрите, их немало.
Простить меня? За что? Прибавить надо вам,
Что верил я порой продажным языкам,
И что доверчивость моя не разглядела
Их злобы яростной, которой нет предела.
Да, но преступник ли доверчивый боец?
Он во дворце чужой, он не придворный льстец,
И кажутся тому такие козни дивом,
Кто в жизни сам привык быть честным и правдивым.

А р с и н о я

Ах, государь, ваш сын ни в чем не виноват,
Его винула я, но все беру назад.

А если на меня смотрел он гневным взором,
И мачеху свою хотел покрыть позором,
То, без сомнения, лишь только потому,
Что мачехой она приходится ему.
Суровый Ганнибал, его учитель строгий,
Который трепетал в мучительной тревоге,
Остаться предпочел с отчаяньем своим,
Хоть почести ему сулил радушный Рим.
Все это вызвано моею злобой дикой.
И как бы сам пленен он ни был Лаодикой,
Из-за меня одной Аттал в нсе влюблен,
Из-за одной меня поддержан Римом он.
Во всем виновна я; и вот царевич рвется
Спасти любимую, отмстить за полководца,
Меня от моего супруга отдалив.
Но можно все простить тому, кто так ревнив.
Ведь это душу мне не трогает нимало!
Виновна я лишь в том, что вам женою стала.
Меня преследовал он с первого же дня, —
В чем, кроме этого, ему винить меня?
О, мы гордились все могучим Никомедом,
С тех пор, как десять лет ведет он рать к победам.
А в трудный час, когда он выбился из сил,
Когда, казалось, враг его уже теснил,
Не я ли к вам пришла и стала бить тревогу?
Не я ль отправила царевичу подмогу?
Не я ли больше всех заботилась о том,
Чтоб выручить его и златом и мечом?
Вам это, государь, известно превосходно.
Он погубить меня решился всенародно,
Меня в глазах царя постыдно очернив.
Но можно все простить тому, кто так ревнив.

П р у с и й

Неблагодарный! Что ответишь ты?

Н и к о м е д

Царица

Так ласкова ко мне, что я могу дивиться.
Осмелюсь лишь сказать, что помощь в том бою,
Которая спасла и жизнь и честь мою,
Мне мачеха моя охотно оказала,

Для укрепления царевича Аттала;
Что грозной силою оружия моего
Готовила ему царица торжество.
Нет, государыню я осуждать не смею:
Пусть небеса вершат свой правый суд над нею;
Все ведают они, и в этот грозный час
По справедливости они рассудят нас.
Однако если все так безупречно, — что же,
Мне помогла она, я помогу ей тоже
И поддержу ее, напомнив вам одно:
Клеветников палач и плаха ждут давно.
Должны подвергнуть их вы самым страшным карам;
Зенон и Метробат пойдут на смерть недаром;
Они, взведя поклеп на царскую жену,
Позднее отреклись, переложив вину
На сына царского, но все ж явили злобу,
Порфиноносную оклеветав особу.
Их преступление не смыто до тех пор,
Пока не отрубил им головы топор.
Нет, сколько бы они ни ползали во прахе,
Измена черная погибнет лишь на плахе;
А коль простите вы великодушно их,
Тогда на клевету толкнете вы других.
Как будут ликовать, что эти люди живы,
Враги, которые злопамятны и лживы!

А р с и н о я

Ужели, государь, те будут казнены,
Кого за правду мы благодарить должны,
Кто перед вами смог раскрыть его коварство,
Кто спас меня, а вам вернул жену и царство,
Кто разобратся вам помог в моей вине!
Он смеет проявлять заботу обо мне!
Он смеет говорить с царем в подобном тоне!

П р у с и й

Царевич, говори! Довольно о Зеноне!
Ты должен смыть с себя позорное пятно.

Н и к о м е д

Себя оправдывать мне было бы смешно.
Когда таких, как я, захватывают страсти,

Они любой ценой стремятся к царской власти,
Стремятся подавить противников своих,
Но козни грязные не привлекают их.
Поддержку оказать царице угнетенной,
Народ и армию поднять на трон законный,
И обнажить свой меч, чтоб, потрясая им,
Аттала оттолкнуть и отодвинуть Рим,
Потом с Арменией, со всею вашей ратью
Прийти опять сюда и разогнать их братью, —
Все это сделал бы такой, как я, солдат,
Когда бы, государь, предать вас был он рад.
Лишь души низкие к предательству способны,
И только женщины бывают мелко злобны.
Пускай, своих измен вкушая горький плод,
Зенон и Метробат взойдут на эшафот.
Пред ликом вечности, быть может, в самом деле
Проснется совесть в них, дремавшая доселе.
Быть может, подойдя к порогу дней иных,
Вторично б отреклись они от слов своих.

А р с и н о я

Нет, государь!..

Н и к о м е д

Зачем дрожите вы в боязни?
Зачем противитесь столь справедливой казни?
Еще нам в голову придет, не ровен час,
Что их предсмертные слова пугают вас.

А р с и н о я

Вы сами видите, как ярость в нем клокочет.
Он друга своего врагом представить хочет!
Присутствие мое царевича гневит;
Мне кажется, ему мой неприятен вид.
Я оставляю вас, чтоб этот грозный воин
Был снова, как всегда, отважен и спокоен.
Мне, государь, от вас не нужно ничего,
Не нужно мне венцов для сына моего,
И вы же знаете — ведь я просить не стала,
Чтоб выделили вы полцарства для Аттала.
А если друг ваш Рим заботится о нем,
Я, право, государь, не ведала о том.

В тот миг, когда в моих объятьях вас не станет,
Дыхание мое струиться перестанет.
На ваш могильный холм я в горести пролью
Не только реки слез, но также кровь мою.

П р у с и й

О, как вы...

А р с и н о я

В черный час, когда погаснет пламя,
Из жизни, государь, уйду я вслед за вами;
И раз вовеки он не будет мне царем,
Чего страшиться мне? Какая сила в нем?
Лишь об одном просить хочу я властелина
Во имя нашего единственного сына:
Пускай вернется в Рим, где он не ведал бед,
Туда, где счастливо провел он двадцать лет;
Где будет он влачить, не зная славы боя,
Лишь память о любви монарха к Арсиное.
Вам будет старший сын верней, чем до сих пор;
Не будет омрачен победоносный взор.
А Рим не страшен вам — сумеет с ним бороться
И сокрушить его отвага полководца:
Ведь карфагенянин ему вручил секрет
Невиданных своих, блистательных побед,
Принесших выгоды, которые отменно
Вкушают Антиох и камни Карфагена.
Я ухожу теперь. Отдайтесь без помех
Отцовской нежности, пугающей всех.
Я не хочу терпеть, в ответ на уваженье,
От ваших отпрысков такое униженье,
А также возбуждать суровый гнев отца
На сына старшего, достойного венца.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П р у с и й, Никомед, А р а с п.

П р у с и й

Довольно, Никомед, беседовать об этом;
Пускай тебя винят, — не верю я наветам.
Но гневается Рим: мы уступить должны,

Развевя заодно испуг моей жены.
Ты дорог мне, мой сын, — ее люблю я страстно;
Должны и можете вы оба жить согласно.
Такая ненависть позорит мой дворец.
Расколу этому я положу конец.
Природу и любовь я примирю друг с другом.
Я должен быть отцом; я должен быть супругом...

Н и к о м е д

Ни тем и ни другим! Подумайте о том,
Что я сказал.

П р у с и й

Так кем я должен быть?

Н и к о м е д

Царем.

Ни мужем, ни отцом монарху быть не надо,
Народом править — вот одна его отрада.
Царите, государь, и будет грозный Рим
Пред вами трепетать, как ныне вы пред ним.
Рим создал мощь свою коварством и войною,
Но он уже теперь робеет предо мною,
И погубить меня стремится потому,
Что буду я царить, не покорясь ему.

П р у с и й

Я должен быть царем? Что ж, выбирай, влюбленный,
Меж Лаодикою и царскою короной.
Атталу уступи царицу иль венец.
Теперь я только царь, я больше не отец.

Н и к о м е д

Мой государь, когда вы были бы владыкой
Не только надо мной, но и над Лаодикой,
Обязан был бы я внимать таким словам.
И все же, государь, чтоб быть угодным вам,
Безмолвно подчинюсь, склонясь под вашей дланью,
Не слову вашему, но вашему желанью.
Пусть все мои права к Атталу перейдут,
И Лаодика пусть произнесет свой суд.
Таков мой выбор.

П р у с и й

Да, в тебе немало пыла!
Ужели женщина героя ослепила?
Ты женскую любовь согласен предпочесть
Венцу, к которому обязывает честь?
Сын, в изменных страстях ты преступаешь меру!..

Н и к о м е д

Я только следую высокому примеру.
Не женщину ли вы герою предпочли,
Который воевал за честь родной земли?

П р у с и й

Во имя женщины отрекся ль я от власти?

Н и к о м е д

А я — отрекся ль я во имя этой страсти?
Что отдал брату я, ваш трон ему отдав?
Вы живы, на престол я не имею прав.
Простите мне в речах такой излишек пыла,
Но, как и всех людей, царя возьмет могила.
Быть может, в день, когда наступит ваш черед,
Меж нами выбирать захочет сам народ:
Он разберется сам в отличиях меж нами, —
Не столь богаты мы похожими чертами.
И вдруг случится так, что право старшинства
Вернет себе свои законные права?
Да, будет помнить он и не забудет боле,
Что многих подчинил я вашей царской воле.
Я, Риму вопреки, сумею в этот раз
То сделать для себя, что совершил для вас.

П р у с и й

О, я не допущу...

Н и к о м е д

Да, если приказанье
Вам бросят — плоть свою предать на растерзанье.
Но если мне палач не срубит головы,
Аттал процарствует пока живете вы.
Я из речей моих не делаю секрета

И брату самому готов сказать все это:
Пускай готовится.

П р у с и й

Нет, мне порукой честь,
Что на престол ему я помогу воссесть!
И завтра же его...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Прусий, Никомед, Аттал, Фламиний,
Арасп, стража.

Ф л а м и н и й

О государь, поверьте,
Я все готов забыть, и вы свой гнев умерьте;
А если на него обрушится сенат,
Его друзья мои, наверно, защитят.

П р у с и й

За вас я отомщу! Мой сын Аттал по праву
Получит завтра же понтийскую державу.
Назначен будет он наследником отца.
А что до этого слепого гордеца,
Пусть справедливый Рим его и вас рассудит.
Заложником теперь пусть он у Рима будет;
Он брата младшего увидит торжество,
Потом вы можете доставить в Рим его.

Н и к о м е д

Как, в Рим — меня?

П р у с и й

Тебе там воздадут сторицей.
Там сможешь бредить ты армянскою царицей.

Н и к о м е д

Извольте, государь, я покоряюсь вам.
Но лучше, чем вы здесь, царить я буду там.

Ф л а м и н и й

О, Рим так ценит вас и ваш военный гений!

Н и к о м е д

Меня не так легко поставить на колени.
Небезопасен путь, который в Рим ведет,
И провожатых там беда, наверно, ждет.

П р у с и й (*Араспу*)

Пусть отведут его; за ним смотрите в оба!

(*Атталу.*)

Ты Рим благодари, не забывай до гроба,
Что дружба Рима — твой единственный оплот;
Ее утратишь ты — и твой престол падет.

(*Фламинию.*)

Прошу не гневаться, но я пройду в покои
Покинувшей меня царицы Арсиной, —
Я все ей расскажу; а вас оставлю с ним.
Аттал, благодари великодушный Рим.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ф л а м и н и й, А т т а л.

А т т а л

Фламиний, почестей подобных недостоин
И самый доблестный и самый грозный воин.
Безмерной щедростью вы превзошли вполне
Все то, чего я ждал, все, что сулилось мне.
Но я признаюсь вам — одною царской властью
Во мне не заглушить моих порывов к счастью.
Без Лаодики мне короны не нужны;
Ее красой мой взор и сердце пленены.
Но трон, которого мне прежде не хватало...

Ф л а м и н и й

Не убедит ее вдруг полюбить Аттала.

А т т а л

Нет, может многое переменить венец...
К тому же завещал когда-то ей отец,
Что лишь в Вифинии армянская царица
Должна с наследником престола обручиться.

Ф л а м и н и й

Легко по-разному царице в этот раз
Покойного отца истолковать приказ.
Полюбит ли она властителя державы,
Того, кто стал велик сияньем братней славы,
Того, кто погубил ее любви предмет,
Того, чей злейший враг — царевич Никомед?

А т т а л

Она расстанется с царевичем любимым,
Но кто ж поможет ей тогда бороться с Римом,
Сулившим дружбу мне на долгие года?

Ф л а м и н и й

Политика свой путь меняет иногда.
Я льстить вам не хочу и быть потом в ответе.

А т т а л

Я должен понимать все оговорки эти!
Царем ли буду я, когда монарший трон
Отнимет у меня все то, чем я силен?
Нет, Рим не лжив! Пока причин для скорби мало!
Ведь есть у вас приказ...

Ф л а м и н и й

Поддерживать Аттала,
Который с детства рос и возмужал у нас.
По поводу *царя* придет другой приказ.

А т т а л

Придет другой приказ! Как, сударь, неужели
Вы детище свое отвергнуть захотели?
Как, неужели Рим завидует ему?

Ф л а м и н и й

Царевич, вы о чем? Я что-то не пойму.

А т т а л

Что ж, растолкуйте то, что мне необъяснимо:
Свою изменчивость и вероломство Рима.

Ф л а м и н и й

Я все вам объясню, надеясь вас спасти
От дерзких выходок и ложного пути.
Рим, помогая вам добиться Лаодики,
Вручил бы вам венец армянского владыки.
Насилие для вас осуществил бы он.
Но вот иным путем возвел он вас на трон.
И, как бы вы его сегодня ни просили,
Себя не даст он вновь склонить на путь насилий.
Царица в выборе своем теперь вольна
И свой удел сама определит она.
Рим вам найдет жену.

А т т а л

Ответьте мне, Фламиний:
А если все-таки меня полюбят ныне?

Ф л а м и н и й

Тогда подумает и скажет всякий враг,
Что силой Рим ее толкнул на этот брак,
Что над республикой сомнения нависли...
Царевич, верьте мне, оставьте эти мысли.
А если вас мои слова не убедят,
То надо подождать, — пускай решит сенат.

А т т а л

Рим движим был, стремясь вручить мне эту плату,
Не дружбою ко мне, а ненавистью к брату.
Всегда стремился он, свою свершая месть,
Лишь погубить его, а не меня вознесть.

Ф л а м и н и й

Царевич, я дивлюсь — скажу вам прямо это, —
Неблагодарности и дерзости ответа.
Вы оскорбления наносите друзьям!
Что ж, вы теперь монарх, и все доступно вам.
Но в час, когда на трон взойдете вы державно,
Не забывайте то, что царь сказал недавно:
«Сын, дружба Рима — твой единственный оплот,
Ее утратишь ты — и твой престол падет».

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

А т т а л.

А т т а л

Аттал, купил ты трон немалою ценою.
Ты, чтобы стать царем, обязан быть слугою.
Уж если должен быть какой-то господин,
Я многих не хочу, — пусть будет лишь один.
Нам слишком дорого возвышенное званье,
Чтоб римлянам его отдать на поруганье.
Мы не слепые, — пусть об этом знает Рим, —
И мы от деспотов страну освободим.
И если всем у них, — любовью, честью, славой, —
Всем управляет дух политики лукавой, —
Что ж, будем, как у них ведется искони,
Бороться за себя, как борются они.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арсиноя, Аттал

Арсиноя

О, я предвидела: народное волненье,
Мгновенно загорясь, погаснет во мгновенье.
Под сенью темноты тревога возросла,
А днем рассеются ночные тени зла.
Но я возмущена не так толпою шумной,
Как тем, что ты в любви упорствуешь безумной,
Что не стремишься ты лукавой отомстить
И за презренье ей презреньем отплатить.
Возвысившись теперь над нею волей рока,
Брось ту, что над тобой смеялась так жестоко.
Ты трон ее любил, а не прекрасный взор, —
Теперь ты сам царишь, а любишь до сих пор!
Мой сын, ты стал царем, и все нам покорится.
Поверь мне, в Азии другие есть царицы;
Они тебя спасут, почтительно любя,
От унижения навязывать себя.

Аттал

Но...

Арсиноя

Что ж, представь себе — добился ты победы;
Предвидишь ли, мой сын, какие ждут нас беды?

Как только станешь ты царем в ее стране,
Она тебе внушит и ненависть ко мне.
Спокоен будешь ли на ложе с нею вместе,
Поверив, что она не жаждет больше мести,
Что за любовника тебе не отомстят
Когда-нибудь в ночи ее кинжал и яд?
Все может женщина в порыве своенравном.

А т т а л

Так много доводов, чтоб я забыл о главном!
Не любит Рим, когда растут его друзья.
Ему был страшен брат и был бы страшен я, —
И чтобы со своим не ссориться владыкой,
Не должен я искать союза с Лаодикой.
Мне гибелью грозит его всесильный гнев;
Покорно должен я молчать, окаменев,
Склонившись перед ним, почтительный и смирный,
Пока шагает он к империи всемирной.
А если некий царь сплотит свою страну,
Своим падением искупит он вину.
Он римлян оскорбит, врага разбив со славой
И став властителем над мощною державой.
О, как же им на тех не двинуть ратных сил,
Кто их величию обиды наносил?
Избранники они, властители вселенной;
И мы, в покорности коленопреклоненной,
Должны не забывать, что Рим наш господин,
Что независим он, и только он один.
Я знаю эту мощь: она во прах втоптала
И Антиоха трон и славу Ганнибала.
Страшась такой судьбы, я, голову склоня,
Готов признать их власть, сломившую меня.
Путь отступленья мне и потому неведом,
Что овладеть они сумели Никомедом.
Заложник этот — лев, и на меня всегда
Спустить его с цепи сумеют господа.

А р с и н о я

Все это разъяснить хотела вам сама я,
Вы все сказали, все отлично понимая:
Покуда не придут иные времена,
Покорность ублажать властителей должна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фламиний, Арсиноя, Аттал.

Арсиноя

Я очень трудную победу одержала,
Заставя верить мне влюбленного Аттала.
О долге мне пришлось напоминать ему,
Но страсть он обуздал и подчинил уму.

Фламиний

Используйте теперь такое же искусство,
Чтоб разум у толпы поднялся выше чувства.
Бунтующий народ должны вы обуздать.
Тут, поздно спохватясь, недолго опоздать.
Волнение подавить возможно лишь борьбою;
Не успокоится оно само собою.
Когда-то мятежи видал и грозный Рим,
Но не был он, как вы, безгласен и терпим.
Чтоб успокоить чернь, разжегшую восстанье,
Сенат бросал ей все — угрозы, обещанья,
Пока мятежный люд, смирясь, не покидал
Высокий Авентин и гордый Квиринал,
Сходя с которых он пролил бы реки крови,
Когда бы для борьбы Рим не был наготове,
Когда бы он врагов от тяжкой кары спас,
Как поступаете вы сами в грозный час.

Арсиноя

Теперь мы справимся со злобным супостатом,
Свершая все, что нам указано сенатом,
И царь... Но вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прусий, Арсиноя, Фламиний, Аттал.

Прусий

Сомнений больше нет!
Посол, я вижу, в чем источник наших бед:
Восстание зажгли клеветы Лаодики.

Ф л а м и н и й

Догадывался я, но собирал улики.

А т т а л

О, так вознаградить заботу и любовь!

Ф л а м и н и й

За дело, государь! Я повторю вновь...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Прусий, Арсиноя, Фламиний, Аттал, Клеона.

Клеона (Арсиное)

Сударыня, коль мы немедля не ударим,
То Никомеда чернь посадит государем.
Толпой, которая ломает все подряд,
Уже растерзаны Зенон и Метробат.

А р с и н о я

Она свое взяла и мщения вкусила;
Теперь, я думаю, ее иссякнет сила.
Она уверена, что блеск ее побед
Одобрит радостно царевич Никомед.

Ф л а м и н и й

Без предводителей, без всякой твердой цели,
Мятеж бы кончился, как вы того хотели.
Своими жертвами насытился б народ.
Но этот заговор так скоро не умрет:
Он шествует вперед, все больше свирепея;
Он, кровью опьянясь, становится все злее,
И, на пути своем подняв кровавый прах,
Теряет жалость он, теряет стыд и страх.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Прусий, Фламиний, Арсиноя, Аттал, Клеона,
Арасп.

А р а с п

Сюда со всех сторон народ валит толпою,
Дружина, государь, не рвется больше к бою.

Шагая ко дворцу, я слышал речь солдат:
Они царевича освободить хотят.
Могу ль ручаться я...

П р у с и й

Пускай к толпе кровавой
Вернется этот вождь, покрытый бранной славой!
Пусть, государыня, бессовестный народ
Кумира своего монархом изберет!
Мятежным подданным, чтоб успокоить крики,
Швырнем мы голову их нового владыки.

А т т а л

О, государь...

П р у с и й

Лишь так его мы возвратим.
Они его хотят — и он вернется к ним.

А т т а л

Великий государь, нельзя шутить с пожаром,
Царевича народ боготворит недаром.
Осмелюсь вам сказать: когда погибнет он,
Погибель будет вам грозить со всех сторон.

П р у с и й

Что ж, черни покорясь и вняв ее приказам,
Вручить ей мой престол и Никомеда разом?
Другого нет пути; я должен, наконец,
Казнить мятежника иль уступить венец.

Ф л а м и н и й

Напомню вам, о чем у нас была беседа:
Не вам давать приказ о казни Никомеда,
Вы, государь, над ним теперь не властелин.
Заложник Рима он и больше вам не сын.
Вы не подумали, как видно, что отныне
Лишь Рим заботится о вашем старшем сыне,
А перед Римом я ответственен сполна.
Моя галера в путь уже снаряжена.
Дозвольте к гавани пройти подземным ходом,
Где к морю выйдем мы, не встретившись с народом.
Узнав про мой отъезд, пусть люди говорят,
Что милосерден Рим и справедлив сенат!

А казнь заложника была бы преступлением,
Сенат бы счел ее тяжелым оскорблением.

А р с и н о я

Дозвольте, государь, и мне вам дать совет.

П р у с и я

Дороже для меня совета в мире нет,
Царица.

А р с и н о я

Этот план, что мне внушили боги,
Республику и вас избавит от тревоги.
Так вот он: если в путь Фламиний снаряжен,
С заложником своим сокрыться может он.
В подземный ход уйти — всего одно мгновенье;
Но, чтобы облегчить ему исчезновенье,
Польстите мятежу и, выйдя пред толпой,
Хотя бы дайте ей поговорить с собой.
Я думаю, что вам занять ее нетрудно,
Пока не отплывет подальше в море судно.
А ежели она ворвется во дворец
Искать его, — тогда, разгневанный отец,
Вы тоже будете негодовать с ней вместе
И, проклиная Рим, твердить о скорой мести;
И, наконец, когда уже придет рассвет,
Вернуться по домам дадите ей совет,
В последний миг шепнув загадочное слово,
Что, может быть, она понадобится снова.
Нет, как бы ни была толпа разъярена,
Без предводителя беспомощна она.
Тревожась за него, она совсем безвредна.
Так ваша схватка с ней окончится победно.
Но ежели толпа освободит его, —
Он победил тогда, он правит торжество,
И мы должны бежать.

П р у с и я

Ах, вы сказали сами, —
Совет разумнейший внушен вам небесами.
Неправда ли, он мудр, о господин посол?

Ф л а м и н и й

Он сохранит вам жизнь, и славу, и престол;
И в вашей власти жизнь царицы Лаодики...
Но мы должны спешить — все громче эти клики

П р у с и й

Так будем же спешить. Пойдемте, я готов.

А р с и н о я

Араспа надо взять и только трех бойцов.
Чем больше свита, тем опаснее измена.
А я пока пойду к заложнице надменной.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Арсиноя, Аттал, Клеона.

А р с и н о я

Аттал, куда же вы?

А т т а л

Иду к толпе скорей,
Хочу и я польстить тщеславыю бунтарей
И к плану вашему хочу прибавить новый.

А р с и н о я

Мы связаны судьбой единой и суровой,
Опасности грозят мне только из-за вас.

А т т а л

Погибну, но от них избавлю вас сейчас.

А р с и н о я

Ступайте. К нам идет армянская царица.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Арсиноя, Лаодика, Клеона.

А р с и н о я

Виновнице всех бед ужели все простится?

Л а о д и к а

О нет, царица, нет, прошу вас верить мне,
Она раскается теперь в своей вине.

А р с и н о я

Вам ведома вина — назначьте искупление.

Л а о д и к а

Что может быть для нас ужасней униженья?
Провалом замысла наказана она.

А р с и н о я

Так велика ее кровавая вина,
Что нужно у нее теперь отнять корону.

Л а о д и к а

Ей милосердный враг не причинит урону.
Победу одержав, он забывает гнев
На тех, которые трепещут, онемев.

А р с и н о я

А многие ли вам внимают терпеливо?

Л а о д и к а

О, от природы я на редкость незлобива.

А р с и н о я

На государев дом поднять такой мятеж,
Сказать слепой толпе: «Круши, беснуйся, режь,
Вторгайся во дворец!» — все это, в самом деле,
Вы незлобивостью именовать посмели?

Л а о д и к а

Мы, видно, поняли друг друга не вполне:
Что ни скажу о вас, вы мните обо мне.
Нет, за себя я здесь тревожиться не стану.
Царя с царицей взять желаю под охрану, —
Иначе, я боюсь, разгневанный народ,
Его величеству обиду нанесет.
Зовите Прусия и вашего Атгала;
Я не хочу, чтоб их достоинство страдало:
Пути спасения у них другого нет.

А р с и н о я

Подобной дерзости еще не видел свет!
Как, вы, поднявшая в народе возмущенье,
Вы, пленница моя, лелеявшая мщенье,
Которая должна ответить головой
За унижения, испытанные мной,
Вы говорите так, как будто — ваша сила,
Как если бы у вас пощады я просила.

Л а о д и к а

Сударыня, пора понять вам, наконец,
Что я здесь госпожа, что это мой дворец,
Что мне принадлежит и кара и пощада.
А в преступлениях меня винить не надо:
Народ, ваш подданный, конечно виноват,
Преступники все те, кто против вас кричат;
Но мне, царица, мне, которая сумела
Подвигнуть весь народ на вас подняться смело,
Мне разрешается законами войны
Ослабить бунтом мощь враждебной мне страны
И мужа своего освободить, воюя.

А р с и н о я

Что ж, будем воевать! Отныне говорю я:
Коль вторгнется сюда хотя б один бунтарь,
Царица, вас казнить прикажет государь.

Л а о д и к а

О, если будет так, тогда струей обильной
Кровь вашего царя зальет мой холм могильный.
Иль, чтоб унять толпу, для них и в этот раз
Зенон и Метробат отыщутся у вас?
Так знайте: следуя рассчитанному плану,
Я подкупила слуг и даже всю охрану.
Да кто ж из них теперь поддержит вашу власть
Единственно затем, чтоб вместе с вами пасть?
Но над Вифинией царить я не желаю;
Вернуться мне давно пора к родному краю;
И, чтоб окончились все ваши беды вдруг,
Пусть будет тотчас же мне возвращен супруг.

А р с и н о я

Вы по дороге в Рим его ловите ныне,
Там сможет вам отдать царевича Фламиний.
Но надобно спешить, не опоздать бы вам!
Галера уж давно несется по волнам.

Л а о д и к а

О, если это так...

А р с и н о я

Да, это так, поверьте.

Л а о д и к а

В моем отчаянье — дыханье вашей смерти.
Нет, после этого мучительного дня
Великодушия не ждите от меня.
Заложницей моей вы будете, царица,
До той поры, пока в неволе он томится.
Что ж, бой — так бой! Пускай войти придется в Рим
И вашим подданным и подданным моим,
Я помню мудрые заветы Ганнибала:
«Чтоб римлян победить, ворвитесь в Рим сначала».
Помогут ярость мне и миллионы рук, —
И волю обретет любимый мой супруг.
Тиранство дикое не будет править боле...

А р с и н о я

Не о вифинском ли мечтаешь ты престоле?
Ужели, лжи твоей увидев торжество,
Потерпит царь, чтоб ты царила за него?

Л а о д и к а

Царить я буду здесь неумолимой дланью,
Раз царь желает быть царем лишь по названью.
Что за него царят, он ведает давно, —
А кто там, Рим иль я, не все ли нам равно?
Но вот заложника второго шлют мне боги.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Арсинья, Лаодика, Аттал, Клеона.

Арсинья

Что говорят, Аттал? Они уже в дороге?

Аттал

О небо!

Арсинья

Говори!

Аттал

Немилосердный рок

К нам, государыня, особенно жесток.

Он вырвался, бежал...

Лаодика

Царица, это слово

Великодушие мне возвращает снова.

Арсинья

Аттал, мой сын, зачем меня страшите вы?

Аттал

Нет, не напрасно я тревожу вас, увы!

Испытанный Арасп с немногими бойцами

Дошел до выхода, указанного вами.

Посол республики уже вошел в проход,

Как вдруг Араспу в грудь вонзился нож, и вот

Он падает к ногам царевича. Солдаты,

Увидя смерть его, исчезли вдруг куда-то.

Арсинья

Но кто же это был? О, отвечай скорей!

Аттал

Один из часовых, стоявших у дверей.

А Никомед...

Арсинья

Мой сын, предательство повсюду!

Как можно доверять изменчивому люду?

Но об убийстве кто поведал вам, Аттал?

А т т а л

Мне рассказал Арасп, он кровью истекал...
Однако слушайте: оставленный отрядом,
Я бросился к царю, желая стать с ним рядом,
Но опоздал, увы! Державный мой отец,
В отчаянье уже покинувший дворец,
Стремится в челноке за римлянином следом,
Который тоже в страх повергнут Никомедом.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Прусий, Фламиний, Арсиноя, Лаодика, Аттал,
Клеона.

П р у с и й

Нет, нет, вернулись мы, и снова мы вдвоем,
Мы, защищая вас, у ваших ног умрем.

А р с и н о я

Умрем же, государь, умрем сегодня вместе,
Не дав торжествовать его коварной мести.
Не будем ждать, когда захочется ему
Свободы нас лишить, повергнуть нас во тьму.

Л а о д и к а

Нельзя не оскорбить великого героя,
Явив, сударыня, отчаянье такое.
Вы знать его должны: и, раз он дорог мне,
Поверьте, что меня достоин он вполне.
Не думала бы я, что он в монархи годен,
Когда бы не был он душою благороден.
Величие его — не пышные слова.
Но вы увидите, насколько я права.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Прусий, Никомед, Арсиноя, Лаодика, Фламиний,
Аттал, Клеона.

Н и к о м е д

К народу, государь, я вышел на мгновенье, —
И тотчас улеглось народное волнение.

П р у с с и й

Как! Дерзновенно ты вторгаешься сюда,
Бунтарь?

Н и к о м е д

Нет, бунтарем я не был никогда.
Я не затем пришел, чтоб вас корить сурово
И похвалиться тем, что сбил свои оковы.
Я — верноподданный, и твердою рукой
Хочу восстановить смятенный ваш покой.
Могу ли в чем-нибудь винить трибунов Рима?
К владычеству они идут неколебимо.
Свою обязанность осуществлял посол,
Желая поделить на части ваш престол.
Но, чтобы больше Рим не шел на преступленья,
Верните мне теперь свое благоволенье;
Простите свой народ, который, вас любя,
Позволил жалости разгорячить себя.
Простите ложный шаг, — опасен он, бесспорно,
Но следствие таких событий благотворно.
И вы, сударыня, простите свой народ,
Признательность моя вовеки не умрет.
Вам ненавистен я, и мне ясна причина:
Вы мать, вам хочется царем увидеть сына.
Я помогу ему — ваш сын получит трон,
Когда из рук моих корону примет он.
Здесь, в Азии, мой меч найдет немало дела,
И для него венец он завоюет смело.
Скажите только — где, и я без лишних слов
Отправиться туда немедленно готов.

А р с и н о я

У вас уже в руках и жизнь моя, и слава, —
А вы, которому покорна вся держава,
Хотите полное увидеть торжество,
Став победителем и сердца моего?
Оно сдалось, его раскаяние гложет,
Сопротивляться вам оно уже не может,
Прибавьте же его к числу своих побед,
И я тогда найду в вас сына, Никомед.

П р у с и й

Я тоже побежден царевичем; отныне
Все — жизнь и честь моя — в моем великом сыне.
Но расскажите нам: кому на этот раз
Обязаны, мой сын, мы тем, что видим вас?

Н и к о м е д

Спаситель мой закрыл лицо свое от взгляда.
Он принял перстень мой — в залог, а не в награду,
И обещал вернуть его к исходу дня.

А т т а л

Согласны ль вы принять ваш перстень от меня?

Н и к о м е д

Великий государь, отныне видим все мы, —
Что голова его достойна диадемы.
О нет, не римский раб, не честолюбец он,
Но доблестный герой, восстановивший трон.
Освободив меня, вернули вы свободу
Себе, мой брат Аттал, царю, всему народу.
Но отчего же вы таились до сих пор?

А т т а л

Чтоб ваше мужество увидел царский двор;
Чтоб вы могли один стоять за наше право;
Чтоб ярче прежнего сверкнула ваша слава
И чтоб я мог отмстить себе и даже вам,
Когда бы в вас, мой брат, я обманулся сам.
Но...

А р с и н о я

Не могла понять я прежде вашей цели,
Вы от меня самой спасти меня хотели!

(К Никомеду.)

Да, кровь и плоть моя, Аттал, мой сын родной,
Уничтожает зло, посеянное мной.

Н и к о м е д *(Фламинию)*

Фламиний, я скажу без всякого коварства:
О дружбе с Римом все мечтают государства

Но мы такой ценой платить ему должны,
Что нам союзники такие не нужны.
Да, дружбы мы хотим, но дружбы равноправной, —
Иначе предпочтем вражду, как с равным равный.

Ф л а м и н и й (Никомеду)

Царевич, эту речь обсудит наш сенат.
Но что бы ни было, я объявить вам рад:
Вы доблестью своей в совете и в сраженье
Его высокое снискали уваженье;
И если друга в вас не завоеует Рим,
Гордиться будет он и недругом таким.

П р у с и й

Сойдемся же теперь в священном нашем храме
И жертвенный огонь зажжем над алтарями;
Попросим тех, кому возносится хвала,
Чтоб дружба Рима нам дарована была.

КОММЕНТАРИИ

С И Д (1636)

Непосредственным источником трагедии послужила пьеса испанского драматурга Гильена де Кастро «Юность Сиды» (1618), в свою очередь опирающаяся на многовековую традицию народных романсов о Сиде. Сид (арабское «сеид» — «господин») — почти-тельное прозвище, данное кастильскому рыцарю Родриго (Руй) Диасу де Бивар, прославившемуся своими победами над маврами. Родриго Диас — историческое лицо, участник так называемой «реконкисты» — освободительной войны испанского народа с арабскими захватчиками. Вскоре после его смерти (1099) сложилась эпическая поэма «Песнь о моем Сиде», воспевающая его героическую борьбу с маврами. В ней Сид выступает уже зрелым и опытным полководцем, отцом взрослых дочерей. История его женитьбы на донье Химене, дочери графа Овьедского, стала предметом эпической поэзии значительно позже — в XIII веке. Согласно преданию, Химена потребовала от короля казни Сиды, убившего ее отца, а после того как король не решился на это, попросила выдать ее замуж за Сиды, чтобы он стал ее защитником вместо отца; Сид лишь нехотя согласился на брак с Хименой. Гильен де Кастро существенно изменил историю отношений между Сидом и Хименой, придав им тот самый характер, какой мы находим потом в пьесе Корнеля.

Действие пьесы Корнеля разыгрывается в годы юности Сиды, в период царствования первого кастильского короля Фердинанда или Фернандо I (1035—1065). Фердинанд I принял титул кастильского короля в 1035 г., а через два года присоединил к своим владениям соседнее графство (в дальнейшем королевство) Леон.

Донья Уррака — историческое лицо, дочь Фердинанда I, фигурирует в народной эпической поэме «Осада Саморы».

Стр. 9. *Гранада* — область и город на юге Испании; находилась в руках мавров вплоть до конца XV в. Взятие Гранады (1491) знаменует окончательное изгнание арабов с территории Испании.

Стр. 9. *Арагон* — королевство к востоку от Кастилии. Короли Кастилии и Арагона нередко враждовали между собой.

Стр. 27. *Что скипетр мой царит над Андалузским краем...* — Андалузия — область на юге Испании, принадлежавшая в ту пору маврам. Однако Фердинанду удалось в результате ряда побед сделать мусульманских царей своими данниками.

— *Севиля* — крупный город и крепость на р. Гвадалкивире, на юге Испании; в описываемую эпоху была центром Севильского эмирата. В 1063 г. Фердинанд совершил набег на Севилью и обязал арабского эмира платить Кастилии дань.

Стр. 53. *Толедо* — город и область в центральной Испании. В ту пору находился еще в руках арабов. Был взят сыном Фердинанда Альфонсом VI в 1085 г. и стал в дальнейшем столицей Кастилии.

ГОРАЦИЙ (1640)

Источником трагедии послужил римский историк Тит Ливий. Изображаемые в трагедии события относятся к легендарному периоду римской истории — так называемой эпохе «семи царей». Согласно традиции, третий римский царь Тулл Гостилий присоединил к Риму Альбу Лонгу — самый древний и могущественный из латинских городов, являвшийся главным соперником Рима.

Стр. 78. *Судили боги нам: господство над вселенной...* — Пророчество о грядущей мощи Рима, заключающее основные вехи его дальнейшей истории, является традиционным подражанием VI песне «Энеиды» Вергилия.

— *У скал Геракловых...* — Геракловы скалы (иначе Геркулесовы столпы) — древнее название Гибралтарского пролива.

— *Ромул* — по преданию основатель Рима и его первый царь; был со стороны матери потомком царей Альбы Лонги.

— *...и именем своим.* — Название Рима (лат. Roma) предание связывает с именем его основателя Ромула.

Стр. 83. *Авентин* — один из семи холмов, на которых расположен Рим.

Стр. 121. *...Пусть Запад и Восток восстанут в гневе яром...* — Проклятие Камиллы включает в общей форме картину грядущей гибели Римской империи и представляет своеобразную реплику на монолог Сабины о возвышении Римской державы (см. выше, прим. к стр. 78).

Стр. 122. *Аид* — царство мертвых.

Стр. 135. *Тому, кто спас тебя, простишь ты, славный Рим, Первостроителем свершенное твоим.* —

По преданию, Ромул, повздорив со своим братом Ремом, в гневе убил его.

Ц И Н Н А (1640)

Источником трагедии послужил трактат римского философа и писателя Сенеки «О милосердии» (56 г. н. э.), написанный им в поучение его воспитаннику — молодому императору Нерону. История заговора Цинны против Августа, рассказанная в гл. IX трактата, не раз вызывала у комментаторов сомнения в ее подлинности, так как наиболее обстоятельный историк Августа Светоний («Жизнеописание цезарей», ок. 120 г. н. э.) не упоминает о ней. Отрывок из трактата Сенеки, использованный Корнелем и обычно помещаемый во французских изданиях перед трагедией, довольно точно переведен Монтенем в его «Опытах», кн. 1, гл. XXIV.

Из действующих лиц подлинными историческими фигурами являются Август, Ливия и Цинна. Октавий Цезарь Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — внучатный племянник и наследник Юлия Цезаря. В результате длительной политической борьбы пришел к единовластию; в 27 г. до н. э. принял титул императора, сменив свое имя Гай Октавий (или Октавиан) на Цезарь Август. Ливия — третья жена Августа; сын ее от первого брака Тиберий стал после смерти Августа императором. Цинна, как указывают источники, приходился правнуком Помпею (а не внуком, как считал Корнель). В 5 г. до н. э. он был назначен консулом. Эта дата позволяет приблизительно установить момент действия трагедии. Эмилия является вымышленным персонажем, но упоминаемый в трагедии как ее отец К. Тораний — лицо историческое, воспитатель Августа, казненный им.

Стр. 144. *Марк Антоний* (прибл. 82—30 гг. до н. э.) — римский полководец и народный трибун, потом консул, сторонник Цезаря. После смерти последнего Октавиан и Антоний на протяжении ряда лет были попеременно то союзниками, то политическими соперниками. В своей борьбе со сторонниками республики Октавиан несколько раз заключал соглашения с Антонием. Окончательный разрыв между ними произошел в 32 г. до н. э., а в 31 г. в морском сражении у мыса Акциума Антоний потерпел поражение и бежал в Египет. После окончательной победы Октавиана, вторгшегося в 30 г. в Египет, Антоний покончил с собой. Победа над Антонием

и захват Египта были заключительным этапом борьбы Октавиана за единоличную власть.

Стр. 144. *Рим против Рима встал...* — Гражданские войны в Риме, охватывающие около ста лет (с 30-х гг. II в. до н. э. до установления принципата Августа в 27 г. до н. э.), приобрели особенно напряженный характер после убийства Цезаря (44 г. до н. э.), в период борьбы между республиканцами и сторонниками Цезаря — Октавианом и Антонием, поочередно претендовавшими на диктатуру.

— *Короче говоря — про их триумвират.* — В ноябре 43 г. до н. э. Марк Антоний и Марк Эмилий Лепид заключили с официальным наследником Цезаря Октавианом соглашение и образовали так называемый «второй триумвират», для борьбы со сторонниками республики.

Стр. 145. *Что в жилах у меня струится кровь Помпея.* — Гней Помпей Великий (106—48 г. до н. э.) — римский полководец и политический деятель, в 60 г. образовал вместе с Юлием Цезарем и Крассом так называемый «первый триумвират». В конце 50-х гг. произошел разрыв между Цезарем и Помпеем. В 48 г. до н. э. в битве при Фарсале Цезарь одержал победу над войсками Помпея, который вынужден был бежать в Египет. Там он был предательски убит по приказу египетского царя Птолемея. Это событие легло в основу трагедии Корнелия «Смерть Помпея» (1643). Римская историческая традиция неправильно изображала Помпея борцом за республику против диктатуры Цезаря: в этом смысле Цинна и подчеркивает свое родство с Помпеем. На самом деле Помпей также стремился к единовластию.

Стр. 146. *Несчастье Кассия припомни или Брута!* — Гай Кассий Лонгин и Марк Юний Брут — республиканцы, стоявшие во главе заговора против Цезаря. После убийства последнего вынуждены были бежать из Рима в Македонию, где собрали армию для борьбы с триумвирами. В 42 г. до н. э. в сражении при Филиппах были разбиты и оба покончили самоубийством.

Стр. 151. *Знал Сулла до меня величье этой власти...* — Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н. э.) — полководец, с 82 по 79 г. диктатор, ставленник аристократии. Приход Суллы к власти сопровождался жестокими казнями и преследованиями его политических противников.

— *И Цезарь, мой отец...* — Октавиан был усыновлен Цезарем в его завещании.

— *То, что отверг один, то крепко взял другой.* — Август хочет сказать, что Сулла отверг власть диктатора, которую впоследствии захватил Цезарь.

Стр. 151. *Злодей окончил жизнь во всем судьбой хранимым...* — Сулла, за год до смерти сложивший с себя полномочия диктатора, продолжал сохранять политическое влияние и авторитет. Был погребен с необыкновенной пышностью и почестями на Марсовом поле рядом с гробницами царей.

— *Вы заменили мне Агриппу, Мецената.* — Марк Випсаний Агриппа — полководец, друг и впоследствии зять Августа, поддерживавший его в период борьбы за власть. Умер в 12 г. до н. э. Гай Цильний Меценат — друг и приближенный Августа, прославившийся как покровитель поэтов (Вергилия, Горация, Проперция). Имя Мецената в дальнейшем стало нарицательным для обозначения богатого покровителя искусств. Историк Дион Кассий, также использованный Корнелем в качестве источника, приводит беседу Августа с Агриппой и Меценатом по поводу захвата им власти. В этой беседе Агриппа представляет точку зрения, высказанную Максимом, а Меценат — Цинной. Имена Агриппы и Мецената заключают прямую ссылку на эту беседу.

Стр. 153. *И в императоре все видят лишь царя.* — Царский титул был со времен установления республики (конец VI в. до н. э.) ненавистен римским гражданам, как воплощение тирании. Римские императоры, начиная с Августа, продолжали, следуя традиции, формально разграничивать новый императорский и старый царский титул, пытаясь этим замаскировать деспотически-самодержавный характер своей власти. На это и намекает цит. стих.

Стр. 155. *Так, Македония царю была бы рада...* — Македония — область к северу от Греции, сохранившая после распада империи Александра Македонского монархический строй. После ряда неудачных войн с Римом превратилась в римскую провинцию (148 г. до н. э.).

— *Парфяне с персами властителей хотят...* — Парфянское царство, возникшее в III в. до н. э. на территории Персии, являлось наиболее сильной державой на Востоке и сохраняло свою независимость вплоть до начала II в. н. э., когда оно было завоевано императором Траяном. Подробнее см. прим. к «Родогуне».

— *И нужен римлянам один лишь консулат* — Во главе Римской республики, с момента ее основания, стояли два консула. С приходом к власти Октавиана количество их было увеличено, но сама должность консула утратила свое значение.

— *Ворота Януса оружием закрыты...* — Ворота храма бога Януса в Риме открывались только во время войны. Август трижды закрывал храм Януса в знак прекращения войны.

Стр. 155. *То, чем второй наш царь всех осчастливил нас* — Второй из семи легендарных римских царей — Нума Помпилий, которому традиция приписывала мирную политику.

— *Кровь при Тарквинии нам землю обагрела...* — Тарквиний Гордый — последний римский царь, которого историческая традиция рисует жестоким деспотом. По преданию, был свергнут восставшим народом, после чего была установлена республика.

Стр. 156. *Так Сулла — Марию, а Цезарю — мой дед...* — Гай Марий (156—86 гг. до н. э.) — полководец, консул, на протяжении ряда лет стоявший во главе Римской республики. Его политическим противником выступил Сулла, пришедший к власти уже после смерти Мария.

Стр. 157. *Как Юлии, почет ей будет заслуженный* — Юлия — дочь Августа от второго брака.

Стр. 171. *Найдется ли гордец в любой земной стране,
Кто с римлянином стать посмел бы наравне? —*

В период усиления Рима как мировой державы звание римского гражданина считалось самым почетным в мире. По этой причине браки между римскими гражданами и иноземцами («варварами»), в том числе даже с лицами царского рода, не допускались, ибо считались позорными. См. ниже прим. к «Никомеду», к стр. 273.

— *На голову свою навлек наш гнев Антоний*

Тем, что с царицею позор делил на троне. —

Марк Антоний был возлюбленным египетской царицы Клеопатры, с которой впоследствии вступил в брак вопреки римским обычаям.

— *Аттал, пергамский царь...* — Пергам — самое крупное из малоазийских царств, отделившихся от монархии Селевкидов. Его последний царь Аттал III (138—133 гг. до н. э.) завещал свое царство Риму. Имя Аттал, часто повторяющееся в династии пергамских царей (Атталидов), использовано Корнелем для вымышленного им персонажа в «Никомеде».

Стр. 176. *По Македонии она ручьем струилась...*

А сколько пролил Секст! —

Македония явилась театром военных действий в заключительный период борьбы между республиканцами Брутом и Кассием и триумвирами Антонием и Октавианом. Секст Помпей — младший сын Гнея Помпея Великого, некоторое время пытался оспаривать власть у триумвиров; утвердился в Сицилии, откуда с помощью флота затруднял движение судов в Италию. В 36 г. до н. э. потерпел окончательное поражение и в следующем году был убит.

— *Топил Перузии он смелых сыновей...* — Перузия — город в Этрурии (центральная Италия). В 41 г. до н. э. стал центром вос-

стания, поднятого сторонниками Марка Антония против Октавиана. Весной 40 г. перузинская война окончилась победой Октавиана.

Стр. 180. *Я правлю двадцать лет...* — Эти слова позволяют датировать события, описываемые в трагедии приблизительно 7 г. до н. э., что совпадает с указанием на время назначения Цинны консулом (5 г. до н. э.).

Стр. 186. *Эвфорб, причиною всему был твой совет...* — Эта попытка перенести всю вину в «низком», предательском поступке Максима на раба характерна для аристократических тенденций в эстетике классицизма. Ср. «Федру» Расина, где, в отступление от Эврипида, клеветническое обвинение Ипполита подсказано Федре ее кормилицей Эноной. Вольтер в своих примечаниях резко критикует это место в трагедии Корнеля: «Заговорщику, сенатору не пристало упрекать раба за то, что он толкнул его на дурной поступок. Подобный упрек был бы уместен в устах слабой женщины, например Федры... или неопытного юноши...»

Стр. 190. *Ужель Сервилия, Метелла славный род,
Потомки Фабия...* —

Сервилии, Метеллы, Фабии — древние римские роды, чрезвычайно влиятельные и многочисленные, давшие Риму целый ряд крупных политических деятелей.

Стр. 192. *Я Юлию изгнал...* — В соответствии с законами против разврата, изданными Августом в 18 г. до н. э., он вынужден был отправить в изгнание свою дочь Юлию, известную крайней вольностью нравов.

РОДОГУНА (1644)

Источником трагедии послужил отрывок из труда греческого историка Аппиана Александрийского (II в. н. э.) «Сирийские войны».

В результате распада империи Александра Македонского на Востоке образовалось обширное государство Селевкидов, центром которого являлась Сирия. Позднее, в III в. до н. э., из-под власти Селевкидов освободилось Парфянское царство, расположенное на территории нынешнего восточного Ирана. Постепенное возвышение и усиление Парфии сделало ее позднее (в I в. н. э.) серьезным политическим соперником Рима.

Описываемые в трагедии события относятся к середине II в. до н. э., когда ослабшее в результате войны с Римом (см. прим. к «Никомеду») царство Селевкидов подверглось нападению со стороны парфян. Однако действие «Родогуну» разворачивается вокруг

чисто династического конфликта, не затрагивая больших политических и исторических проблем. Предистория, образующая драматическую завязку сюжета и разъясняющая сложные отношения между персонажами, охватывает события многих лет; она излагается в разговоре второстепенных персонажей Тимагена и Лаоники (д. I, явл. 1 и 4).

По Аппиану, Деметрий II Никанор (правильнее: Никатор), сирийский царь (145—138 и 129—125 гг. до н. э.), во время войны с парфянами был взят в плен царем Фраатом, на сестре которого Родогуне он затем женился. В его отсутствие престолом временно завладел узурпатор Трифон, вскоре свергнутый братом Деметрия Антиохом (138—129 гг. до н. э.), женившимся на покинутой супруге Деметрия Клеопатре. В борьбе с парфянами Антиох погиб, а Деметрий возвратился в свое царство, где был убит из мести своей покинутой женой. Не довольствуясь этим, Клеопатра убила своего сына Селевка, взошедшего на престол после смерти отца, но сама пала жертвой своего второго сына Антиоха, заставившего ее выпить яд.

Этот сам по себе уже сложный и запутанный эпизод династической борьбы Корнель еще более усложнил, сделав обоих братьев близнецами и соперниками в любви к Родогуне. Вместе с тем, чтобы не оскорблять моральное чувство зрителя «неприличной» любовью царевичей к их мачехе, Корнель отступил от своего источника, сделав Родогуну не женой, а только невестой Деметрия. Равным образом, и Клеопатра у него вступает в брак с братом своего мужа, только обманутая ложным слухом о гибели последнего. Во всех этих изменениях сказывается уступка привычным нормам классической драматургии, которые, правда, позволяют героям трагедии совершать жестокости, насилия, убийства и прочие преступления, но категорически исключают нарушения определенных норм семейной морали.

Таким образом, все основные персонажи трагедии являются подлинными историческими лицами, но в отношении между ними внесено много вымышленных обстоятельств.

Стр. 201. *И ныне Гименей, обуздывая мщенье,*

С парфянином для нас готовит соглашение... —

т. е. брак сирийского царевича с сестрой парфянского царя Родогунуи должен положить конец длительным войнам между обоими государствами.

Стр. 202. *И к брату отослав в Мемфис со мною их. —* Мемфис — в то время столица Египта. Клеопатра была дочерью египетского

царя Птолемея Филометора. В описываемую пору царствовал не ее брат, а дядя Птолемей Эвергет II.

Стр. 207. *У славных двух осад, огню предавших Трои,
Заливших стогны Фив кровавою волною...* —

Причиной осады Трои было похищение спартанской царицы Елены влюбленным в нее троянским царевичем Парисом, причиной осады Фив — междоусобная распря за власть между сыновьями Эдипа Этеоклом и Полиником.

Стр. 209. *Своей рукою он с собой покончил сам...* — Здесь Корнель в точности следует своему источнику: согласно Аппиану, Антиох, отчаявшись в победе и не желая сдаваться в плен, покончил с собой.

— *Решил он взять пример с бывлой своей подруги...* — Корнель нарочно меняет здесь последовательность событий: по Аппиану, брак Клеопатры с Антиохом был ответом на весть о браке Деметрия с Родогунной и вызван желанием Клеопатры отомстить прежнему мужу. У Корнеля же брак Клеопатры представлен как следствие недоразумения, и именно этот брак толкает Деметрия на брак с Родогунной.

Стр. 211. *Нет, редко ненависть смиряется в царях...* — Еще Вольтер отмечал «макьявеллистический» характер этих рассуждений, так же как и монолога Клеопатры в д. II, явл. 2.

П И К О М Е Д (1651)

События, описываемые в трагедии, относятся к периоду усиления внешнеполитической мощи Рима. В результате второй пунической войны (219—201 гг. до н. э.) Рим разгромил своего главного соперника в бассейне Средиземного моря — Карфагенскую республику, а в сирийской войне (192—188 гг. до н. э.) нанес сильнейший удар монархии Селевкидов на Ближнем Востоке. Не превратив еще формально малоазийские царства в свои провинции, Рим тем не менее начинает в этот период все более активно вмешиваться в их внешнюю политику.

В предисловии к трагедии Корнель следующим образом формулирует задачи, которые он ставит перед собой:

«Моей основной целью было — нарисовать внешнюю политику римлян и их высокомерное обращение со своими союзниками — царями; их принцип, заключавшийся в том, чтобы помешать усилению этих царей, воспрепятствовать их величию, когда оно, возрастая в результате новых завоеваний, начинало тревожить Рим. Такой

характер я придал их республике в лице ее посла Фламиния... Я сделал Никомеда возлюбленным Лаодики, дабы союз с соседним царством внушил тревогу римлянам и заставил их принять меры к тому, чтобы воспрепятствовать этому...»

Для этого Корнель воспользовался незначительным эпизодом из истории Вифинии — одного из мелких малоазийских царств образовавшихся в результате распада империи Александра Македонского и превратившегося позднее (в I в. до н. э.) в римскую провинцию. История династической распри между вифинским царем Прусием и его сыном Никомедом, которого он задумал убить, чтобы выдвинуть своих сыновей от второго брака, рассказана римским историком Юстином (II в. н. э.) вне всякой связи с обстоятельствами смерти Ганнибала и внешней политикой Рима на Востоке. Сближение этих двух тем принадлежит исключительно Корнелю, как он и указывает в своем предисловии. Тем самым второстепенные исторические лица оказываются поставленными в центре больших исторических проблем и событий.

Из действующих лиц пьесы историческими фигурами являются только Прусий, Никомед и Фламиний. Арсиноя, Аттал и Лаодика — вымышленные персонажи. Прусий (192—148 гг. до н. э.) — царь Вифинии, давший убежище карфагенскому полководцу Ганнибалу и затем выдавший его римлянам. Тит Квинкий Фламиний (правильнее: Фламинин) — римский политический деятель, консул в 198 г. до н. э.; командовал римскими войсками во время второй македонской войны (200—197) и являлся проводником римского влияния в Греции. В 183 г. в качестве посла Римской республики был направлен к Прусии с требованием выдать Ганнибала. Никомед II — царь Вифинии (148—90 гг. до н. э.).

Стр. 268. *Когда в обмен ему был отдан Ганнибал* — Ганнибал (247—183 гг. до н. э.) — знаменитый карфагенский полководец, нанесший римлянам ряд поражений во время второй пунической войны. После заключения мира стоял некоторое время во главе Карфагенской республики. Опасаясь новой войны со стороны Карфагена, Рим потребовал в 195 г. выдачи Ганнибала, но тому удалось бежать в Эфес к сирийскому царю Антиоху III. Попытка совместного наступления на Рим (сирийская война) окончилась поражением Антиоха, обязавшегося по условиям мира выдать Ганнибала Риму. После долгих скитаний по малоазийским странам Ганнибал нашел пристанище в Вифинии, у царя Прусия, который рассчитывал использовать его как полководца в войне с соседним Пергамским царством. Однако по требованию римского посла Фла-

министра, обещавшего Пруссию милость сената, вифинский царь велел оцепить жилище Ганнибала с тем, чтобы выдать его римлянам. Видя безвыходность своего положения, Ганнибал принял яд.

Стр. 268. *Не отменила смерть навеки торжество,*

С которым римляне пришли встречать его. —

Торжество, точнее «триумф», — установившийся с давних пор в Риме обычай отмечать военные победы торжественным шествием на Капитолий. Во главе процессии ехал на колеснице увенчанный лавровым венком полководец, за ним шли пленные цари, далее воины и рабы, а впереди колесницы несли военные трофеи. Для побежденных триумф был крайней степенью унижения, которому они нередко предпочитали смерть. Так, по преданию, Клеопатра и Антоний покончили с собой, чтобы не участвовать в триумфальном шествии Августа.

— *И Каппадокию связал с моей страной...* — Каппадокия — одно из небольших малоазийских царств, образовавшихся в результате распада империи Александра Македонского; граничила с Вифинией. О завоевании Каппадокии вифинским царем древние историки ничего не сообщают.

Стр. 273. *Иль вы не знаете, что царь и царский сын*

Не так значительны, как римский гражданин? —

См. прим. к «Цинне», к стр. 171 Весь этот монолог Никомеда пронизан иронией над римскими законами и понятиями, ставившими любого римского гражданина выше иноземных царей.

Стр. 278. *В неблагородстве Рим не обвиняй за это:*

То римлянин свершил по моему совету. —

Эта попытка оправдать Рим, переложив вину на вымышленный персонаж — Арсиною, принадлежит, разумеется, самому Корнелию и не обоснована никакими историческими данными; к тому же она опровергается всем дальнейшим ходом трагедии и в особенности колоритной фигурой Фламиния.

— *Наверно знаешь ты: в бою у Тразимена...* — В битве при Тразименском озере (217 г. до н. э.) Ганнибал одержал блестящую победу над римским войском, которым командовал консул Гай Фламиний, павший в этой битве. Корнель ошибочно считает его отцом Тита Квинкция Фламинина, выступающего в «Никомеде» под именем Фламиния. На самом деле они принадлежали к разным родам.

Стр. 283. *Пусть он и чист еще во всех мечтах своих...*

Не преступлен ли — возможность преступлений? —

Весь монолог Араспа представляет собой почти дословный пересказ политических принципов, изложенных в трактате «Государь»

(1631) современного писателя Геза де Бальзака: «Государи могут предупредить опасность даже смертью подозрительных им лиц. По простому подозрению или даже сновидению монарху дозволено обезопасить себя от ненадежных подданных и успокоить свой дух... Лучше воспрепятствовать невинным совершить проступок, нежели оказаться вынужденным покарать виновных».

Стр. 287. *Порой — для консульства, порой — для диктатуры* — О должности консула см. выше — прим. к «Цинне», к стр. 155. Диктатор назначался сенатом в случае чрезвычайных обстоятельств (войны или внутренних волнений) и на короткий срок (не более 6 мес.) сосредоточивал в своих руках всю полноту власти.

Стр. 288. *...ведь вел же в бой когда-то*

Великий Сципион войска родного брата. —

Публий Корнелий Сципион Старший, по прозванию Африканский (235—183 гг. до н. э.) — знаменитый полководец, участник второй пунической войны, победитель Карфагена. Когда его брат, Луций Корнелий Сципион Азиатский, был назначен командующим римским войском во время сирийской войны (190 г.), Сципион Старший выехал сопровождать его в качестве легата.

— *Когда ж обоими был свергнут Антиох...* — Антиох III, прозванный Великим (223—187 гг. до н. э.) — сирийский царь из династии Селевкидов. Пытался вести войну с Римом, но потерпел решительное поражение в битве при Магнезии (190 г.).

Стр. 289. *И там, где Геллеспонт вздувается бурливо...* — Геллеспонт — древнее название Дарданелл.

Стр. 290. *Пора ее делить.* — Намек на известный принцип римской политики по отношению к ее врагам: «Разделяй и властвуй».

Стр. 291. *Нет, Сципион, придя к разбитым грозным стенам,*

Не захотел царить над павшим Карфагеном... —

Победив войска Ганнибала в битве при Заме (202 г.), Сципион предложил Карфагену мир, по которому республика сохраняла свою самостоятельность, но лишалась военного могущества.

— *Галатия и Понт* — малоазийские государства, расположенные одно к югу от Вифинии, другое к востоку от нее.

Стр. 295. *Армению свою, увидеть трупов горы...* — До 190 г. до н. э. Армения входила в состав монархии Селевкидов. После разгрома Антиоха III в Армении вспыхнуло восстание, и она объявила себя самостоятельным государством. Первым царем Армении был Арташес I (189—160 гг. до н. э.). Таким образом, слова Пруссия о «дикой резне» могут быть отнесены только к событиям, сопровождавшим отделение Армении от монархии Селевкидов. Все прочее является свободным вымыслом Корнелия.

Стр. 299. *Да, тайну грозных Канн, повергших Рим во прах...* — Битва при Каннах (216 г. до н. э.) вошла в историю военного дела как классический пример стратегического искусства Ганнибала, разгромившего численно превосходящие римские войска.

— *Как после Требии и Канн победоносных*

Сам карфагенянин в предчувствии дрожал... —

В битве при р. Требии, в северной Италии (218 г. до н. э.), войско римлян было разбито Ганнибалом.

Стр. 323. *Высокий Авентин и гордый Квиринал* — два из семи холмов, на которых расположен Рим.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Сигал. Пьер Корнель</i>	III
<i>Сид. Перевод М. Лозинского</i>	1
<i>Гораций. Перевод Н. Рыковой</i>	75
<i>Цинна, или Милосердие Августа. Перевод Вс. Рождественского</i>	137
<i>Родогуна, царевна парфянская. Перевод А. Курошевой</i> . . .	199
<i>Никомед. Перевод Е. Эткинда</i>	265
<i>Комментарии (составила Н. Сигал)</i>	337

ПЬЕР КОРНЕЛЬ Избранные трагедии

Редактор М. Трескунов. Художник И. Варзар. Художественный редактор А. Гайденков. Технический редактор Л. Чалова. Корректор М. Рубинович

Сдано в набор 18/VI 1956 г. Подп. к печати 20/VII. 1956 г.
Бумага 84 × 108^{1/32}. 12 печ. л. 19,68 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 16,97.
Заказ № 1347. Цена 6 р. 25 к.

Гослитиздат. Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. 2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

ПЬЕР
КОРНЕЛЬ

ПРИКЛАДНОЕ
ИСКУССТВО

